

И.С. Меншиков, С.Г. Федоров

ДЕВИАНТНОЕ И ДЕЛИНКВЕНТНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН
ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
во второй половине XIX – начале XX в.

Монография

ISBN 978-5-4217-0218-4

9 785421 702184

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

43-38-36

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
«Курганский государственный университет»

И.С. МЕНЩИКОВ
С.Г. ФЕДОРОВ

**ДЕВИАНТНОЕ И ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX–НАЧАЛЕ XX В.**

Монография

Курган 2013

УДК 908
ББК 63.3
М 50

Рецензенты:

Л.Ю. Зайцева, д-р ист. наук, профессор.

Н.И. Горин, канд. социолог. наук, доцент.

Р.В. Скиндерев, канд. юр. наук, доцент.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Научный редактор: д-р ист. наук, профессор В.В. Пундани

М 50 Менщиков И.С., Федоров С.Г. Девиантное и деликвентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX-начале XXв. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 260 с.

В монографии на основе архивных и опубликованных источников рассматриваются понятия нормы и отклонения в традиционной культуре, проявление и развитие девиантного и деликвентное поведение у русских крестьян на примере Южного Зауралья в переходную эпоху (вторая половина XIX–начало XX в.) Авторы пытаются осмыслить причины этих проявлений и провести определенные параллели с современным состоянием правосознания и правовой культуры общества России. За представленные материалы ответственность несут авторы.

ISBN 978-5-4217-0218-4

УДК 908
ББК 63.3

© Курганский
государственный
университет, 2013
© Менщиков И.С.,
Федоров С.Г., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Девиантное поведение русских крестьян во второй половине XIX–начале XX века	23
1.1 Норма и девиация в русской деревне Южного Зауралья во второй половине XIX в.	23
1.2 Девиантное поведение в общине Южного Зауралья в начале XX в.	70
Глава 2. Социально-правовые особенности южнозауральской общины во второй половине XIX века	91
2.1 Влияние ссыльнопоселенцев и переселенческого движения на традиционные нормы южнозауральской общины.	91
2.2 Обычноправовые традиции в южнозауральской общине и семье..	118
2.3 Роль волостных судов в правовой жизни южнозауральского крестьянства во второй половине XIX века	135
Глава 3. Социально-правовые особенности южнозауральской общины в конце XIX–начале XX века	149
3.1 Переселенческое движение и южнозауральская община в начале XX века.....	149
3.2 Модернизационные процессы и трансформация обычноправовых традиций крестьян Южного Зауралья	164
Заключение	186
Примечания	199
Принятые сокращения	237
Список литературы	238

ВВЕДЕНИЕ

Жизнедеятельность человека в обществе регулируется социально-нормативными механизмами: социальными нормами и социальным контролем. В этих механизмах одно из центральных мест занимает право, правовое регулирование. Нормы права выступают важным средством формирования правового поведения человека. Правовое поведение активно воздействует на общественные отношения и является одной из важнейших форм поведения, имеющей особое значение в сложных социальных процессах нашего времени. Задача правового развития личности – строить свою жизнь в согласии с нормами права, – одна из самых главных в утверждении гражданского общества и правового государства.

Модернизационные процессы второй половины XIX века, происходившие в России, оказали решающее влияние на ход исторического развития общества и государства. В настоящее время в отечественной и зарубежной историографии наблюдается растущий интерес к этим модернизационным процессам [1]. Он вызван поиском дальнейших путей развития Российской Федерации, который нашел свое непосредственное выражение в реформах, совершающихся в стране уже на протяжении более двадцати лет.

В определении понятия модернизации и модернизационных процессов авторы склонны согласиться с мнением уральского историка В.В. Алексеева. По его мнению, под модернизацией следует понимать «всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления современных мотивационных механизмов и т.п.» [2].

Модернизационные процессы также охватывают такую важную сферу жизнедеятельности любого общества и государства, как правовую. Правовые реформы, проводимые в постсоветской России, должны были учитывать опыт преобразований в императорской России пореформенного периода. Этот опыт особенно ценен в связи с двумя обстоятельствами: во-первых, Россия как тогда, так и сегодня находится в процессе глубокой и коренной социально-экономической перестройки; во-вторых, уроки правовой политики императорского правительства крайне необходимы поли-

тической элите и всему обществу для осуществления продуманных и взвешенных законодательных мероприятий в настоящее время [3].

В современной отечественной истории, по нашему мнению, недостаточно изучена тема влияния модернизационных процессов на правовое поведение, характер и уровень преступности российского крестьянства, особенно на местном региональном уровне. Поэтому возникает необходимость более полного и разностороннего реконструирования данной проблемы, изучения социально-экономической жизни зауральского крестьянства в историко-правовом аспекте, изучения девиантного поведения части этого сословия в период пореформенных модернизационных процессов в обозначенных территориальных рамках. В этой связи настоящее исследование является актуальным [4].

Специальных работ, посвященных правовому поведению и преступности в крестьянской среде Южного Зауралья, мы не обнаружили. Хотя существует довольно значительное количество трудов, касающихся либо общих, либо частных вопросов как на общероссийском, так и на региональном уровнях [5]. В основу историографии монографии положен проблемно-хронологический принцип, который позволяет выделить следующие периоды: 1) дореволюционный; 2) советский; 3) постсоветский.

Большую роль в правомерном поведении русского крестьянства играло обычное право, под которым мы понимаем «совокупность правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения и санкционированных государственной властью» [6]. В первой половине XIX в. российская историко-правовая наука обратила внимание на неписанные нормы, определявшие повседневную жизнь русской деревни и регулировавшие внутريدеревенские и внутрисемейные хозяйственные, имущественные и бытовые отношения. В 1840-1860 гг. проблема обычного права была поставлена К.Д. Кавелиным [7]. Он отводил большое место обычаю в историческом развитии русского права и доказывал его отличие от права западноевропейских государств. Также им было доказано, что в соборном уложении 1649 г. преобладали еще общеправовые установки, но в дальнейшем «древняя русская жизнь исчерпала себя вполне» [8]. Дальнейшее развитие историографии по данной теме положила дискуссия дореволюционных отечественных историков, юристов и этнографов о традиционном общеправовом мировоззрении пореформенного русского крестьянства. Российские историки-правоведы

(К.Д. Кавелин, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.В. Самоковасов и др.) оценивали обычай как один из источников писаного права и признавали реальностью существование комплекса особых неофициальных правовых отношений в крестьянской среде [9]. При всех расхождениях в оценке соотношения обычного и государственного права в крестьянской среде историки-правоведы XIX в. подчиняли историю обычного права истории права государственного.

В ходе реформ 60-х годов XIX в. (особенно судебной) соотношение обычного права и действующего законодательства приобрело помимо теоретического еще и практический смысл. В частности, по «Положению» 19 февраля 1861 г. крестьянам дозволялось руководствоваться своими обычаями при разрешении наследственных, имущественных отношений, дел, связанных с опекой, и т.д. Узаконение функционирования обычного права в государственно-правовой практике определялось тем, что особенности общинной хозяйственной жизни, а также многие стороны гражданских отношений в крестьянской среде очень часто не могли быть урегулированы действовавшим сводом законов. Ученые того времени точно определили связь между хозяйственным и семейным строем общины и правовыми представлениями крестьянства. Большинство авторов, участвовавших в обсуждении проблемы, доказывало принципиальное несходство крестьянских правовых обычаев и законодательства. «Народное обычное право и право культурное представляют собой два строя юридических воззрений, отличных один от другого», - утверждала А.Я. Ефименко [10].

Причины расхождений между народными правовыми представлениями и формальными законами И.М. Тютрюмов и А.А. Леонтьев видели в особенностях развития российского законодательства, сословном общественном устройстве, правовой обособленности крестьян [11]. Эти же ученые явились авторами «трудовой теории», которая, по их мнению, определяла все явления крестьянской хозяйственной и семейной жизни, а центральным элементом крестьянского правосознания был их взгляд на землю как на объект применения трудовой силы. Согласно мнению теоретиков «трудового начала», в обычном праве крестьянская семья представляла трудовую ассоциацию, в которой кровная связь была второстепенным элементом.

Многие исследователи крестьянского быта того времени считали, что проникновение официального законодательства в крестьянскую жизнь

оказывает на крестьянство «тлетворное влияние». Такой точки зрения придерживался, например, К.Р. Качоровский [12].

Известный русский юрист С.В. Пахман в своем фундаментальном труде «Обычное гражданское право в России. Юридические очерки» сделал попытку уложить все обычное русское право в рамки системы, выработанной на почве римского права [13]. Он не считал обычное право неизменной категорией. Под влиянием изменяющихся условий быта обычное право, несмотря на относительную стойкость, не остается в абсолютной неподвижности, а с течением времени изменяется. С.В. Пахман был противником «трудовой теории» и усматривал в обычном праве борьбу новых воззрений с отживающими старыми, что проявлялось в существовании общности и раздельности имущества в семье [14]. Попытке юриста изложить в строгой схеме обычное право всего русского народа противостояли такие этнографы и юристы как, А.Я. Ефименко и П.А. Муллов [15].

В конце 70–начале 80-х годов XIX века Русским географическим обществом было разработано несколько программ для собирания и изучения обычного права. Одной из лучших была признана программа известного криминалиста того времени И.Я. Фойницкого [16]. Он дает следующее определение обычного права: «Правила, применяемые народом при суждении непозволительных в общежитии действий, называются условно юридическими обычаями. От обычаев следует отличать:

1) воззрения народа, хотя и общераспространенные, но не находящие себе действительного применения;

2) меры, действительно применяемые иногда потерпевшими, но расходющиеся с взглядом народа, который относится к ним как к актам самосуда;

3) взгляды и меры, вышедшие из употребления, о которых сохранились лишь предания» [17].

В отечественной историографии второй половины XIX–начала XX века существовало одно из мнений, что принципиальных различий между законом и обычаем нет. Такого мнения придерживалась целая группа историков и юристов. А.Д. Билимович, обобщив мнения местных комитетов о потребностях сельскохозяйственной промышленности, пришел к выводу, что «правосознание народа вполне отвечает началам писаного права и давно уже подготовлено к его восприятию» [18]. Г.А. Евреинов полагал,

что крестьяне с XI века жили по закону, а обычное право не имело существенного влияния на быт деревни [19]. По мнению Н.П. Дружинина, «крестьянская жизнь – проста, однообразна, сера, буднична, поэтому общие законодательные нормы легко приживаются в деревне» [20].

В дореволюционной историографии вызывал споры вопрос о происхождении русского законодательства. С.М. Барац утверждал, что гражданские законы второй половины XIX века не содержат в себе начал, «выработанных русской жизнью», и не служат «выражением народных прав» - они представляют собой «широкие заимствования из самых разнородных чужеземных кодексов» и не соответствуют правовым представлениям народа [21].

Многие историки связывали с обычным правом и правовое положение пореформенного российского крестьянства: его рассматривали А.А. Титов, А.С. Постников, А.А. Мануилов и др. [22]. А.А. Титов указывал, что реформа 19 февраля 1861 года положила начало «планомерному расширению и углублению» прав крестьянства на пути превращения их в «свободных полноправных граждан». Автор отмечал, что основой правовой обособленности крестьян было закрепление за ними обязанности платить «подушную подать круговой порукой с обязательной припиской к крестьянскому обществу без права выхода из него». А.А. Титов делает вывод, что дальнейшие указы, отменившие круговую поруку, разрешившие крестьянам самим выбирать место жительства и требовать выдела своего участка из общинной земли, главной целью имели создание в крестьянстве «особой группы, которая составила бы собою новый социальный класс мелких земельных собственников» [23].

А.С. Постников указывал, что установление частной собственности на землю для крестьян должно происходить «с дарованием тех прав, которыми пользуются граждане в современном правовом государстве» [24].

А.А. Мануилов рассматривал правовое положение крестьян через вопросы отношения общественно-политических движений к крестьянской общине. Сравнивая взгляды славянофилов и западников, автор приводит сильные и слабые стороны данных направлений и делает вывод о признании реформаторами того факта, что община «не может быть вековой, а должна измениться путем свободного развития», однако это совсем не дает права требовать «немедленного упразднения общинного землевладения и замены его личной собственностью», с одной стороны, и бо-

роться за сохранение общины «на будущие времена, как наилучшей формы владения землею», с другой [25].

Роль крестьянской общины в процессе проводимых преобразований рассматривали К.Р. Качоровский, А.А. Николаев, А.А. Кауфман, Н.О. Осипов и др. [26].

К.Р. Качоровский, занимаясь исследованиями крестьянской общины, утверждал, что от решения вопроса общинного землевладения, напрямую связанного с «выработкой законодательной земельной реформы, все утвердилось». По словам автора, данный вопрос, приобрел и «политическое значение», так как Россию стали упорно толкать на «наклонную плоскость революции». Однако практическое решение вопроса о сохранении крестьянской общины осталось открытым, что позволило ученому сделать вывод, «что община, во всяком случае, ближе к жизни, чем к смерти» [27].

А.А. Николаев отмечал, что не может быть полного освобождения крестьян без предоставления им «полных прав гражданства». Автор указывал на те условия, которые препятствовали получению крестьянами «полных прав гражданства»: круговая порука, особые волостные суды, земские начальники «как верховные вершители крестьянских судеб», сохранение крестьянской общины [28].

А.А. Кауфман и Н.О. Осипов исследовали развитие крестьянской общины в Сибири, широко используя местный материал. Они выделили общие и особенные признаки западносибирской и европейской российской общины. Ученые отметили характерную и особенную черту сибирского общинного землевладения, названную ими «старозаимочной» [29].

Вопросы изменения местного крестьянского самоуправления рассматривал М.Н. Соболев, вопросы распространения частного землевладения в Сибири - Д.М. Головачев [30].

Таким образом, в дореволюционной историографии существовало значительное разнообразие теорий и взглядов как на пореформенную крестьянскую общину, так и на обычное право, во многом регулировавшее хозяйственные и гражданские отношения в общине. Историки и юристы признали комплекс обычаев, определявших жизнь деревни, живой реальностью. А дискуссия о применении норм обычного права в административном управлении деревни и в судебной сфере в пореформенных условиях повлияла на практическую деятельность государственной администра-

ции и судебной власти пореформенного периода. Дореволюционные ученые конца XIX века в основной своей массе отмечали необходимость предоставления крестьянам судебных прав, равных с другими сословиями, ликвидации крестьянских волостных судов, отмирания норм обычного права в крестьянском правовом мировоззрении.

Советская историография на разных этапах своего развития изучала целый комплекс вопросов и проблем, связанных с историей российского пореформенного крестьянства, а также крестьянской общины на региональном и общероссийском уровнях в экономическом, социально-политическом и культурно-правовом аспектах. В своих работах советские историки в большей или меньшей степени непосредственно или косвенно рассматривали правовое положение, обычное право и связанное с ними правовое поведение крестьян Российской империи.

В 1920-1930-е годы, когда происходило становление марксистско-ленинской историографии, наметились основные направления конкретно-исторических и общих исследований: социально-экономическое и политическое положение крестьянства накануне освобождения, влияние земельной реформы на эволюцию крестьянской общины, соотношение феодальных и капиталистических элементов в русской деревне, капитализация сельского хозяйства [31]. На данном этапе историография уделяла основное внимание помещичьим крестьянам центральных губерний России и изучала крестьянское сословие на общероссийском уровне.

Большим событием в советской историографии 40-50-х годов является публикация монографии «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева» Н.М. Дружинина, а также других его работ [32]. Им был рассмотрен процесс прохождения реформы государственных и помещичьих крестьян, деятельность учреждений по крестьянским делам, проблемы крестьянского землевладения и землепользования, развитие крестьянских хозяйств в основных районах страны и социально-политический кризис 1879-1881 годов. Одной из основных идей автора являлось то, что отмена крепостного права и последующие реформы не облегчили экономического и правового положения крестьянства.

Проблемы истории пореформенного крестьянства на общероссийском уровне также исследовали: П.А. Зайончковский, Б.Г. Литвак, Л.Г. Захарова, А.М. Анфимов, В.В. Кабанов и многие другие. В их трудах исследовались вопросы самого разнообразного характера: от процесса

подготовки реформ 1860-1870-х гг. до практических результатов реализации этих реформ в России [33].

П.А. Зайончковский исследовал богатейший материал, характеризующий состояние крестьянской общины в европейской части России в до-реформенное и послереформенное время. Автор приводит также сведения о количестве помещичьей и надельной земли в Шадринском уезде Пермской губернии. В своих исследованиях историк большой акцент делает на буржуазном содержании реформ, отмечая, что, несмотря на сохранение феодальных пережитков, реформы значительно ускорили развитие капитализма не только в сельском хозяйстве, но и во всех сферах жизни российского общества [34].

В работах Б.Г. Литвака исследовалась история крестьянских движений в России на протяжении XVIII-XIX столетий, раскрывались их социально-экономические и политические причины. Реформу 1861 года он трактует как мирный государственный переворот, который позволил России встать на путь цивилизованного развития. Однако в результате развития революционно-демократического движения и сильной консервативной оппозиции в правящей элите реформаторская альтернатива, по его мнению, не была полностью реализована в нашем государстве и обществе [35].

Л.Г. Захарова изучала вопросы подготовки реформы 1861 года, создания комитетов и развития правительственной программы реформы, учреждения редакционных комиссий и их программ по крестьянскому вопросу.

В работах А.М. Анфимова анализировалось состояние российской деревни в пореформенное время, роль помещичьих и крестьянских хозяйств в дальнейшем развитии экономики России, классовая борьба крестьянства на рубеже веков, процессы переселения крестьянства на окраины страны. Он попытался дать более широкое толкование понятию «аграрный строй», важнейшими элементами которого он называл наряду с землевладением и землепользованием систему ведения хозяйства [36]. Один из главных выводов автора заключался в том, что «именно бедность как наследие крепостного строя, результат государственной политики не давала крестьянину развернуться в полную силу» [37].

В монографиях В.В. Кабанова изучались вопросы эволюции сельской общины, демографии и государственной политики по отношению к

деревне, роли кооперации в развитии сельского хозяйства [38]. Историк отмечал, что в послереформенной России существовал не только «пруссский путь» развития, но и другие пути эволюции сельского хозяйства. «Одновременно с кооперативным формировался фермерский путь...Захватно-заимочная система землепользования в Сибири была близка к американскому фермерству, ибо в значительной мере такие хозяйства образовывались в результате колонизации (ближней и дальней) и переселения» [39].

Вопросы, связанные с обычным правом, его соотношением с официальным законодательством второй половины XIX века стали объектом внимания советской историографии в основном в 60-80-е годы. Данной проблемой, главным образом, занимались П.Н. Зырянов, В.А. Александров и др. [40].

П.Н. Зырянов полагал, что обычное право к концу XIX века стало тормозить капиталистическое развитие деревни; правосознание крестьян в тот период уже было подготовлено к восприятию твердых оснований писаного права [41].

По мнению В.А. Александрова, условия существования сельской общины способствовали живучести «неписаной совокупности правовых норм, по своей юридической сущности расходившихся с законодательными нормами» [42]. Кроме того, историк отмечает, что обычное право есть право сословное (в силу своей социальной природы), этот вид права является динамичным явлением и изменяется под влиянием социально-экономических условий. Мы не вполне согласны с мнением автора, что обычное право становилось опорой крестьян в борьбе с властью феодалов, т.к. «в стойкости сохранения общеправовых норм отражалась борьба крестьянина за свои социальные и хозяйственные права» [43].

В целом советская историография 60-80-х годов уделяла наибольшее внимание классовому характеру проводимых реформ, подчеркивала их сословный характер, продворянскую и антикрестьянскую сущность. Происходили дискуссии о соотношении феодальных и капиталистических элементов в крестьянской и других реформах, о государственной политике в отношении крестьянского сословия и влиянии реформ на развитие русской деревни. Делался непререкаемый вывод о «пруссском пути» эволюции сельского хозяйства в России [44]. В значительной мере историография этого периода исследовала экономический и социально-политичес-

кий аспекты жизни русской деревни, в том числе и сибирской. Детально изучались классовая борьба крестьянства, его первая и вторая «социальные войны». Непререкаемым авторитетом для историков этого времени были работы классиков марксизма-ленинизма. Очень часто игнорировались факты, не подпадающие под жесткую идеологическую схему, или подавались в нужной интерпретации. Но несмотря на свою идеологическую направленность, эти работы не утратили своего значения и в настоящее время в силу основательно изученных поставленных проблем и вопросов, богатейшего фактического материала и огромного количества представленных источников.

В конце 80-х годов прошлого столетия и первого десятилетия нынешнего отечественная наука под влиянием социально-политических перемен, происходивших в нашем обществе, отходит от жестких идеологических схем. Появляется большое количество работ, написанных на основе новых методологических принципов и приемов. Проводятся конференции, семинары, круглые столы, посвященные как уже изученным, так и новым проблемам пореформенного развития России [45]. В этот период начинает широко применяться теория модернизации. Появляется целый пласт исторической литературы, посвященной проблемам модернизационного развития России [46]. В центре внимания отечественных ученых оказываются дискуссионные вопросы о месте России в мировом историческом процессе, о сути модернизационных процессов и их составляющих, о хронологических рамках российской модернизации и ее характере, о причинах отсталости экономического развития России, в том числе и аграрной и т.д. Данные вопросы носят дискуссионный характер и в настоящее время.

В отечественной историографии последнего времени также уделялось значительное внимание обычному праву. В частности, данной проблемой занимались историки-этнологи: Х.М. Думанов, А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, С.И. Нагих, С.А. Токарев, Б.Х. Бгажнок и др. [47].

Ю.И. Семенов считает, что уже в раннепервобытном обществе в межобщинных отношениях возникали зачатки обычного права, в позднепервобытном обществе они становятся отчетливее и в эпоху классовообразования оформляются в подлинное обычное право, обеспеченное политической властью [48].

С.И. Нагих отмечает, что санкции обычного права значительно суровей санкцией официального права в развитом классовом обществе. Это связано с тем, что правящая элита стремится защитить нарастающую частную собственность и подавить своеволие индивида в переходное время, когда рвутся и перестраиваются социальные связи [49].

С.А. Токарев поставил вопрос: действовали ли постпервобытные синкретные поведенческие нормы в одних лишь крестьянских общинах? Отвечая на него, он писал: «Мы живем нормами, оплетенными со всех сторон обычаями, частью старинными, частью более новыми. Мы так привыкли к ним, что, как правило, и не замечаем их, хотя подчиняемся им на каждом шагу. Дело касается именно обычаев, как бы «неписаных законов», а не законов в собственном смысле этого слова. Лишь в редких случаях затрагиваются, и то лишь косвенно, те или иные статьи закона, гражданского или уголовного права» [50]. Думается, что здесь С.А. Токарев смешивает обычаи с тем, что часто называют обычным или общинным правом.

Этнолог Б.Х. Бгажнок в своей работе обращает внимание на первоначальную слитность этикета с другими поведенческими нормами: моралью и правом. В частности, как он замечает, уже в середине XIX века у адыгейцев началось перемещение в систему моральных и этикетных правил определенной части общеправовых норм и установлений: порядок наследования имущества, отношения между сословиями, бракосочетание по шариату и т.д. [51].

Х.М. Думанов, А.И. Першиц в своих работах попытались показать, что к поведенческим нормам «дополитического общества» неприменимо понятие «обычное право». По их мнению, это не обычное право, а мононорматика, в которой слиты все виды поведенческих норм: правовые, этические, этикетные [52]. Согласно развитой концепции А.И. Першица, в эпоху классово- и политогенеза первобытная монопрактика перерастает в обычное право и на этом в основном прекращает свое существование [53]. Эти же авторы видят следующую структуру обычного права (его основные отрасли): уголовное право, имущественное право, брачно-семейное право, процессуальное право.

Многие историки, юристы, этнологи в своих работах отмечали противоречивость термина «обычное право» [54]. Однако введение нового термина, расширяющего или корректирующего старый, до настоящего

времени не выработано ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Таким образом, и в настоящее время остается дискуссионным вопрос о существовании обычного права вообще и в русской крестьянской общине в частности. Несомненно одно, что под влиянием модернизационных процессов во второй половине XIX-начале XX в. в России традиционное правовое мировоззрение и поведение крестьян подверглось значительной трансформации и существенно приблизилось к официально-нормативному законодательству, в том числе и в южнозауральском регионе.

На региональном уровне большое значение для изучения жизни и быта сибирского крестьянства имел фундаментальный труд «История Сибири», вышедший в конце 1960-х годов. В третьем томе названного издания рассматривается история Сибири в эпоху капитализма [55].

Вскоре после выхода данного труда публикуется серия монографий по историографии Сибири второй половины XIX-начала XX века. Первой крупной работой в этой области явилась книга В.Г. Мирзоева «Историография Сибири (домарксистский период)». В ней дан подробный анализ направлений историографической мысли XVII-XIX веков, выделены этапы их развития, была создана прочная база для дальнейшего изучения истории Сибири [56]. Исследование было продолжено М.Б. Шейнфельдом, который проанализировал сибирскую историографию конца XIX-начала XX века. Тем самым была создана целостная картина историографии Сибири дооктябрьского периода [57]. Новизной подходов к проблемам историографии Сибири до 1917 года отличается работа Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко «Историография Сибири дооктябрьского периода». Авторы дали глубокий анализ исторической литературы до 1917 года по определённым вопросам, дополнив тем самым существующие исследования, в том числе и по вопросам традиционной культуры крестьянства XIX века. В названной монографии указываются и изучаются основные исторические работы, посвящённые исследованию различных сторон социально-экономической и политической жизни сибирской крестьянской общины [58].

Огромный вклад в создание этой картины внесли фундаментальные труды М.М. Громько и Н.А. Миненко, М.М. Громько выделила основные проблемы для изучения истории сельской общины, выявила главные направления её исследования, определила методологические принципы и подходы. Она отмечает, что обширное поле для изучения представляют

взгляды крестьян на общину, традиционные нормы поведения и общения крестьян, их внутренний мир [59]. В ряде своих работ М.М. Громыко проводит изучение традиционной материальной и духовной культуры крестьян, поднимает вопросы, касающиеся механизмов воспроизводства культуры, а также социального поведения, культурной роли общины. Особо она выделяет роль семьи и общины как институтов социализации. Основываясь на общероссийском и сибирском материале, М.М. Громыко приходит к важному выводу: «Повседневное поведение крестьян нормировано традициями, охраняемыми общественным мнением и основанными на широком комплексе нравственных, религиозных и социальных представлений... нормы поведения осознавались, им учили, а не только воспринимали из жизни традиционных форм» [60]. Значительное место в иных работах автора уделено духовной культуре, этике и социальной психологии крестьян. В целом, работы М.М. Громыко трудно оценить в качестве прочной базы для дальнейшего изучения культуры, в том числе и правовой, крестьянства России и Сибири [61].

К работам М.М. Громыко примыкают и конкретизируют их труды Н.А. Миненко В своих многочисленных статьях и монографиях она рассматривает широкий спектр традиционной крестьянской культуры [62]. Автору удалось полно и разносторонне показать своеобразие культуры зауральского крестьянства, его психологии и внутреннего мира. В работах были изучены отношения крестьян внутри семьи и общины, трудовые и бытовые традиции в эпоху феодализма. В различных формах проявления крестьянской культуры Н.А. Миненко оценивает внутреннее содержание ритуалов, традиций и поведенческих стереотипов, внутренний мир, мировоззрение крестьян. Основной заслугой автора является воссоздание целостной картины культурной жизни Урало-сибирского региона до середины XIX века.

К сожалению, названные авторы не затронули в своих трудах традиции и мировоззрение крестьянства в период капитализма и кризиса традиционной культуры, впрочем, они и не ставили перед собой таких задач. На наш взгляд, пореформенный период истории зауральской общины изучен не столь основательно, как зауральская община эпохи феодализма.

В работах З.П. Горьковской изучены источники для исследования трудовой деятельности сибирского крестьянства, отмечено влияние переселенцев на трудовые традиции местной общины [63].

Для нашей темы также интересны работы Т.С. Мамсик. В этих работах рассмотрены основные стороны жизни и деятельности, хозяйственного быта и социальной активности сибирской и уральской деревни, содержатся сведения о том, какие меры принимала община против недовольных и социально опасных для себя членов, указывается, что это было не только экономическое давление, но и прямое насилие. Таким образом, Т.С. Мамсик в своих трудах рассматривает различные, в том числе и полицейские, функции общины [64].

Заметный вклад в разработку проблем жизни и быта Западной Сибири внесли учёные Института этнографии Академии наук СССР, обобщив и проанализировав большой материал по самым разным аспектам. Их работа «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» является комплексным исследованием, в котором рассмотрены социально-экономические и общественно-политические вопросы жизни сибирского крестьянства [65]. О.И. Зотова, В.В. Новиков, Е.Р. Шорохова основательно проследили особенности социальной психологии крестьянства на протяжении последних трёх столетий, выявили этапы её развития [66]. Различными сторонами социальной психологии и сознания жителей урало-сибирского региона занимались И.В. Побережников и Л.В. Островская [67].

В.А. Зверев впервые уделил особое внимание сибирской крестьянской семье как институту социализации. Он рассмотрел этапы её эволюции в конце XIX-начале XX в., проанализировал ее функции. Историк сделал выводы о разложении больших семей в сибирском регионе в связи с перестройкой хозяйства на капиталистический лад [68].

В сибирском краеведении большое внимание уделялось вопросам общинного и местного самоуправления в пореформенный период развития Сибири. О.Н. Богатырева рассмотрела земское самоуправление и административное крестьянское устройство и их эволюцию в Вятской и Пермской губерниях. В своей работе она отметила существенное отставание в проведении земской реформы, ее особенности и отличия на окраинах России от центральных губерний, что было связано с целенаправленной политикой царской администрации [69]. Процессы развития сельского и городского самоуправления на Урале в XVIII-начале XX в. были детально и тщательно изучены авторским коллективом уральских историков. Авторы монографии отмечают, что специфика уральского городского и сельского самоуправления во многом объяснялась значительным числом гор-

нозаводских поселений, их высоким уровнем развития и большой ролью в социально-экономическом и культурном развитии региона [70].

Одной из главных черт исторического развития Сибири была ее колонизация. Поэтому ее ключевым проблемам посвящено довольно значительное число монографий советского и постсоветского периода. А.Д. Колесников исследовал вопрос о штрафной колонизации Сибири, роли ссылки в ее освоении, определил количество ссыльных в русском населении Западной Сибири в XVIII–XIX вв. и пришел к выводу, что «ссылка, хотя и сыграла некоторую роль в формировании сибирского населения, но ссыльные во все периоды освоения Сибири составляли значительно меньшую часть ее всего населения» [71].

В 70-80-е годы прошлого столетия сибирские историки выпустили значительное количество научных сборников, посвященных политической ссылке и каторге в Сибири. В них исследовались источники по истории освоения Сибири, историография ссылки, расселение и положение ссыльных в Сибири, влияние ссылки на местную крестьянскую общину и ряд других вопросов, связанных с данной проблемой [72]. Однако существенным недостатком указанных сборников является то, что уголовной ссылке и каторге, их влиянию на сибирскую крестьянскую общину фактически не уделено никакого внимания.

В постсоветский период штрафную колонизацию, уголовную ссылку, их воздействие на местное население Сибири изучали А.Д. Марголис, П. Кошель, П.Н. Бортникова и другие [73].

В последнее время серьезный вклад в развитие отечественной регионалистики, в изучение различных сторон жизни крестьянской общины как дореформенной, так и послереформенной эпох внесли местные ученые-краеведы: В.В. Пундани, Н.Ф. Емельянов, В.В. Менщиков, В.А. Кислицын, Г.Г. Павлуцких, П.А. Свищев, В.А. Никитин, И.С. Менщиков и другие [74].

В зарубежной историографии также уделялось серьезное внимание русскому обычному праву, девиантному поведению крестьян и преступности в их среде. Назовем лишь некоторых авторов.

Т. Парсонс отмечает, что после 1861 г. в связи с крестьянской реформой нормы обычного права в народной среде подверглись существенным изменениям. А с разрушением традиционной крестьянской общины

обычное право теряет свое значение, уступая место официальному российскому законодательству [75].

Другой американский историк Д. Кристиан обратил внимание на такой «правовой» обычай в крестьянской среде, как «напой», служащий существенным средством примирения между потерпевшим и преступником. Ученый также указывал на коррупционность волостных судей, очень часто зависящих от сельской верхушки и общественно-волостной администрации [76].

В своей работе «Преступление и наказание в российской деревне: деревенские представления о преступлении в конце XIX в.» К. Фрайерсон, на наш взгляд, существенно преувеличивает влияние обычного права в крестьянской общине, ошибочно относит самосуд к нормам обычного права, а само это право рассматривает как продукт дикого произвола и невежества [77]. В частности, она пишет: «Самосуд представляет крестьянскую реакцию на противоправные действия, которые требовали отклика извне – от формальной законодательной системы, которая должна была установить ряд наказаний: от простой оплаты счета за нанесенный ущерб до серьезного и эффективного возмездия... Но эта система не удовлетворяла крестьян, поэтому крестьяне верили, что самосуд не только оправдан, но и, действительно, необходим» [78].

Таким образом, анализ литературы по исследуемой теме показывает, что она содержит разнообразный фактический материал по социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни крестьянской общины в Западной Сибири. Вместе с тем следует отметить и отсутствие обобщенного исследования по проблемам правового поведения и преступности зауральского крестьянства, влияния на них модернизационных процессов во второй половине XIX-начале XX в.

Источниковая база, составившая основу исследования, обширна. Для систематизации выявленных источников мы используем традиционные квалификационные схемы и выделяем опубликованные и неопубликованные источники. Неопубликованные источники по теме выявлены и отобраны для исследования одного центрального и четырех региональных архивов: Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Курганской области (ГАКО), Государственном архиве города Шадринска (ГАГШ), Государственном архиве Пермской об-

ласти (ГАПО), Государственном учреждении Тюменской области Государственного архива города Тобольска (ГУТО ГА г. Тобольска).

Значительная часть использованных архивных источников относится к категории делопроизводственных документов. Циркуляры, инструкции, правила министерств и их подразделений, отчеты чиновников нашли свое отражение в фонде 1291 «Земский отдел МВД» РГИА.

Группа источников, раскрывающих практическую деятельность сельской администрации, является самой многочисленной, в нее входят приговоры сельских и волостных сходов, материалы судебных следствий, деловая переписка сельских и волостных старост, решения волостных судов. Эти документы сосредоточены в региональных архивах. Среди материалов, собранных в фондах данных архивов, мы должны отметить следующие источники: циркулярные письма Общего присутствия Тобольского губернского управления, управляющего государственными имуществами Тобольской губернии по вопросам поземельно-устроительных работ, отчеты, статистические сведения о ходе поземельно-устроительных работ (ГУ ГАКО, ф.166,175, 245; ГУ ГАПО, ф.39, 41,285; ГУТО ГА г. Тобольска ф.333; ГУ ГАГШ ф.489,492,495). Данные источники дают возможность рассмотреть процесс развития юридических поземельных отношений в жизни крестьянской общины. Неоценимы для изучения преступности в крестьянской общине Южного Зауралья дела Тобольского губернского суда (ГУТО ГА г. Тобольска ф.376), прокурора Тобольского окружного суда и товарища прокурора Тобольского окружного суда по Курганскому уезду (ГУТО ГА г. Тобольска ф.164; ГУ ГАКО ф.242), уездного и окружного полицейских управлений городов Тобольска и Кургана (ГУТО ГА г. Тобольска ф.2; ГУ ГАКО ф.254), окружных судов (ГУ ГАПО, ф.1; ГУТО ГА г. Тобольска ф.236; ГУ ГАКО ф.236), архивные фонды мировых судов (ГУТО ГА г. Тобольска ф.579; ГУ ГАКО ф.237,239), крестьянских начальников, уездных съездов земских начальников, уездных присутствий по крестьянским делам Тобольской губернии (ГУТО ГА г. Тобольска ф.345; ГУ ГАКО ф.285; ГУ ГАГШ ф.475, 597), содержащие гражданские и уголовные судебные дела о преступлениях и правонарушениях крестьян. Данные источники позволяют выявить тенденции наиболее характерных преступлений, их виды и уровень среди крестьянства. Значительная часть документов этих фондов ранее не вводилась в научный оборот. Заметный интерес для историков урало-сибирского региона пред-

ставляют фонды волостных и сельских правлений и волостных управлений, волостных судов, где обнаруживаются интереснейшие данные по социальной психологии и правовому поведению крестьянства. Наиболее богатыми в этом отношении являются фонды Глядянского (Ф.129), Кислянского (Ф.189), Чинеевского (Ф.187), Чернавского (122), Тебенякского (ф.251), Куртамышского (ф.4), Марайского (ф.195), Ялымского (ф.227) волостных правлений и Островского (ф.183), Межборского (ф.135), Кислянского (ф.185) сельских управлений ГУ ГАКО, а также Широковского (Ф. 23), Иванищевского (Ф.27), Барневского (Ф.5), Кривинского (Ф.16), Баклановского (Ф.202) волостных правлений ГУ ГАГШ.

К опубликованным источникам, отражающим взаимоотношения правительства и государственного крестьянства, относится Российское законодательство (Уложение о наказаниях, указы, положения, правила и т.д.), которое регулировало правовое положение крестьянского сословия второй половины XIX–начала XX в.

Используемые в исследовании статистические документы представлены материалами Первой всеобщей переписи населения России, справочными материалами для изучения экономического и хозяйственного быта сельского населения, списками населенных мест Тобольской губернии, статистическими данными по переселению и землеустройству, справочные и Памятные книжки Тобольской, Оренбургской и Пермской губерний, разного рода статистические обзоры и приложения к отчётам губернаторов, земская и городская статистика, статистические материалы учетных округов и т.д. Эти материалы позволяют проследить особенности социально-экономического и демографического развития региона, изменения в социальном, национальном и религиозном составе южноуральского населения.

Особое место занимают материалы периодики. В этой группе источников исследованы материалы местной и губернской печати, общероссийские и сибирские журналы и газеты. В нашей работе наиболее часто используются следующие издания: «Журнал Гражданского и Уголовного Права», «Журнал Министерства Юстиции», «Журнал Юридического общества», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская речь», «Русское богатство», «Дело», «Сибирские вопросы», «Сибирский вестник», «Сибирский листок», «Вестник кооперации», «Тобольские губернские ведомости» (ТГВ), «Тобольские епархиальные ведомости» (ТЕВ),

«Оренбургские епархиальные ведомости» (ОЕВ), «Народная газета» (Курган), «Курганский вестник», «Исеть» и другие.

Указанные источники дают представление о хронике событий повседневной жизни крестьянства, рисуют определенную динамику его правового поведения.

Последнюю группу источников составляют документы мемуарного характера: воспоминания, дневники, частная переписка. Некоторые из них опубликованы, часть является рукописями и хранится в фондах различных архивохранилищ. Материалы личного происхождения показывают отношение их авторов к окружающим их явлениям и происходящим событиям. «Записки исполняющего дела Тобольского губернатора Н.М. Богдановича» дают представление об экономическом, социальном, административном развитии Тобольской губернии в конце XIX в. Особое место занимают воспоминания купца Н.М. Чукмалдина. Его мемуары воссоздают жизнь и быт зауральской деревни второй половины XIX в. Безусловный интерес представляют дневники и письма зауральского священника и педагога К.Я. Маляревского. В них отражена жизнь города и деревни Южного Зауралья с 1850-х годов до 1923 г. Из неопубликованных источников наше внимание привлекли мемуары курганского купца Петра Смолина, хранящиеся в семейном архиве. В воспоминаниях купца даются яркие зарисовки из жизни различных сословий (купеческого, церковного, частично крестьянского) Южного Зауралья второй половины XIX в.

Таким образом, выявленные опубликованные и неопубликованные источники вполне репрезентативны и обеспечивают решение поставленных в рамках исследования задач.

Термин «девиантное поведение» пришел из социологии и стал широко применяться в педагогике, психологии, криминологии и ряде других дисциплин. В последние десятилетия феноменом девиации заинтересовались и отечественные историки.

ГЛАВА 1. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1.1 Норма и девиация в русской деревне Южного Зауралья во второй половине XIX века

Термин «девиантное поведение» пришел из социологии и стал широко применяться в педагогике, психологии, криминологии и ряде других дисциплин. В последние десятилетия феноменом девиации заинтересовались и отечественные историки.

Под девиантным поведением понимается обычно система действий и поступков, отклоняющихся общепринятых норм [1]. Здесь необходимо сделать акцент именно на слове «система», которое позволяет отличить окказиональные случаи нарушения норм от регулярных. Обычно выделяют три разновидности девиантного поведения: аморальное, или девиантное в узком смысле слова, – нарушающее моральные, но не юридические нормы; деликventное – противоправное, но нарушающее уголовный закон, проступки носят относительно незначительный характер; криминальное, то есть преследуемое в уголовном порядке [2]. Иногда второй и третий вид объединяют в один. Применительно к исследуемому периоду нас интересуют, прежде всего, первые два вида, поскольку главным регулятором здесь выступала крестьянская община или её представители в волостном суде. Проявления криминального наказывались государственной властью, чьи представления о праве и справедливости могли заметно отличаться от принятых у крестьян.

Девиация предполагает наличие нормы. Поведение русских крестьян регулировали разные виды социальных норм. Первичным и основным регулятором выступали нормы моральные, закрепленные в коллективном сознании. В качестве осуждения могли выступать дурная слава, отказ от общения, негативные или унижающие прозвища, оскорбительные слова или действия. Проявления деликventного поведения наказывались, как правило, общинной сходкой или волостным судом, который состоял в основном из крестьян. Однако могли наблюдаться и случаи самосуда. Основой для пресечения такого поведения служили нормы обычного права, ко-

торые могли различаться в отдельных местностях, но в целом были близки на всем ареале проживания русских. Нормы обычного права могли отличаться от норм писаного права. «Обычай – один из рычагов социального контроля. Он действует не только внутри общины, как средство конформирующего давления на её членов в интересах всей социальной группы, но и вовне, как один из способов защиты» [3]. В тех случаях, когда обиженная сторона не жаловалась, действовали правила моральных норм, чаще всего в форме общественного осуждения. Изучая традиционные нормы, всегда следует иметь в виду, как справедливо отметила М.М. Громыко, «сочетание социального и этнического аспектов. Классы, социальные слои и малые (контактные) группы имели свои этические традиции, реализовывавшиеся в рамках специфики конкретного этноса» [4]. Поэтому то, что в одной социальной или этнической группе считалось нормой, в другой могло рассматриваться как преступление (например, многоженство).

Говоря о социальных нормах и поведении человека, которое они регулировали, «следует помнить, что реальное поведение неисчерпаемо и многообразно и не может быть сведено к нормативным требованиям. Упорядоченность поведения – неперемное условие социального существования человека – сама по себе не приводит к обеднению поведения личности. Поэтому важно, на наш взгляд, сохранить различие (терминологическое и понятийное) между нормой поведения и стереотипом, или между каноном и шаблоном. Нормы упорядочивают поведение; стереотип (шаблон) стандартизирует его. Лишает индивидуальности, обедняет... смешение их, соединение в одно понятие чревато определенной опасностью: приписыванием стереотипности народной культуры» [5]. В этом пассаже М.М. Громыко предостерегает от опасности приписать поведению крестьян некое слепое следование шаблонам. На самом деле, традиционная культура допускает определенные варианты применения правила или даже возможности нарушения его. Нередко исследователи народной культуры, особенно XIX–начала XX века, принимали шаблон, идеал поведения за некую непреложную норму. Отсюда возникла тенденция изобразить народную жизнь как сплошное нарушение принятых норм, особенно заметная среди «прогрессивной интеллигенции» и некоторых служителей культа в начале XX в. Вторая тенденция, более распространенная и, на наш взгляд, более опасная, - принимать эталонное, шаблонное поведение

как доминирующее, единственно существующее. Отклонения от него, если и имели место, то носили случайный характер и в основном объясняются особенностями отдельной личности. Это создало основу для благостного изображения крестьянской жизни и русской культуры, которая противостояла наступлению городской культуры и «тлетворному влиянию Запада». Следует иметь в виду, что нормы поведения были более широкими и более гибкими, чем стереотип. Так, шаблон предписывал, что главой семьи должен быть непременно мужчина, а женщина находилась в подчиненном, полурабском положении. Вместе с тем, случаи женского доминирования в семье не были редким исключением (вспомним сказку о золотой рыбке) и, если не нарушали общих норм, не влекли за собой осуждения со стороны общества. В иных случаях вступали в силу нормы общественного осуждения и даже принуждения. Интересен в этой связи случай, описанный в сказке «Головиха». Некая баба предложила себя в качестве сельского головы: «Дак что муж пошел на совет (она зла была, ему хотелось ее проучить), сказал это старикам; те тотчас бабу выбрали в головы. Живет баба, судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет.

Пришло время подушно собирать. Голова не успел, не мог собрать вовремя; приехал казак, стал спрашивать голову, а баба прятаться: узнала, что приехал казак, бежит скорей домой.

- Да куда же я, да куда же я спрятаюсь? — говорит мужу. — Завяжи-ка меня, батюшка-муженек, в мешок да поставь вон к мешкам с хлебом-то.

Тут стояло с ярицей мешков пять. Муж завязал голову, поставил в середку мешков. Казак пришел да говорит:

- Э, голова-то спрятался!

Давай-ка по мешку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревела:

- Ой, батюшка, не пойду в головы, не пойду в головы!

Казак отхлестал, ушел, баба полно головить и стала после того мужа слушать» [6]. Здесь мы не видим прямого осуждения правления женщины в семье, хотя имплицитно это и порицается («она зла была, ему хотелось ее проучить»), но резкое осуждается вмешательства женщины в дела управления «миром». В сказке, кстати сказать, показано типичное поведение сельских начальников: «судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет». Однако из этого не следует, что такое поведение является нормой.

Относительная гибкость социальной нормы открывала возможность для её постепенной трансформации. То, что считалось девиацией, стано-

вилось обычным. Это так называемое положительное отклоняющееся поведение, «система инновационных поступков... объективно способствующих социальному и моральному прогрессу» [7]. К его проявлениям в изучаемое время можно отнести, например, женское образование, которое встречало сопротивление в семье и деревне, стремление выделиться из отцовского двора, пользование услугами врачей, фельдшеров, акушерок. «Поскольку все это не укладывалось в прокрустово ложе деревенской среды судьбы молодых новаторов были непростыми... Иногда дело доходило до репрессивных санкций "мира", религиозных общины, других институтов» [8].

Однако чаще всего девиации носили деструктивный, антиобщественный характер. Сюда можно отнести отклонения от этики отношений между полами, пьянство, «буйство». Рассматривая эту сферу, следует остановиться на природе крестьянских этических представлений. Безусловно, основу составляла православное христианское учение о нравственности. Дохристианские представления относились к этому времени (вторая половина XIX века) к сфере далеких пережитков. Основным регулятором поведения являлось понятие греха: то, что неправильно и даже преступно, не может не быть греховным и наоборот. Здесь, правда, надо отметить, что крестьянское понимание греха могло отличаться от официального церковного. Так, например, домашние работы в пятницу или в некий «заповедный день» или иные формы поведения, продиктованные предрассудками, рассматривались в народной среде как греховными, а православная церковь могла относиться к этому безразлично или как к безобидному суеверию. Наоборот, некоторые нормы, предписанные государством и церковью, не являлись обязательными для крестьян. Отсюда некоторое противоречие между народным пониманием правильности и правомерности поступка и официальным. Отражение этого можно найти в известной пословице «закон что дышло» и в ряде других проявлениях народной мудрости. Юристы, изучавшие обычное право крестьян в исследуемый период, замечали отличие в подходах к определению преступлений и в государственном законодательстве. В подтверждение этого тезиса М.М. Громько приводит слова известного специалиста в данном вопросе С.Л. Чудновского: «С точки зрения юриста-криминалиста, многое нравственное может быть преступным, и не всё, что преступно, должно быть безнравственным; с точки зрения общеправовых понятий народа, и в

том числе алтайского населения, все преступное обязательно безнравственно; все что нравственно, не может быть преступно» [9].

Нередко в оправдание своего противоправного поведения или даже бунта, крестьяне приводили в качестве аргумента то, что «новые законы» нарушают «правду». Так, в знаменитом описании картофельных бунтов, оставленным П. Деви, рассказывается, что крестьяне были убеждены, что царя-батюшку обманули министры и чиновники, а рассылаемые бумаги – подложные и составлены все теми же чиновниками: «Сказывай сам за сколько мир продал и где подлинники» [10]. Здесь крестьяне убеждены, что писари подменили царские бумаги и хотят за деньги отдать их «под господина». Понимая, что они бунтуют и тем самым совершают преступление, его участники, тем не менее, не видят в этом нарушения «правды», а только нарушение неправового закона [11]. Рассматривая такое поведение крестьян, М.М. Громыко отмечает, что хотя многое из официального законодательства было им известно, «творчество в области обычного права было делом повседневным» [12]. Нормы обычного права играли большую роль в деревне вплоть до 1917 г, и, вероятно, даже позже [13]. Представители образованных кругов, в частности П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, призывали правительство учитывать опыт народного обычного права при составлении права писаного, «резкое вмешательство закона в строй хозяйственной жизни русского народа было бы пагубным» [14].

Итак, как уже говорилось, в основе взглядов русских крестьян на мораль лежали христианские представления. Вместе с тем, народная этика допускала во многих отношениях значительные послабления и даже отклонения от предписаний церкви. В этих случаях отклонения являлись скорее нормой. Они были ограничены во времени и пространстве и тем самым контролировались обществом. Это проявления народной смеховой или карнавальной культуры, рассмотренные М.М. Бахтиным [15]. В связи с этим можно упомянуть разгул на масленицу, гадания на святки, вольности поведения в весенне-летний цикл праздников. Имело место ритуальное пьянство на просватаньи, свадьбе, престольных, съезжих и иных праздниках, ритуальные драки в установленные дни [16]. Допускалось, как будет показано ниже, достаточно свободное отношение полов на вечерках и в иные установленные дни и в иных местах. В остальное время это считалось греховным и предосудительным и вызывало санкции со стороны семьи и общины. Крестьянское общество снисходительно смотрело на вне-

брачные связи мужчин, разумеется, если при этом не страдала мужская честь других членов общин. Зачастую внимание мужчин было направлено на солдаток или молодых одиноких вдов. Нередко эти женщины, а также одинокие старухи содержали у себя дома своего рода деревенский клуб, где встречалась сельская молодежь. Такое заведение прекрасно показано в фильме «Дело было в Пенькове» (дом Алефтины), что наглядно демонстрирует: такие «клубы» функционировали в деревне и в середине XX века.

В разряд девиантного, как казалось бы, должно относиться поведение молодежи во время различных увеселений и игр в весенне-летний и зимний период. Многие элементы этого поведения сохранили рудименты дохристианского общества у русских. Но сами участники этих действий едва ли осознавали древний их смысл и содержание языческой сакральности в нем. Чаще всего на вопрос, почему так поступают, отвечали: «Сами не знаем, так заведено» [17].

Рассмотрение норм поведения и форм общения сельской молодежи в рассматриваемый период не входит в наши задачи, тем более, что это уже сделано более авторитетными авторами. Остановимся лишь на тех чертах, которые производят впечатление отклоняющегося от принятых норм поведения. Здесь следует еще раз сказать, что при определенных обстоятельствах традиционная культура не только допускала, но предписывала нарушение установленных норм, т.е. эти нарушения сами становились нормой, исключением, которое подтверждало правило.

В весенне-летний период основные случаи общения молодежи проходили на открытом воздухе. Для этих развлечений и форм общения существовало общерусское название – «улица», в отдельных регионах сохранились более древние названия «хоровод», «карогод» [18]. Эти «игрицы» или «игрища» проводились в прямом смысле на улице, на площади (особенно в период праздников или торжков), у околицы, на берегу водоемов. Инициаторами начала выступали обычно девушки, обычно старшие незамужние дочери в семье. Младшие отпускались лишь в сопровождении старшей, как бы «в довесок» к ним и под их ответственность. Допускалось участие молодых женщин и женатых парней. Как правило, присутствовал в качестве зрителя кто-то из старшего поколения [19]. Эти развлечения начинались на Пасху и обычно завершались на Петров день (29 июня ст. стиль /12 июля н. стиль). В летнюю страду времени для увеселений оставалось мало.

Абрамов сообщает, что в Ялуторовском округе всю «пасхальную неделю качаются на качелях», а после бывает хоровод и «там же скакули»: доска, которая кладется серединой на деревянный обрубок. «На концы этой доски длиной до пяти аршин становятся девицы и скачут попеременно» [20]. Мозель отмечает, что во многих местах Пермской губернии качели устанавливаются только на пасхальную неделю, а хороводы длятся до Троицы. Во время этих хороводов поются проголосные песни и устраиваются игры. А. Терещенко описывает более ста игр, большая часть которых бывала во время хороводов. В них участвовали молодые люди обоих полов. Он указывает более пятидесяти игр, в которых могли участвовать совместно юноши и девушки. Он весьма подробно и пространно описывает основные хороводные песни, танцы и игры. Большая часть из них была распространена и в Зауралье [21].

Наиболее часто встречались в Шадринском уезде игры «кругом» (то есть сам хоровод, танец с песнями), жмурки, горелки, столбики (игра, напоминающая «третий лишний»). В эти же игры играли и на Троицкой неделе [22]. Весенне-летний цикл праздников завершался Троицей и неделей после неё. Этот праздник был тесно связан с культом берёзы: дома, улицы, церкви украшались берёзовыми ветвями, девушки отправлялись в лес завивать берёзу. Обряд сопровождался известной песней «Во поле берёза стояла». В древности эти действия, связанные с культом берёзы, имели, видимо, магическое значение. В XIX веке эта сторона праздника была утрачена и превратилась в игру, ритуал, смысл которого мало кто понимал [23].

Мозель упоминает об играх в Троицкую неделю в различных частях Пермской губернии. Он также сообщает, что в семик народ собирается на кладбище и приносит с собой еду: шаньги, калачи, яйца. В некоторых селениях распространён обычай приносить с собой и брагу и править на могиле тризну по усопшим родителям. Часть принесённой еды отдается нищим и священнику, часть оставляется на могилах, остальное съедается [24]. Трофимов добавляет, что в семик девушки переодеваются «мальцами» и идут завивать берёзу, и при этом поют. В этот день собирают яйца и жарят их в поле, поют одни и те же песни [25].

Троицкие обряды и игры были довольно широко распространены, хотя применительно к Зауралью, быть может, слабо описаны. В.П. Федорова приводит воспоминания их участниц и указывает, что такие формы развлечения и общения существовали вплоть до Великой Отечественной

войны. Во время этих «полянок» даже среди консервативно настроенных старообрядцев допускались «гулянья парочками»: юноша и девушка могли удалиться в лес «рука в руке» и вернуться, держась за руки. Разумеется, ни о каком «плотском грехе» не могло быть и речи, разве что как о весьма редком исключении. Здесь мы видим примеры допустимой формы общения между представителями молодежи, которая не допускалась в повседневной жизни. «В другое время такие вольности не допускались», - отмечает исследователь [26]. Сходные гулянья отмечались в других деревнях на Петров или Ильин день. На Троицын день устраивались ритуальные драки, «борьба по-цыгански», кулачные бои. Довольно широко этот обычай был распространен в Кургане, где этот день был престольным праздником в пригородных деревнях. Сохранились описания и фотографии этих ритуальных боёв. Эти проявления внешне девиантного поведения были нормой в установленные дни и запрещены в другие, поэтому отклонениям от норм их считать нельзя, это проявления нормы праздника [27]. Еще более странный обычай мяться на соломе наблюдался в начале Великого поста. Как правило, возле бани или бань расстилалась солома. На ней юноши и девушки кувыркались и старались побороть друг друга. В ряде мест Шатровского района этот обряд проходил не у бани, а на перекрестке, но обязательно на соломе, которая потом приносилась в деревню. Здесь можно наблюдать пережитки древней любовно-аграрной магии, но никак не проявления «свального греха» как могло показаться стороннему наблюдателю [28].

Летом и в начале осени были распространены такое характерное для русских сложное и многослойное явление, как помочи, главная задача которых быстро и аккордно завершить срочную и важную работу с использованием бесплатного труда родственников или односельчан. Как правило, хозяин был должен отблагодарить помогающих не только словесно, но и выставив угощение. Но в некоторых случаях этого не требовалось. В помочах мы наблюдаем тоже несколько странных эпизодов, которые нарушают неписанный кодекс поведения на селе.

М.М. Громько выделяет три вида помочей. Первый выражается в поочередной работе всех участников помочей у каждого их участника. Второй тип имел место по приговору схода, когда необходимо было срочно помочь какому-либо члену общины, оказавшемуся в неблагоприятных условиях. Третий и самый распространенный во второй половине XIX ве-

ке тип - по специальному приглашению хозяина [29]. Она проводит также выделение отдельных видов, с которым трудно не согласиться. Это помочи при завершении уборки урожая (последний сноп, дожинки, борода и так далее), толока (совместный труд, когда приходила пора мять и трепать лён, производился женщинами), вывоз навоза (назём), сдымки или вздымки, (строительство дома), печebитье (строительство печи), а также различные молодёжные помочи (капустки, супрядки и т.п.), в которых принимала участие в основном молодёжь и где веселье явно преобладало над работой. Нередко последний вид помочей назывался посиделками. В Южном Зауралье во второй половине XIX века помочи в основном использовались при заготовке капусты и прядении, вывозе навоза, косьбе, метании стога [30].

Во время помочей нарушался запрет на работы в воскресные и праздничные дни, и тем самым девиация становилась нормой. Это уже не считалось грехом, поскольку работа эта формально не оплачивалась и считалась поэтому богоугодным делом [31]. Помочи - довольно сложное явление. С одной стороны, помочи предполагают участие в совместном труде, и следовательно, принадлежат к трудовым традициям. С другой - в них содержится элемент праздника: праздничная одежда, возможность устраивать по воскресным и праздничным дням увеселения, которыми они, как правило, завершались. Были и такие помочи, где совместный труд выступает лишь как повод к совместному проведению досуга и развлечения. Более полно эта двойственная функция помочей рассмотрена М.М. Громыко [32].

М.П. Бирюков высказывает мнение, что в начале XX века помочи в Зауралье применялись в основном для эксплуатации кулаками и духовенством своих односельчан. Принимая это во внимание, всё же следует согласиться с мнением М.М. Громыко, подчёркивающей именно общинную сторону помочей [33].

Рассмотрев основные типы и виды помочей попытаемся проследить, какие именно из них были более распространены в различных частях исследуемого региона. В Курганском и Ялуторовском округах Тобольской губернии помочи устраивали в основном зажиточные крестьяне, у которых было мало рабочих рук в семье. Они приглашали главным образом на сенокос и уборку хлеба по преимуществу молодых парней и девиц. На такие помочи собиралось до двадцати человек и более. За день-два убирался

практически весь хлеб. После этого помочане собирались в доме хозяина и угощались вином (т.е. водкой), пивом и разными яствами, после чего молодые девицы затевали пляски, продолжавшиеся иногда до утра. Те же зажиточные крестьяне, которые сеяли много льна и конопли, устраивали зимой супрядки. Хозяйка раздавала заранее кудель для прядения, а когда все девицы приносили мотки с пряжей, то назначался день для угощения. На такую вечеринку приходили и родные «девушек-супрядниц», позднее появлялись парни с гармоникой и балалайкой. Песни и игры продолжались далеко за полночь [34]. В данном случае заметно особенно отчётливо отделение труда от последующего угощения. Это по сути дела посиделки, одна из форм проведения досуга, о которых речь пойдет ниже.

Интересные и подробные сведения даёт нам о помочах в Шадринском уезде Т. Успенский. Он отмечает, что в юго-западной части этого уезда почти все работы потяжелее делаются помочами. Редкий день проходит без того, чтобы у кого-нибудь из крестьян не было помочей. На них всякий идет охотно, имея в виду повеселиться вечером после работы. Помочи у женщин называются супрядками, или копотихами. За месяц до назначенного срока женщинам раздаются (по их решению и добровольно) кудель для пряжи. В назначенный день приносят сделанную работу и после этого начинается угощение «конечно, не без пива и вина. Последнее для тех, которые не пьют светлого вина, подкрашивается чем-нибудь» [35].

В Шадринском, Камышловском и некоторых других южных уездах Пермской губернии были распространены такие помочи, как супрядки, копотихи и капустки. Супрядки отличались от копотих тем, что для этой помочи работа (кудель льна или конопли) раздавалась заранее, за две-три недели. На копотихи сырье для обработки давалось днём, а работа возвращалась вечером. И в том, и в другом случае вечером девушки собирались в доме хозяев, куда без приглашения приходили молодые парни. Девушки могли пригласить кого-либо с собой. Таких приглашенных называли захребетниками. Участницы помочей и захребетники угощались хозяевами. Пришедшим без приглашения парням ничего не предлагалось из угощения. На капустки приглашались также в основном девушки для приготовления квашеной капусты, после чего хозяева должны были их угостить. Даже купцы приглашали на такие капустки. Также в этих уездах отмечены помочи по уборке хлеба или других важных полевых работ. По их окончании хозяева угощали помочан ужином и вином. После этого

начинались игры, танцы, песни вплоть до самого утра с тем, чтобы утром встать и идти на новую работу или помочь [36]. Наблюдая такую вечерку после помочей, М.Н. Костюрина отмечает: «Можно лишь удивляться неумолимости танцоров, которые проработали целый летний день». Заканчивая веселье на рассвете, молодёжь на следующий день вновь приступала к работе [37]. Она отмечает, что в Тобольской губернии вечерки в будни бывают именно после помочей, в то время как на праздники они устраивались несколько по-иному. Кроме того, если девушки приходили на посиделки с работой, то парни на них не допускались [38].

М.Н. Костюрина сохранила для нас очень интересное описание такой вечеринки после помочей. Оно в целом характерно для всего Зауралья в последние годы XIX века. После работы хозяева предоставляют помочанам сарай, завозню или старую избу. Парни в складчину покупают 1-2 сальные свечи и приносят с собой гармонь или чаще балалайку. Вечеринка начиналась часов в девять-десять, когда старшие лягут спать. В помещение набивается очень много детей, подростков, девушек, юношей, молодых супружеских пар так, что свободного места остается всего 2-3 сажени. Начинаются игры с венком и песни - обычно те же, что и на хоровах. Танцуют «тройку», «русскую», а в основном топчутся на месте из-за тесноты. Танцы продолжаются до рассвета. В той же статье приводятся тексты песен, нотные записи и описания танцев. Они занимают более 29 страниц [39].

Помочи нередко устраивались священниками. Такие работы также считались богоугодными. Впрочем, священник всё же должен был выставить угощение. Например, священник села Першинского Шадринского уезда Иван Маркович Флоринский, имея 2-3 батраков, тем не менее, несколько раз в году устраивал у себя помочи. Для угощения он не жалел ни вина, ни еды. Крестьянин Е.Ф. Мальцев вспоминал, что ни один человек упился на них до смерти [40].

Итак, помочи существовали в различных частях Южного Зауралья. Как правило, это были круговые помочи (поочередная помощь всем) или по приглашению, которые, видимо, были более распространены во второй половине XIX века. Для них характерно переплетение практической значимости работы и древних обычаев и ритуалов, «взаимное проникновение трудовых и праздничных элементов» [41].

С наступлением холодов и по окончании полевых работ увеселения проходили в форме посиделок или вечеров. Посиделки были двух видов: с работой и без, но приносимая работа была «ненастоящей» - вышивка или шитье. «Настоящая работа» - прядение - выполнялась обычно на супрядках (женских помочах) осенью или во время Великого поста [42]. В пределах деревни мужчины и женщины в эти дни собирались для проведения досуга в особых местах. Бывало, что мужчины снимали для проведения сборищ особую избу на окраине [43]. Обычно местом таких встреч был дом солдатки, вдовы. Оплата могла осуществляться деньгами, продуктами, работой. Например, в селе Шутиха Шадринского уезда молодежь откупала избу на Михайлов день на два-три дня, а также на святки [44]. Еду, лучины, дрова приносили гости [45]. «Молодые парни и девушки выбирают сборным местом какой-либо в стороне стоящий дом вдовы-солдатки. Туда приходят оне с прялками в будни и своим пением заманивают парней. В зимние длинные вечера рождественских праздников в такой дом собирается вся молодежь деревни; парни приносят вино и пряники, а девушки яйца, хлеб и другую закуску» [46]. Так же поступали парни в селе Сухрино Шадринского уезда, где парни откупали на святки дом на окраине для вечеров [47].

Однако в некоторых случаях дома могли предоставляться и мужиками-бобылями. В этом случае мы имеем дело с действительно девиантным поведением, поскольку такие дома имели дурную славу и были, по сути дела, деревенскими притонами. Один из таких притонов существовал в селе Глядянском в 1887 г. Содержал его отставной солдат Ефим Ганин, «у которого проживает крестьянская жена Саломатовской волости Авдотья Вахромеева». С этой Авдотьей пьянствует и «имеет любовную связь» Иван Киселев. За предоставляемую крышу он платил Ганину 40 коп. в месяц. Сельский староста села показал, что «у Ефима Ганина постоянно проживают женщины распутного поведения, кроме того, он позволяет в своем доме крестьянам играть в карты на деньги» [48]. Здесь мы имеем дело с типичным сельским притоном, в котором предоставляется «широкий спектр услуг». Это, однако, не публичный дом, поскольку Ганин предоставлял только крышу за плату и, по сути, занимался мелким сводничеством. Интересно, что упомянутый Ганин – отставной солдат, по всей видимости, без семьи. Ганин за участие в этом деле был наказан тремя сутками ареста [49], что было довольно мягким наказанием. Суд мог при-

бегнуть к наказанию розгами и даже высылке за пределы села. Вот еще пример того, как дом солдатки превращался по сути дела в притон или подпольный кабак. 30 ноября 1880 года доме солдатской вдовы Варвары Климетевой ссыльный крестьянин Алексей Воробьев убил в пьяной драке В. Комарицкого [50].

О вечерках и формах проведения писали и другие авторы. Как отмечает Н. Абрамов, в Южном Зауралье посиделки и вечерки продолжают до самого Великого поста, «на которых бывают также игры и пляски», но нет гаданий. Такие посиделки проводятся в специально нанятом у какой-нибудь вдовы или солдатки. И. Трофимов приводит типичные для таких посиделок песни и добавляет, что «к утру каждый певец теряет голос» [51]. В Шадринском уезде такие посиделки бывали и с работой. «Напрявши данный себе урок, пляшут, и вместе с ними приходят играть парни» [52]. На вечерке могла присутствовать и какая-нибудь «баушка», которая развлекала молодежь сказками, или «дедушка», повествовавший «про старину» [53].

На вечерках, как уже отмечалось, допускалась большая свобода поведения среди молодежи. Один из священников-корреспондентов «Тобольских епархиальных ведомостей» сообщает, что вечеринки проходят обыкновенно зимой в особо откупленном для этого доме. Молодежь пьёт, пляшет, поёт неприличные песни и ведёт себя достаточно вольно. «Разврат увеличивается из года в год при полном равнодушии населения», - жалуется он [54]. Следует, однако, отметить, что указанное замечание относится к самому концу XIX века (1892 год) и принадлежит к разряду церковных нравоучений. Такие замечания о постоянном и неуклонном падении нравов можно встретить со времен средневековья и следует рассматривать скорее как преувеличение, фигуру речи, характерную для многих церковных поучений, нежели как свидетельство объективного очевидца.

Х. Мозель проводит чёткое разделение вечерних развлечений. Вечёрки, или вечеринки, устраиваются без работы, в то время как на посиделки (копотихи, супрятки и капустки) девушки собираются с работой или для работы [55]. Однако, как правило, эти термины даже в научной литературе используются как равнозначные (беседы, посиделки, вечерки, вечеринки) с оговоркой - проводятся они с работой или нет. Обычно вечерние развлечения молодёжи в зимний мясоед проходили без работы [56]. У крестьян чаще всего угощали тёплой брагой. После угощения де-

вушки собирались в круг, появлялись парни с музыкантом (гармонист или балалаечник). При этом девушки садились по местам, парень побойчее подходил к девицам, брал двух из них и начинал плясать «тройку», к ним присоединялись другие. В Пермской губернии, по его словам, повсеместно «допускается в обращении молодых людей с девушками полная свобода. Все почти вечерочные игры сопровождаются поцелуями, которыми девушки награждают мужчин без всякой застенчивости, хотя во всякое другое время это считается крайне предосудительным. Часто родители самых строгих правил, не позволяющие девушке входить в горницу, если там есть посторонний мужчина, на вечерки отпускают её беспрекословно, хотя конечно знают, что там происходит» [57]. Говоря о поведении молодежи, А. Смирнов отмечает, что на таких осенних посиделках, вечерках, вечерницах допускается повсеместно у русских большая «свобода половых отношений», «любовный разгул» [58]. «Родители и родственники смотрят на эти собрания как на дело самое обыкновенное и только тогда обнаруживают свое неудовольствие, когда в семье оказывается беременная девушка» [59]. Там же, то есть по всей Пермской губернии, потеря невинности у девушек до брака не является чем-то редким. «Родители их в этом, обыкновенно, не видят ничего дурного. Вольное поведение не мешает девушке выходить замуж», - отмечает он, ссылаясь на корреспондентов Русского географического общества [60].

Кроме того, во многих областях проживания русских, как отмечает М.М. Громько, нередким явлением в некоторых местностях был приход на посиделки парней из соседних селений. Иногда при этом происходили потасовки между местными и пришлыми парнями, которые в отдельных случаях могли переходить в драку целых деревень [61]. Порой такие вечерки затягивались далеко за полночь или даже до утра. В этих случаях многие гости оставались ночевать, в особенности, если погода была плохая (а это период конец осени-зима), а жили они на другом конце деревни или вовсе в другом селении. Как указывают информаторы, что хотя парни и девушки спали вместе, но до близости дело не доходило или это случалось редко [62]. Вопрос об отношениях полов во время таких посиделок-вечерок и после них довольно скользкий и спорный. Есть весьма серьезные основания для предположения о вольности нравов. Некоторые источники пишут о разврате и свальном грехе. Ряд историков и этнографов склонны поддерживать эту точку зрения, например Ю. К. Семенов. Он

склонен видеть в этом пережитки древних норм поведения и ритуалов, связанных с культом плодородия [63]. Он особо останавливается на вечерах: «Но, пожалуй, наибольший интерес в рассматриваемом плане представляют деревенские вечеринки, которые в русской деревне в определенное время года бытовали почти повсеместно. Везде посиделки были собраниями женской молодежи, на которые, как правило, в дальнейшем являлись парни» [64]. По его мнению, собрание девушек у солдатки и аренда парнями дома на окраине - аналог женского и мужского дома первобытной эпохи [65]. Он пытается доказать, полемизируя с М.М. Громыко, что практически на всей территории проживания русских после таких посиделок начинался «свальный грех» и присутствовала полная свобода в отношениях полов [66].

Сходных позиций придерживается и другой видный историк и этнограф Т.А. Бернштам. Она полагает, что и летние, и зимние формы общения молодежи имели две части. Первая, открытая, хорошо описанная в источниках как игры и развлечения русской молодежи. Вторая, закрытая, на которой присутствовала большая свобода общения между парнями и девушками, в контексте которой поцелуи кажутся невинной забавой. Она приводит многочисленные свидетельства из разных регионов России в подтверждение пересказанной нами мысли: «Жирятся, потушив огонь»; «на посиделках ведут себя свободно и пары могут исчезать в клеть»; «нравы (на посиделках и супрятках – Т.Б.) просты и девушки в 16 лет могут потерять невинность» и т.д. [67].

Напротив, М.М. Громыко обоснованно настаивает на том, что внешне указанные формы поведения и общения могут выглядеть тем, чем на самом деле не являлись. Комментируя источники, она справедливо замечает, что многие наблюдатели смотрели на эти действия с позиций стороннего наблюдателя, не зная сути отношений внутри русской деревни. В этом случае они действительно выглядят более чем странными. Она обращает наше внимание на то, что все указанные увеселения, включавшие довольно близкие отношения между юношами и девушками, проходили с согласия и одобрения родителей и общины [68]. Это же подтверждают практически все источники, в том числе – цитируемые авторами, не разделяющими позиции М.М. Громыко. Поэтому, замечает она, ссылаясь на мнение авторитетных источников, следует избегать поспешных суждений. Хотя развлечения проходили с озорством, носили шумный характер и со-

провождались грубоватыми шутками и нескромными остротами, «религия и опыт выработали для крестьянина самый строгий взгляд на нравственность девушки» [69]. Именно религиозный фактор оказывал решающее воздействие на мнение общины, семьи, самих представителей молодого поколения. «В основе твердости позиций крестьянской молодежи лежала вера, понятие о грехе. Верили, что за совершением греха следует возмездие не от людей, а от Бога. Ведь каждый парень и девушка регулярно исповедовались перед причастием, каялись в совершенных грехах, даже в греховных помыслах» [70]. Существовало глубокое убеждение, что даже за тайно совершенный грех неизбежно последует Божия кара, причем даже за грехи родителей [71].

С этой точкой зрения трудно не согласиться. Наряду с «внутренним тормозом» у молодых людей существовал и внешний сдерживающий фактор – общественное мнение. «Довольно высокая степень откровенности в выражении влечений молодых людей двух полов, соленые шутки, грубоватые и подчас нескромные ласки – все это вполне органично входило в крестьянские представления о дозволенном (давало естественный выход сексуальному напряжению), но при этом общественное мнение одобряло постоянство пар и сохранение определенного предела в степени близости, за который переступали как правило, лишь после свадьбы» [72].

Таким образом, для того чтобы признать наличие «двойных стандартов», двойной морали применительно к указанной проблеме, у нас имеется весьма мало оснований. Семья и община весьма жестко, но эффективно реагировали на нарушение поведенческих запретов, в том числе и в половой сфере. Наказания носили не только позорящий характер, но имели материальные последствия: семье с дурной репутацией грозило выделение худших участков и угодий, с ними отказывались вступать в семейные отношения, их членов не допускали к выборным должностям, а их свидетельства считались наименее надежными. Страх перед Богом, семьей, односельчанами удерживал многих от того, чтобы переступить запретную черту. Случавшиеся на таких вечерках казусы носили, может быть, не исключительный, но достаточно редкий характер и были примером действительно отклоняющегося от принятых норм поведения, но никак не нормой, негласно принятой.

Еще больше вопросов может возникнуть относительно поведения молодежи в период больших и разгульных праздников, таких как святки и

масленица. Для них наиболее характерно карнавальное поведение, мораль, вывернутая наизнанку. Но вольности допускались только в эти ограниченные дни, и эти вольности не должны были иметь никакого продолжения в другие дни.

Начнем рассмотрение этих длительных карнавальных праздников со святок. Эти дни, начинавшиеся в конце года, в канун Рождества (24 декабря), заканчивались Крещением (6 января) и продолжались почти две недели. Они были насыщены самыми разнообразными обрядами, развлечениями и увеселениями. Надо отметить, большая продолжительность праздников - одна из характернейших черт русской традиционной культуры. Некоторые авторы связывают это явление с особенностями национального характера и национальной психологии: для русского человека необходимо определенное время чтобы «войти» в атмосферу праздника, прочувствовать себя свободным от будничной повседневной рутины. Такое же время ему необходимо на возвращение в исходное состояние. Высказанная Кс. Касьяновой точка зрения, которую мы только что изложили, не во всём бесспорна, но, весьма вероятно, что она открывает интересные подходы к пониманию национальной психологии [73].

Именно для святок более всего характерен порыв уйти от будней. В эти дни запрещалось работать. В то же время допускались и считались даже обязательными действия крайне предосудительные в любое иное время (ряжение, гадание, более свободное поведение молодёжи). В святках сохранилось довольно много пережитков язычества, адаптированных официальной церковью. Впрочем, надо отметить, что во второй половине XIX века предпринимались церковнослужителями более активные попытки очистить Рождество от языческих наслоений, но не всегда эти попытки имели успех [74]. Следует также признать, что суть многих древних ритуалов уже давно забылась и действия праздничного обряда повторялись так же, как слова семейной клятвы Мезгрейвов из рассказов о Шерлоке Холмсе: их повторяли, но не имели никакого представления о том, что за ними когда-то скрывалось.

Само празднование Рождества, обряды и поверья, сопровождавшие этот праздник, описаны очень хорошо и в научной, и в художественной литературе. Поэтому, видимо, нет нужды более подробно освещать эту проблему. Во второй половине XIX века на Рождество всё чаще в домах

стали ставить ёлки. Вначале это был чисто городской обычай, но в начале XX в. он распространился и на деревню.

На святки допускались так называемые ритуальные бесчинства молодежи. Юноши и подростки могли подпереть дверь или ворота, залить водой или раскидать поленницу. Как правило, совершалось это по отношению к девушке и не носило позорящего характера. Эти «кудесы» были скорее проявлением симпатии. Девушки в ответ могли предпринять аналогичные действия. Кроме того, парни наряжались во что-нибудь белое и ходили пугать по улицам прохожих [75]. В этом ритуале опять-таки нет девиации, нет проявления хулиганства, распространившегося в более позднее время. Он ограничен сакральным временем, и те, по отношению к которым совершались подобные действия, не обижались, рассматривая как нормальное поведение, традиционную шутку [76].

Заканчивался рождественский цикл праздников Крещением, или Богоявлением. Необходимым атрибутом этого праздника было освещение вод на льду реки или озера в крестообразной проруби – «иордани». Омовение в иордани, как считалось, смывает все грехи. Многие молодые парни, рядившиеся на Святки в «хари» (маски) или принимавшие участие в ворожбе, считали для себя необходимым окунуться в иордань [77].

Период от святок до масленицы - традиционное время свадеб и посиделок. Как уже отмечалось выше, посиделки бывали двух видов: с работой и без, но приносимая работа была «ненастоящей» - вышивка или шитье. Настоящая работа - прядение выполнялась обычно на супрядках осенью или во время Великого поста [78].

Цикл вечёрок или посиделок заканчивался на масленице, когда развлечения перемещались на улицы. Масленица, или сыропустная неделя, - последняя неделя перед Великим постом, который начинается за семь недель до Пасхи, - самый любимый праздник в Сибири, где он отмечался особенно широко. Из всех праздников (за исключением Нового года) масленица менее других связана с церковным календарём, она не отмечает никакого церковного события. Она лишь отмечает, что до Пасхи осталось семь недель. Масленица широко отмечалась по всей России и проходила по одинаковому сценарию и в деревнях, и в городах. Однако в самом обряде в разных регионах имелись отличия. Масленица включала в себя следующие обрядовые элементы: хождение по гостям с непременно угощением блинами (особенно это касалось семей молодожёнов), катание

в санях и с гор, сжигание чучела масленицы, просьбы о прощении. В Сибири масленица обязательно включала в себя взятие снежного городка. Рассмотрим теперь, как же отмечали масленицу в различных частях Южного Зауралья.

В Шадринском уезде «на сырной неделе, по простонародью называемой масленицей почти все жители с четверга имеют обычай разъезжать на лошадях, впряжённых в сани или кошевни, и садят с собой жён и детей. Под предлогом прощания навещают своих родных, упиваются у них и обедают. В эти же дни катаются на маленьких саночках с гор, а где, если их нет, нарочно делают из снега горки, и, облив их водою, катаются» [79]. Из этого описания можно увидеть, что основные обряды масленицы присутствуют. Особенностью, встречаемой, впрочем, весьма часто в России, является начало праздника не с понедельника, а с четверга [80].

В Курганском уезде, как правило, масленицу начинали отмечать с понедельника. Начиналась езда по деревне в санях с песнями. Молодые парни и девушки сверх того катались на санях с горок. Эти же обряды соблюдались и в Ялutorовском округе/уезде. На юге Тюменского округа начинали катание самые маленькие жители деревни, вожжи давались тоже мальчику, затем выезжала молодёжь и завершали катание «большаки». Катание прекращалось с заходом солнца [81].

Масленичная неделя завершалась прощёным днём. Этот день являлся апогеем веселья. Накануне начинали строить специальный снежный городок, а в последнее воскресенье масленицы его брали штурмом. На эту забаву съезжались парни и молодые мужчины с окрестных деревень. Нередко, взяв снежный городок в одной деревне, вся компания отправлялась в другую. Обычно это происходило так: «Мужчины, а в особенности молодые парни, делают из снега и обливают водой городок в виде крепости. В воскресенье, то есть в прощёный день, берут этот городок... Участники этой забавы разделяются на две партии: одни пешие, другие на конях. Первые стоят около городка для защиты, а вторые, отъехав с полверсты, пускаются, во весь мах на пеших, стараясь подъехать к городку и сломать хотя бы верхнюю часть его, что признается за победу... Забава продолжается до тех пор, пока не возьмут городка» [82]. На юге Тюменского округа также было принято строить городок. Обыкновенно он строился на площади. Куски снега заливали для прочности водой, над воротами помещались вылепленные из снега фигуры людей и животных. На закате почти

вся деревня собиралась смотреть, как будут ломать городок [83]. Аналогично поступали и в селе Медведковском Ишимского округа. По воспоминаниям Т. Попова, ворота городка здесь украшались фигурками собак, кошек, зайцев [84].

В последний день масленицы было принято кататься на санях и сжигать соломенное чучело масленицы. В некоторых местах это чучело устанавливалось на площади. Рядом ставили деревянный шест или мачту, на верх которого помещали разнообразные призы (сапоги, тулуп, водку). Во многих местах столб или шест с призами достигал в высоту 6-8 сажень. И. Трофимов особенно отмечает этот обычай, как и взятие снежного городка, как неперенные атрибуты празднования масленицы во всех селениях Курганского округа [85].

Во всех регионах Зауралья существовал обычай сожжения масленицы. Когда-то этот ритуал имел магическое значение, но к концу XIX века оно было окончательно утрачено. Сожжение масленицы превратилось в весёлую забаву. В некоторых местах масленицу изображал человек, одетый в смешную одежду. Он сидел в санях в сопровождении музыкантов и совершал объезд дворов с поздравлениями, получая за это деньги и угощения. После этого на площади делался костёр, что и означало сожжение масленицы [86].

В других местах изготовлялось чучело масленицы и устанавливалось на санях. Например, в селе Усть-Суерском несколько человек связывали вместе трое или четверо дровен и укрепляли на них мачту, верх которой украшался метелкой. На мачту на высоте около трех аршин укреплялось колесо, на него помещался кто-нибудь из молодых мужчин в вывернутом тулупе и вымазанный сажей. После чего это сооружение отправлялось по дворам за подарками. В награду «масленица» получал дополнительный паек на общинном сенокосе. Парней, сопровождавших «масленицу», угощали вином и блинами [87]. Завершалось празднование прощением - родные и близкие просили друг у друга прощение «за всё», отказать в котором было нельзя. Многие иностранцы видели в этом странность, граничащую с развратом, – незнакомые мужчины и женщины целуются прямо на улице!

Праздничный разгул имел и отрицательные черты, о которых обычно умалчивают. Имело место ритуальное пьянство. Например, в селе Моршхинском за день пропивалось до 150 рублей. Во время катаний пья-

ные ездоки могли задавить неосторожных пешеходов. А в деревне Саламатовой пьяные лихачи сбили поселянина Дементьева с годовалым ребёнком, который на следующий день умер [88]. В том же селе Усть-Суерском от вина и обжорства умерла женщина после масленицы, а некий старичок полез на крышу, упал и убился до смерти. В соседней деревне Шмаковой несколько пьяных парней «захватили хмельную женщину, отвезли её за три версты от деревни и, раздев, бросили в поле, отчего она замёрзла до смерти» [89]. Некоторые авторы отмечают в конце XIX века ослабление обрядовой стороны праздника и в то же время усиление пьянства и разгула. Все тот же корреспондент из села Усть-Суерского отметил, что в 1894 году обычаи стали исчезать и «масленовозцам завернули оглобли» в первом же доме [90]. Однако это именно и есть примеры отклоняющегося поведения, нарушения нормы, которая действовала и в праздник. После масленицы наступает семинедельный Великий пост, во время которого не допускалось увеселений ни в городах, ни в селах.

Наконец, необходимо остановиться на добрачном отношении будущих супругов и отношений после заключения брака. «Обращаясь к этой проблеме, прежде всего, хотелось бы указать на необходимость строго различать существующие в том или ином обществе нормы поведения и реальное поведение людей. Между ними всегда существует определенное расхождение. Существование в русской деревне добрачных связей – факт, который вряд ли кем-либо может быть поставлен под сомнение. Уже то обстоятельство, что посрамление в ходе свадьбы молодой, не сохранившей девственность, а заодно так же и ее матери, допустившей утрату дочерью целомудрия, носило во многих случаях обрядовый характер, свидетельствует о нередкости этого явления в жизни русской деревни», - пишет Ю.К. Семенов [91]. Таким образом, этот видный советский и российский этнолог утверждает, что добрачные и внебрачные связи в русской крестьянской среде существовали. С этим высказыванием действительно ни один серьезный исследователь спорить не будет. Но вот то обстоятельство, что оглашение этих отношений каралось позорящими действиями со стороны односельчан указывает именно на то, что такие случаи были именно редким исключением. Ибо в противном случае речь могла бы идти о мягком осуждении с оттенком снисходительности, как это было тогда, когда дело касалось мужчин. Далее он высказывает мысль о том, что «говоря об общественном мнении, мы в свою очередь должны учитывать

возможность его раздвоения на формальное, провозглашавшее строжайшую необходимость соблюдения тех или иных норм, и реальное, которое всерьез этого не требовало и весьма либерально относилось к нарушителям. К сожалению, многие исследователи такую возможность просто не учитывают. Поэтому, когда они сообщают о тех или иных нормах поведения, трудно установить, были ли эти нормы формальными или реальными» [92]. Но нормы являются таковыми именно в силу того, что они действительны, реальны. Когда они становятся формальными, фиктивными, а приверженность им провозглашается только официально, они перестают играть роль социального регулятора, а становятся только отвлеченным идеалом. Таковыми являются упомянутые нормы у русских в наши дни. Сейчас обычным людям едва ли придет в голову мазать двери дома девушки, которая имела добрачные половые связи, наличие внебрачного ребенка не является препятствием для вступления в брак и т.д. Можно ли ставить знак равенства между современным обществом, где семейные ценности официально провозглашаются и даже закреплены как таковые в Конституции РФ, но на деле значительной частью общества просто игнорируются и традиционным по сути обществом русских крестьян второй половины XIX века? Надо полагать, что нет. Нормы эти реально действовали и нарушение их реально каралось, морально или даже юридически на основе писаного или обычного права. А. Смирнов приводит как общую моральную максиму следующую фразу: «В дурной славе девушки отцу и матери – бесчестье, роду-племени укор» [93].

«Вряд ли, по моему мнению, можно сомневаться в том, что в определенной части русских крестьянских общин запрет добрачных отношений так и не утвердился. По существу в них продолжала существовать свобода общения полов до брака. Свидетельств об этом существует столь много, что не заметить их может только тот, кто вообще не хочет их замечать», - продолжает исследователь [94]. Наличие этих свидетельств и даже нарастание их к началу XX века показывает, что такие отношения по-прежнему рассматривались как отклонения и традиционная культура пыталась сопротивляться им. Если бы эти явления были нормой, о них бы так много не писали и не говорили, как сейчас никого не удивит так называемым «гражданским браком». Вероятно, поэтому о нем и не говорят, а просто вскользь упоминают: «гражданская жена такого-то». Ни исторические, ни этнографические источники не подтверждают тезиса о

свободе половых отношений в русской деревне. Единственное место, где любители поискать «клубничку на русской березке» смогут найти желаемое, – это села, расположенные рядом с крупными промышленными центрами [95] или сами ставшие таковыми, как например, Иваново-Вознесенское. В них устоявшиеся нормы поведения давали сбои. Но в целом можно согласиться с мнением, высказанным в частности М.М. Громыко, а именно: молодые люди, особенно девушки, как правило, строго соблюдали принятые в крестьянском мире России нормы, требовавшие воздержания от половых отношений до брака. Исключения из этого правила были. По мере нарастания кризиса традиционной культуры и традиционного общества в начале XX века их становилось все больше, как будет показано ниже. Однако эти исключения не отменяли правила. Норма оставалась нормой, а нарушения считались нарушениями. Семья, церковь, община пытались, может быть, не очень успешно бороться с ними.

Здесь достаточно обратиться к статистике рождений. Так, например, в 1894 г. в Курганском округе зарегистрировано 2190 браков, родилось 11401 детей, из них внебрачных – 314 [96], что составляет 2,75%. Если из этого числа вычесть количество внебрачных детей, родившихся в тот же год в г. Кургане (60 из 708 – 8,47%) [97], то получим 250 человек. Следует также отметить, что некоторые раскольники самым решительным образом отказывались регистрировать браки у «мирских», следовательно, их дети тоже попадали в это число. Таким образом, нам надо признать либо высокий уровень контрацепции, либо высокий уровень половой морали.

Некоторые формы добрачного или предбрачного поведения могут вызывать недоумение у современных людей или навести их на мысли о том, что в XIX веке не все так было чисто. Таковы, например, хороводы девушек в ходе которых они выставляли себя напоказ. Однако это были, как пишет М.М. Громыко, своего рода ярмарки невест [98]. Кстати, нередко они прямо так и назывались. Их задача – возможность показать девушками себя в условиях довольно закрытого традиционного общества. Их цель – найти себе мужа, а не полового партнера. Именно для этой цели традиционная культура мудро и гибко сделала исключение из правил, и в обществе, где высоко ценилась скромность, допускалось и даже поощрялось её временное (на один-два дня) нарушение. В Южном Зауралье отмечено две таких «ярмарки невест», хотя, возможно, их было больше, но с меньшим масштабом.

Один из них зафиксирован в Шадринске, и его приводит А. Смирнов, по всей видимости опираясь на местные этнографические сведения. «В г. Шадринске существует интересный обычай похищения... Сюда во время ярмарки, а именно 18 января, в день св. Афанасия, является огромное число деревенских девушек, желающих быть похищенными, в лучших своих нарядах. Собравшиеся девушки выстраиваются на одной из площадей около гостиного ряда и ожидают своей очереди быть похищенной. Тут же собирается обыкновенно толпа посторонней публики. Вот появляются глубокие и большие сани (кошева), запряженные парой, а то и тройкой лошадей. В санях сидят два, три и более молодых парней. Сани подлетают к рядам невест, парни выскакивают, схватывают одну из девушек без всякой церемонии, не смотря на ее крики, бросают её в сани, сами прыгают туда же, гикают на лошадей и сани исчезают. Через некоторое время повторяется та же история с другими действующими лицами и т.д. чуть не целый день. За похищением следует свадьба» [99]. Из этого описания видно, что целью похищения является именно брак, а сам этот странный ритуал унаследован, по всей вероятности, от времени заселения Урала и Сибири русскими, когда женщин действительно не хватало, хотя, возможно, этому обряду можно дать и иные объяснения.

Другая, более известная ярмарка зафиксирована в селе Чернавском, также на Афанасьев день (18 января). Она была повсеместно известна именно как «ярмарка невест». Её обряд и смысл заметно отличаются от Шадринской, поскольку вплоть до конца исследуемого в данной работе периода здесь сохранялся обычай выбирать на ней женихов и невест. В село съезжались люди, нередко - купцы, за несколько сот вёрст. После обедни женихи становились по одну сторону улицы, невесты - по другую и стояли, щелкая семечки или кедровые орехи, часов по двенадцати дня. После этого все расходились по своим квартирам. Позже приглянувшиеся друг другу парочки сходятся и угощают друг друга, а затем катаются на лошадях, причём девушки и парни раздельно. Первые во время катания сидели молча, вторые орали и пели, стараясь перекричать друг друга. Просватанные невесты накалывали поверх одежды цветы. Богатые женихи и невесты едут на тройках, в санях, крытых коврами, бедные запрягали в сани по одной-две лошади или вовсе ехали верхом. Всего в этом катании принимало участие 300-400 саней, которые двигались кругом села. Вечером катающиеся расходятся в заранее откупленные дома или по знакомым

на вечерки. Там уже осуществляется выбор, складываются пары. Нередко парень садился на колени к девушке либо наоборот. Парень, выбрав себе девушку, выводил её на середину избы, их окружала другая молодежь и пела песню «Качу кольцо золотое»:

Качу кольцо золотое – со брильянтами,
За кольцом идет добрый молодец,
За собой ведет красну девицу;
Поставит её среди горницы,
Против самой матицы.
Подойдет он к ней близехонько
И поклонница ей столь низехонько
И поцелует её милехонько.

Причем парень должен все это выполнить: подойти близехонько, поклониться и поцеловать милехонько. Одна пара сменяется другой, а иногда несколько пар становятся вместе. Веселье продолжается всю ночь до рассвета (обращаем внимания – конец января, светает довольно поздно!), после которого счастливые парочки расходятся [100]. Здесь налицо эротический мотив всего поведения молодежи, который нарастает к ночи. Но тем не менее главная цель всего этого большого спектакля – заключение брачного союза, а не вступление в половую связь (хотя последней не стоит исключать). Так или иначе, И.Я. Трофимов завершает свое длинное описание этого события словами: «После этого засылаются сваты к родителям невесты» [101].

Аналогичные «выставки невест» описаны и в других деревнях и селах, как правило, все на тот же Афанасьев день. Это Нагорка, Утятка, Меньшиково и других поселения, расположенные неподалеку от Чернавской. Девки выстраивались на горе или возвышенности на берегу Тобола, чтобы быть видными всем. Здесь такие «выставки» проходили на Крещение. Нечто подобное бытовало и в Шадринском уезде [102].

Рассмотрим теперь пресловутое русское пьянство как проявление девиации. Можно выделить две разновидности: праздничное, носящее порой ритуальный характер, и бытовое, повседневное. Если в отношении второй разновидности нет особых сомнений, её смело можно рассматривать как проявление девиантного поведения, то в отношении первой не все так просто.

Большие нарекания со стороны сторонних наблюдателей вызывали престольные или съезжие праздники, пьянство и разгул, которыми они сопровождались. Эти праздники и их обрядовая сторона – довольно сложное явление в жизни русских крестьян, в нем чувствуются отголоски древних братчин. Но, так или иначе, можно утверждать, что пирушка с гостями и родственниками в течение двух-трех дней входила в «программу» праздника и носила, скорее всего, ритуальный характер. Напомним, что такие праздники устраивались всем селом в тот день, когда отмечалось празднование святого или события, в честь которого была освящена местная церковь. Если церкви не было или (как у старообрядцев) официальная церковь не признавалась, то праздники назывались съезжими. Такое название закрепилось потому, что на них съезжались родственники, свойственники и близкие знакомые из других мест. Такие праздники отмечены практически на всем ареале проживания русских. Их бывает не менее двух в году, и они никогда не ограничиваются одним днем [103]. Эти праздники выполняли несколько функций. Прежде всего, они облегчали общение между различными местностями, преодолевали обычную замкнутость зауральской деревни. Во время праздников важен приход гостей. Пребывание в качестве гостя в других родственных семьях («Я гостил там-то у того-то, потому и жду на праздник») приобретает значение родственных свиданий, поддержания родственных отношений [104].

Поскольку в Зауралье и в Сибири крестьяне были крайне придирчивы в отношении степени родства (гораздо более чем того требовала православная церковь), то они старались высватать жениха или невесту в другой деревне. Съезжие праздники предоставляли возможность провести смотр и выбор супруга. «Для парней и девок тоже событие – повод посмотреть невест и себя показать» [105]. В некоторые деревни и села с большими ярмарками приезжали купцы из других округов с детьми, чтобы найти там суженого. Наконец, в некоторых деревнях съезжие праздники сопровождались так называемыми братчинами - совместной трапезой почти всех жителей деревни, на которые приглашались гости и из других мест. Источники из Южного Зауралья почти не упоминают о таких братчинах в конце XIX-начале XX века, что, по всей видимости, говорит об отмирании этого архаичного обычая.

Приготовление к празднику у крестьян Курганского и Ялуторовского уезда начиналось заранее. Хозяйка готовила пироги, студни, кисели и

иные праздничные традиционные блюда - общим числом до двадцати. Хозяин запасался вином и готовил пиво. В Ялуторовском округе в середине XIX века варилось более пятидесяти вёдер пива в доме. После обедни начинали съезжаться гости. Их встречали на крыльце или у ворот и обменивались очень вежливыми приветствиями. Гостей провожали в дом и рассаживали за накрытым ковром столом. Выпивка сопровождалась разного рода присказками в зависимости от блюда, например: «Гусёк-то на воде» и т.п. После обеда женщин угощали пряниками, орехами, изюмом, вываренными сладкими ягодами. После угощения отправлялись в другой дом, но ели там уже мало, в основном пили вино и пиво. Тем временем девушки и парни уходили на свободное место в деревне, как правило, на берег реки или озера, парни начинали борьбу, а девушки водили хоровады, к которым примыкали и те, кто не желал принимать участия в борьбе. К вечеру пожилые участники праздника ехали кататься по деревне, летом - в телеге, зимой - в санях. Катание сопровождалось песнями [106].

В Курганском округе крестьяне также славились своим гостеприимством, стол был очень обилен и разнообразен, пива наваривалось несколько сортов: хмельное, с душицей, с вишнёвым или смородиновым листом и т.д. В слободе Белозерской на праздник гости приезжали в разряженных санях или телегах и сами нарядно убранные. Ехали очень быстро даже по улицам села. В окрестностях слободы Белозерской наиболее распространёнными престольными праздниками были следующие: Троица, Крещение, Петров день, Ильин день, Иванов день и великомученика Димитрия. После угощения гости благодарили хозяев. Те, кто хотел поговорить с ними, оставались и рассаживались по лавкам, прочие же шли в другой дом, где вся церемония повторялась, потом в третий, где уже не ели, а отведывали. Как правило, во время перехода из второго дома в третий и из третьего в четвёртый «бывало подчас крайне несносно. Там можно было встретить все: и пляску, и песни, и несвязный крик мужиков, перемешанный часто с русской бранью, и визгливый говор полупьяных баб». В редких домах подавали чай. На дорогу гостей одаривали гостинцами, которые надо было отдарить. Молодёжь покидала застолье уже после посещения первого дома. Парни и девушки отправлялись на ярмарку, а потом гуляли до позднего вечера по улице либо отправлялись к кому-то на вечерку, если было холодно. Нередко во время таких гуляний между молодыми людьми «возникали задушевные связи, закачивающиеся браком» [107].

В Тюменском и Ялуторовском округах, по воспоминаниям Н.М. Чукмалдина, праздники отмечались таким же образом. Молодёжь веселилась у реки, щеголяя яркими нарядами, развлекалась танцами и «борьбой под пояски» или по-цыгански. По улицам разносились голоса песенников. В больших сёлах на такие праздники приезжало очень много народу - весь берег был заставлен телегами. Здесь же, на берегу, стояли мужчины и женщины, желавшие наняться на работу [108].

М. Костюрина отмечает, что большие праздники в Тобольской губернии (Троица, Петров день, Спасы) длятся по три дня. Во время праздников, приходящихся на лето, бывают хоровод («круги»), даже несколько одновременно [109]. «Молодые парни и девушки, первые с гармониями и песнями, ходят по улице, ... а вечером собираются у какой-либо вдовы-солдатки, устраивают вечерки», - так описывает поведение молодежи И.Я. Трофимов [110].

Сообщения о съезжих праздниках в Шадринском и Челябинском уездах не отличаются такой полнотой и разнообразием, хотя, по всей видимости, во второй половине XIX века проходили таким же образом. Т. Успенский отмечает лишь, что в такие праздники крестьяне приглашают духовенство в свои дома служить молебны. Его дополняет Х. Мозель, говоря, что в такие праздники крестьяне не занимаются никаким делом. Мужчины ходят из дому в дом, пьют пиво и вино и поют. Женщины не принимают участия в попойках мужчин, а пить вино во многих местах считается за большой порок. Они собираются у своих родственниц или подруг, угощаются разными яствами, медом и травником (напиток, приготовляемый как пиво, но вместо хмеля в него добавляются ароматические травы). Молодёжь играют летом на лугах с песнями и танцами, а зимой - в большой избе [111].

Начиная с 1880-х годов источники отмечают ослабление обрядовой стороны праздника и делают большой акцент на пьянстве, которое имело место во время этих праздников. Это связано как с насаждением кабаков, а затем и винной монополии, так и с ослаблением традиционной культуры. В промысловых районах Европейской России эти процессы начались несколько раньше. На юге Западной Сибири эти процессы начались, как уже было сказано, в 80-90-е годы XIX века. Заметно меняется тон источников, соответственно меняются и их оценки. Всё чаще пишется о разгуле, а не о гостеприимстве жителей деревни. Например, священник И. Лит-

винов сообщал в «Тобольские епархиальные ведомости», что к этим праздникам крестьянами закупается много водки, которая составляет первое угощение. Гости приезжали, по его словам, за несколько десятков, а иногда - более чем за сто вёрст. Для покупки водки бедные крестьяне были вынуждены наниматься на весеннюю и летнюю работу на весьма невыгодных для себя условиях. В сам престольный праздник крестьяне вместо того, чтобы идти в церковь, начинали с утра поголовную попойку. Старые и молодые, мужчины и женщины поголовно пьяные ходили вереницей из одного дома в другой. Так продолжалось 3-4 дня и ночи. Иные продавали всё, что можно из дому, оставляя голодными и семью, и скотину. Переселенцы вели себя в первый день более скромно, но на второй принимали участие в разгуле на общих условиях. К концу праздника не оставалось ни одного штофа водки во всей округе, «не только в домах крестьян, но даже в кабаках». Этим пользовались разного рода ловкачи, которые за стакан или два водки скупали сено, скот, утварь. «И чего только не бывает на съезжих праздниках! Вздор семей, разлад, ссоры, драки и даже убийства. Осенью минувшего 1881 года в соседстве с моим приходом селе произошло два убийства во время съезжего праздника, По подсчётам Литвинова, в такие праздники в одной деревне расходуется не менее тысячи рублей только на водку» [112]. В селе Моршихинском за день пропивалось не менее 150 рублей [113].

Интересным представляется описание престольного праздника, оставленное некоей сельской учительницей в середине 1880-х гг. Она пишет, что за несколько дней до праздника крестьяне моют, белят, чистят, закупают обновы, водку, сладости. «Самый день праздника начинается ранней заутренней и обедней, конечно, а потом уже начинается самое главное - гости и угощение. После обедни расходились по домам и до вечера никого, кроме овец и собак на улицах не было видно. К вечеру на улице появлялись пьяные мужики и бабы с недопитыми бутылками, гармошками и с другими вещами, свидетельствующими о настроении духа». Потом выходили гулять девочки в белых рубашках и нарядных сарафанчиках, вереницы парней с гармошками, «потом растрепанные бабы, пьяные, противные, потом полупьяные молодчики, подражающие старикам, мужики чуть живые - вестимо от водки». Обычно все это заканчивалось драками. Автор описывает имевшую место в тот день драку между отцом и сыном. Несмотря на свою молодость, упомянутая сельская учительница

(а ей, по ее словам, в это время было 17-18 лет) не питает иллюзий относительно предрекаемого многими светлого будущего народа. Она пишет: «Говорят, что через 20 лет все будет ново, - О, едва ли!... и через 40 лет всё будет так же» [114].

И. Трофимов также отмечает не слишком отличную картину типичного съезжего пьянства в такие праздники. Его обзор относится к самому концу XIX века и поэтому весьма показателен. Давая характеристику местному населению, он пишет: «любят ужасно ходить в гости и принимать гостей у себя», главные угощение - водка и чай. Черета разного рода престольных праздников начинается после окончания страды. За несколько дней до него хозяева едут в город или на торжок. Хозяин закупает водки, а хозяйка - пряников, орехов, семечек, и «навеселе возвращаются домой». В праздники готовится много мясных блюд, в особенности из птицы. Если же праздник приходится на пост, то в меню включается много рыбы и всякой выпечки, в особенности разного рода ватрушек, шанежек и пирожков, варится много пива. К вечеру съезжаются гости из других деревень. К каждому хозяину на двор заезжает по 10-15 саней по четыре человека в санях (т.е. около шестидесяти). Вечером хозяин и гости идут в баню, после чего пьют чай с разными булочками. На следующий день, то есть в сам престольный праздник, все идут в церковь. Если церкви в деревне нет или она находится далеко, то идет только глава семьи. После обедни вся семья и гости усаживаются на лавках, зажигают свечу под образами и после молитвы начинают трапезу, которая включает в себя рыбу, солёные грибы, огурцы и арбузы (свежие или солёные). Главное угощение - рыбный пирог. Хозяйка разливает чай, а хозяин подносит рюмки, начиная с самого почётного гостя. Гости должны слегка поломаться, заявляя, что вообще-то уже давно не пили, а хозяин должен уговаривать их. После уговоров гость говорит: «Только уж тебя уважаючи», - и лишь после этого пьёт. Такая церемония продолжается до тех пор, пока гости сами не начнут просить. Некоторым более одной рюмки не подносят, и они идут в другой дом, обходя так всю деревню. Молодые парни и девицы ходят с гармошкой и песнями, покупают орехи, пряники и другие сладости, а вечером собираются у какой-нибудь вдовы на вечерку. Своё описание И. Трофимов заканчивает словами: «Деревенский праздник никогда одним днём не кончается и, смотря по урожаю года, иногда продолжается

несколько дней. При выезде гости снабжаются гостинцами: разным хлебом, шанежками, пирожками и т.д.» [115].

Из приведённых описаний видно, что к концу XIX века обрядовая сторона праздника всё более отходит на второй план. Разрушение традиционного уклада беспокоило многих, особенно духовенство. В 1890-е годы многие корреспонденты «Тобольских губернских ведомостей» отмечают рост щегольства, пристрастия к дорогим нарядам, лошадям, а особенно к пьянству. Вероятно, во всех этих жалобах есть элемент преувеличения, но он не слишком велик. Особенно авторы отмечают пьянство и разгул именно в престольные праздники [116]. Во многих местах Курганского округа в конце XIX века зажиточные крестьяне покупали на дом 2-3 ведра водки и ещё ведро наливки. «Но и самый бедный, который весь год ест чёрный хлеб, не менее 1/4 ведра». В Могилёвской волости за три дня водки покупалось на 500 рублей, а закусок - на 100 рублей на деревню. «Напившись, крестьяне катаются на лошадях парами, кричат, сквернословят. Нередко напуганные криками лошади бросаются в стороны, могут задавить, или выбросить из телеги» [117].

Описание одного очень редко встречающегося в источниках обряда мы находим у одного из корреспондентов «Тобольских епархиальных ведомостей» из села Усть-Суерского. Речь идет о так называемых братчинах. Братчина - очень древний обычай коллективных трапез членов однодеревенских общин. Обычно они приурочивались к престольному празднику, а угощение готовилось на средства общины. Подобные пирушки устраивались нередко после волостного схода. Желаящие вступить в общину в Западной Сибири должны были «проставиться» несколькими ведрами водки, реже уплатить 3-5 руб. Такая «такса» существовала до конца 80-х годов XIX века [118].

В указанном селе за неделю до Троицы начинали варить пиво. В семик, запасшись самоваром и водкой, отправлялись в рощу, где завивали венки, угощались, водили хороводы, пели песни. В Троицын день стар и млад шли в дом, где варили общественное пиво, пили и вновь шли в рощу, где вновь водили хороводы и пели. Старики смотрели на молодёжь и вздыхали. Тот же обычай, достаточно широко распространённый в Сибири и Европейской России, практически не встречается в других зауральских источниках [119].

В начале XX века обрядовое значение престольных праздников продолжает падать. Газеты пестрят жалобами духовенства на пьянство в эти дни. М. Горбушин сообщает, что в селе Косулино Челябинского уезда в храмовые праздники пьянство особенно усиливается. «Задолго до наступления его крестьяне начинают запасаться всем необходимым для угощения отдалённых гостей. Другой бедняк, у которого недоимка и подать никогда не оплачивается, продает последний хлеб для того, чтобы купить водки и собрать как следует праздник. Приезжают разряженные гости, на которых даже лучший летний день на ногах надеты блестящие галоши.Guestы встречают радушно, рекою льётся водка, и к вечеру ко всему селу раздаётся шум гуляющего народа: слышны пьяные безобразные песни, крики, ругательства и драки. У многих не хватает запаса вина, они занимают деньги у богатых мужиков под работу». Автор совсем не упоминает ни о каких праздничных ритуалах [120].

Н.Е. Петропавловский в эти же годы, описывая жизнь крестьян Курганского и Ишимского округов, фиксирует внимание на том, что они пьют много водки, но беспробудного пьянства, как в Центральной России, здесь все же нет. «Что касается водки, то о ней мы должны сказать, может к огорчению тех людей, которые уверены в природной склонности русского мужика к бесшабашному пьянству, что потребление её здесь больше и всё-таки пьянства нет между крестьянами. Зажиточный крестьянин держит водку круглый год для себя, для гостей и для всяких других случаев. Перед страдой покупают водку целыми бочонками в 2-3 ведра для угощения помочан. К праздникам Пасхи и Рождества все поголовно запасаются водкой. И всё-таки пьянства по деревням здесь нет. Крестьянин здешних мест не пропьёт последнюю шапку и не утащит сарафан у жены. Водку он покупает тогда, когда ему есть на что купить и пьёт столько, сколько сможет, но хозяйство его не терпит от этого никакого убытка. Потому что у них нет болезни пьянства. Пьёт он не затем, чтобы заглушить болезненную страсть, а ради удовольствия и всегда остается душою трезвым и умеренным... он встаёт здоровым работающим и умным» [121].

Подобное противоречие объясняется различными позициями авторов. Н. Петропавловский, будучи весьма близок к либеральным народникам, склонен несколько приукрашать быт и нравы крестьян, особенно сибирских. С другой стороны, И. Литвинов выступает с позиций пастыря-учителя. Поэтому его взгляды также пристрастны, в них чувствуется налет

морализаторства и традиционных «увещеваний». Однако, по всей видимости, факты, приведенные И. Литвиновым, и сделанные им оценки несколько ближе к истине.

В 1863–1864 гг. губернский статистик Е. Анучин подготовил обзор несчастных случаев в Тобольской губернии за 10 лет (1851-1861 гг.). В 1864 г. он был опубликован в «Тобольских губернских ведомостях». Среди прочих случаев «внезапной смерти», несчастных случаев и самоубийств есть и статистика смертей «от вина». Число последних составляет 8,5% всех случаев [122]. Более всего таких смертей приходится на зрелые годы. Так, в возрасте 15–40 лет погибло от «упития» 38 чел. или 1 чел. из 97 тыс.; в 40–60 лет – 79 или 1 на 25 тыс. чел. и в возрасте старше 60 – 15 или 1 на 60 тыс.чел. [123]. В другой своей работе, посвященной этой же проблематике, Е. Анучин приходит к выводу, что хотя в абсолютных цифрах среди погибших от вина преобладают крестьяне (118 случаев из 193), но применительно к общей численности их доля невелика: 1 из 32282 чел., в то время как «в высших сословиях дворян и чиновников» 1 из 5700 чел., т.е. в удельном исчислении высшие сословия умирали «от вина» более чем в пять раз чаще [124]. В Курганском округе число таких смертей составило по его подсчетам 35 случаев, т.е. 7,56% от всех несчастных случаев, что несколько меньше, чем в среднем по губернии. Хотя он указывает, что от вина чаще погибают в Курганском и Туринском округах, а реже всего в Ишимском [125].

Следует отметить, что в «Тобольских губернских ведомостях» в 60-80-х годах XIX века публиковалась статистика несчастных случаев и смертей. Рассмотрев случаи, относящиеся к Курганскому уезду, можно обнаружить, что они сравнительно редки на общем фоне, хотя статистика, безусловно, неполная. Обращает на себя внимание и солидный возраст погибших от вина – старше 40 лет. Вот, например, крестьянин села Щучье Моревской волости Степан Толстяков – 70 лет [126], Михаил Кубанов из Лебяжьевской волости – 60 лет [127], Василий Пьянцев – 70 лет [128], Артем Белов Кривинской волости – 80 лет, Василий Семейкин из Елошанской волости – 45 лет, Григорий Газенков Моршихинской волости – 60 лет [129], Василий Стукалов – 70 лет, Степан Екимов - 45 лет [130]. Даже если допустить известную условность в установлении возраста (обращают на себя внимание круглые, а значит приблизительные цифры 60, 70, 75, 80 лет), то все же надо признать, что умирали по понятиям тех лет стари-

ки. Указаны случаи смерти женщин от вина. Так, Марфа Васильева из деревни Чайчая Лебяжьевской волости умерла по дороге из деревни Н. Глубокой «от вина» [131]. Принимая во внимание, что информация об этом опубликована в № 37 из 52 (газета выходила еженедельно), случай произошел летом, т.е. она не замерзла. В № 39 сообщается, что 17 июня крестьянин Василий Иванов утонул, купаясь пьяным в озере Курейском [132], что подтверждает то, что смерть Марфы Васильевой произошла примерно в это же время. 23 ноября 1880 г. умерла от вина Матрена Осипова [133].

Однако приведенные примеры показывают, что упивались до смерти в основном старые и ослабленные люди. Прочие знали меру, что подтверждает вышеприведенные слова Н.Е. Петропавловского. Наиболее часто проявления пьянства встречаются на престольных (съезжих приходских или храмовых) праздниках.

Многие авторы, особенно среди священников, упоминают склонность местного крестьянства к божбе и сквернословию. Судя по частоте этих упоминаний и тону корреспондентов, явление это массовое и обычное [134]. Вот что пишет священник И. Протопопов о жителях села Белооярского Челябинского уезда: «Недостатки – пьянство и сквернословие, особенно распространенные среди новоселов. Многоэтажные слова так и висят в воздухе, особенно в праздничные дни и бороться с этим пороком очень трудно, потому, что крестьяне не считают его за грех, и если слышат скверные слова вылетающие из уст мальчика 9 -10 лет, то только похвалят его». Хотя, отмечает он, жители этого села «очень религиозны» [135]. А вот еще любопытный случай, связанный с привычкой материться. В деревне Потаповой Белооярской волости Челябинского уезда 29 июня 1898 года на сходе крестьянин Иван Яковлев, который имел привычку прибавлять едва ли не к каждому слову площадную брань, выступил и стал материть всех, кто пытался его урезонить. «Вдруг язык его онемел, руки и ноги задрожали и он упал на землю. И спустя почти полгода язык не работает» [136]. Здесь мы имеем дело, скорее всего, с инсультом, произошедшим от сильного волнения. Но случай этот произвел на односельчан должное впечатление и был использован в поучениях местным священником.

Однако были места и случаи, когда ругаться было нельзя. Так, например, в деле псаломщика Дм. Задорина из с. Пьянково Курганского

уезда обнаруживаем пересказ интересного застольного разговора упомянутого псаломщика с крестьянином Александром Бажуковым: «Задорин, сидя за столом, и будучи, как и все мы, выпимши, начал материться. Я заметил ему, что ругаться по матерному за хлебом и солью нехорошо» [137]. Из этой записи явствует, что даже если и сам Бажуков не имел привычки сквернословить или, наоборот, сквернословил, но просто умолчал об этом на следствии, тем не менее, в некоторых местах и при некоторых обстоятельствах ругаться матом было особенно недопустимо. Кстати, это довольно редкое упоминание в архивном материале отношения самих крестьян к мату и уместности его употребления.

На рубеже XIX-XX веков духовенство и передовые слои общества пытались побороть сложившийся стереотип праздников, для чего организовывали различные общества, создавали читальни, проводили народные чтения. Успех этих мероприятий был различным и не всегда полным. Процесс изменения принципов праздников будет нами показан во втором разделе настоящей главы.

Завершая обзор основных общественных праздников зауральской деревни во второй половине XIX века можно резюмировать, что они во многом сохранили связь с прошлым, иногда - весьма далёким прошлым. Сложившиеся традиционные формы их проведения были достаточно однотипны, хотя и колебались в пределах, не выходящих за общие нормы (например, в некоторых селениях на съезжие праздники приезжали накануне, в других - в первой половине дня праздника, в третьих - во второй). Правила поведения на праздниках воспринимались не только посредством личного наблюдения, но и прививались родителям. Нормированность поведения не означала однотипности и раз и навсегда установленных слов, жестов, поступков. В её рамках всегда существовала возможность выбора варианта или самостоятельного творчества. Рассматривая поведение на этих праздниках, мы могли бы увидеть все проявления девиантного поведения: повальное пьянство, драки, общение молодежи, «которое потом заканчивается браком», как сказано выше. Однако это именно то исключение из правил, которое само становилось правилом. Эти действия в любой иной день считались бы предосудительными и безнравственными, но в ограниченный промежуток праздника они допускались и даже приветствовались. Незнакомый с народным бытом наблюдатель мог бы сделать неправильные выводы. По счастью, практически все авторы источников

были знакомы с русскими праздниками, и хотя среди представителей слышится глухо ворчание по поводу того, что крестьяне предаются пьянству в дни, когда надо уделить время более благочестивым занятиям, в целом тон доброжелательный. «Картины таких шумных празднеств вполне могли внушить заезжим иностранцам представление о повальном пьянстве народа, тогда как их участники возвращались после тяжелого похмелья к повседневному напряженному труду и длительному воздержанию от спиртного, - отмечает исследователь феномена русского пьянства И.В. Курукин. - Среди взрослых людей практически не было непьющих; но и не было горьких пьяниц, потому что выпивка на празднике было делом публичным» [138].

Пьянство среди крестьян в будни было редким делом, а в гостях было «принято пить только маленькими рюмочками (а не гранеными стаканами) по приглашению хозяина. Постоянный общинный и внутрисемейный контроль воспитывал внутреннюю культуру крестьянина и вводил винопитие в рамки» [139]. Можно утверждать, что пьянство на престольных праздниках если и не носило ритуального характера, то было общепринятой нормой. А. Третьяков, описывая Шадринский уезд и его обитателей, замечает: «Повеселиться вином и пивом в приходский праздник считается делом приличным. Пирующих в будни не более 50 человек. Они терпят общее презренье и у каждого есть прозвище» [140]. То же сообщает некий священник С. села Алабуга: «преимущественно же пьянство бывает только в храмовые праздники по укоренившемуся издавна обычаю» [141].

Наряду с общиной, другим, быть может еще более важным институтом поддержания порядка и норм традиционной культуры, выступала крестьянская семья. Воспитание и социализация возлагалась на семьи и лишь в чрезвычайных случаях её брала на себя община [142]. Крайне неохотно сельские сходы и волостные суды принимали жалобы членов семьи друг на друга. Как правило, решение выносилось в пользу главы семьи. Среди примеров отклоняющегося поведения, относящегося к сфере семейной жизни, обычно выделяют браки убегом, разврат, отделение от большой семьи.

Выше уже указывалось, что семья и община допускали некоторые вольности в добрачном поведении юношей и девушек. Вместе с тем они имели определенный предел. Задачей было допустить общение молодежи

и подготовить к созданию семьи, не поощрялись добрачные или внебрачные половые связи. Пережитки древней языческой любовно-аграрной магии существовали именно как пережитки.

Наибольшие вопросы могут вызвать так называемые браки убогом, или браки-самокрутки. Они были распространены у русских крестьян. Внешне они выглядят как явная девиация: парень и девушка бегут из дому, их преследуют родственники невесты, подразумевается даже наличие добрачной связи. Однако это только видимость. Брак убогом в Шадринском уезде Пермской губернии совершается только для виду, сообщают корреспонденты этнографических бюро. Надо различать для виду и действительные. Чаще всего браки убогом совершались для того, чтобы избежать длительного и дорогостоящего предсвадебного и свадебного обряда. Кроме того, такие браки совершались между представителями староверов и православными. Обычай был распространен на Волге и за Уралом [143]. В Тобольской губернии часто встречается обычай похищения невесты. В Шадринском, Осинском и Ирбитском уездах Пермской губернии браки совершались «добром» или «убогом». Так, «в Шадринском уезде свадьба убогом совершается для избежания расходов по свадьбе. Родители невесты в том случае знают о похищении и только перед людьми играют роль оскорбленных. Да и ни одна девушка не решится выйти замуж без воли родителей, так как благословление последних считается самым верным залогом будущего счастья в семейной жизни» [144]. Такие свадьбы свершаются будто бы без ведома родителей невесты, на самом же деле - чтобы избежать больших расходов. Без воли родителей «ни одна девушка не решится выйти замуж», - указывает другой автор [145]. При свадьбе убогом просватанье и другие церемонии не имели места, практически не было подарков, отдариваний, угощений [146]. Такие свадьбы были достаточно прочно укоренившимися в традиции и воспринимались окружающими без осуждения.

Вступление в брак означало окончание периода социализации. Как правило, девушка уходила жить в семью мужа. В тех случаях, если в семье невесты не было детей мужского пола либо вообще больше не было детей, жених уходил в семью невесты. Этот же вариант допускался в ряде других случаев. Тогда молодой муж считался как бы продолжателем рода жены, получал её семейные земельные участки и т.д. Обычно таких людей называли примаками, или приймаками.

В целом русская крестьянская семья в Сибири изучена хорошо. Она может быть охарактеризована как патриархальная, в состав которой входило несколько поколений. Главой семьи был большак, как правило, самый старший из членов семьи [147]. Большуха (старшуха) распоряжалась женской частью семьи и женскими видами работ [148]. «В домашнем быту мужчина - глава семьи и неограниченный властелин; жена, - хотя и хозяйка, но полная раба мужа. В трезвом виде муж боится жены, но в пьяном – на жене возмещается все: бьёт он её чем попало и как попало» [149].

Обязанности родителей в деле воспитания, по представлениям русских крестьян, были таковы: кормить, содержать, учить страху Божию и грамоте, приучать к домашней и полевой работе, женить и выдавать замуж [150]. Дети должны были подчиняться родителям во всех делах и оказывать почтение. Сын должен был подчиниться родителям до выделения из крестьянской семьи, дочь - до выхода замуж. После этого, по крестьянским представлениям, родители теряли юридическую власть, но никто не освобождал детей от обязанности уважать, любить, заботиться и поддерживать родителей, «на обязанности детей – честно похоронить родителей и поминать их» [151].

Иногда старые хозяева передавали свои полномочия кому-либо из сыновей, а сами отходили от дел. Нормы внутрисемейных отношений предписывали в этом случае оказывать уважение отцу и спрашивать его совета [152]. Крайне неодобрительно семья и община смотрела на отделение или выделение из семьи. Все виды имущества рассматривались крестьянами как единый комплекс, обеспечивающий жизнь семьи [153]. Однако количество выделений и разделов во второй половине XIX века заметно увеличивается. В XX веке, после столыпинских реформ, эти выделения стали своего рода нормой. Наблюдается ослабление родительской власти, что, по представлениям крестьян, является одной из главных причин семейных разделов. «Тенденция эта крепнет по мере ослабления духовного воспитания в крестьянских семьях» [154]. Разделы крестьянского хозяйства и выделения сыновей стали распространяться к началу XX века повсеместно [155]. «С каждым годом растёт стремление крестьян веками выработанную форму общежития, большую семью заменить новой, которая даёт и большой простор инициативе отдельного лица и возможность самостоятельного независимого существования... В малой семье по себе каждый зарабатывает, по себе и получает, а коли семья большая, так он

ничего себе самому не дождется», - отмечает один из этнографов того времени [156].

Внутрисемейные отношения, как правило, властью общины не регулировались. Идеалом был «лад», который описывается в сказках и песнях. Однако не все было так, как предписывает идеал. Старшие и более сильные члены семьи нередко притесняли и обижали младших. Проявлять свою власть, к примеру, большак и большуха могли практически как угодно. Достоянием гласности становились вопиющие случаи нарушения морали внутри семьи, и очень немногие такие случаи являлись предметом обсуждения или осуждения. Вот, например, интересный документ, сохранившийся в фонде Чинеевского волостного правления. Некий крестьянин Николай Зотов, когда его сын вышел ночью на двор, начал ругать последними словами сноху. Видимо, она ему ответила либо имело место нечто иное, но так или иначе он выгнал её из дому в одной ночной рубахе и босиком, несмотря на мороз – дело было 6 декабря. Она ушла к соседям. Вскоре туда же пришел и её муж. Тем временем у означенного Николая Зотова пропали деньги. Он был убежден, что их украли, и украли именно его сын с невесткой. Последние на дознании свою вину категорически отрицали и пожаловались на жестокое обращение главы семейства [157]. В селе Ялым крестьянская вдова Мария Найданова пожаловалась в волостной суд на свекра, у которого она осталась жить после смерти мужа. По её словам тот плохо с ней обращается, ругает, а последнее время стал бить. Свекор ответил, что «если и ругнул когда, то потому, что не слушалась, а так не было». Суд удовлетворил жалобу и назначил её «прокорм» [158].

В деревне Малая Белая крестьянин Павел Григорьев нанес 17 августа 1864 г. своей жене побои обухом топора «так что она находится в отчаянном положении» [159]. В деревне Потаповой Белоярской волости Челябинского уезда 29 июня 1898 года на сходе разбиралась жалоба жены Ивана Яковлева на «бесчеловечное обращение с нею мужа и свекрови. Все признавали её достойной защиты, но Яковлев ругал и её, и тех, кто заступался за неё». Дело закончилось весьма неожиданно, как это было показано выше. Крестьяне были убеждены, что вмешалась высшая сила [160].

Вот другой, еще более вопиющий случай зафиксирован в анонимном дневнике сельской учительницы, который относится к 70–80-м гг. XIX века. Отец убил сына сильным пинком по голове. Узнав об этом, наивная учительница говорит сельскому старосте, что надо его немедленно аре-

ствовать. «Это отца-то? – отвечает тот. - Дать попу рублевку, вот и зароят... Это же надо! Арестовать тоже – кто станет?» [161].

В весьма редких случаях обиженная сторона обращалась на мирской сход или в волостной суд, которые обычно стремились не вмешиваться в дела семьи и решить дело примирением сторон. В тех случаях, когда это не удавалось, решение, как правило, в пользу главы семейства. Так, в 1893 г. крестьянская жена Марфа Свирина (43 года) отказалась следовать за мужем Яковом Свириным на поселение, «потому что он с нею постоянно жестоко обращается... О том, что муж ее Яков Свирина с ней жестоко обращался, знает общество крестьян деревни Худяковой». Свидетели показали, что они никогда не замечали и не слыхали, что Свирина жестоко обращался со своей женой. Поэтому в просьбе Марфе отказали, поскольку «в новом месте жена его будет ближе ему как уже человеку одинокому» [162]. Более подробно это дело будет рассмотрено в следующей главе.

Имеется в архивах и другие иски с жалобой мужа на поведение жены. К их числу относится иск, рассматривавшийся в Глядянском волостном суде 24 января 1884 года. Его предъявил крестьянин деревни Межборной Александр Завьялков по поводу ухода из дому своей жены Екатерины. В исковом заявлении он указал, что жена ушла от него без видимой причины к крестьянам деревни Полусальской Леонтию и его жене Варваре Катайцевым. Никакого упоминания о родстве или свойстве с этой семьей в деле нет, зато указано, что Екатерина Завьялкова уже уходила к ним и решением суда от 14 ноября они уже были наказаны арестом. Интересно, что Завьялков указывает в иске, что по причине ухода жены «он имеет потерю работника». Таким образом, уход жены рассматривается прежде всего с экономической, а не столько с моральной или религиозной точки зрения. Далее он говорит, что Катайцевы «расстраивают его с ним не сходитья и даже приняли её к себе в дом ... и уже были за это наказаны... и не смотря на все это Екатерина к нему нейдет, а Катайцевы продерживают её у себя и из них Леонтий угрожает даже побить просителя, потому он просит наложить на них наказание». При расспросе Екатерина призналась, что не хочет жить с мужем, не упоминая о его грубом или жестоком обращении, просто «не имея на то уважительной причины». Суд постановил наказать Завьялкову и обоих Катайцевых арестом в каталажке на семь суток. Кроме того, первая по отбытии ареста должна была вернуться к мужу, а последним было запрещено впредь принимать её у себя [163].

В достаточно редких и наиболее вопиющих случаях имело место осуждение главы семьи или его сыновей. Главными причинами обращения в волостной суд или на мирскую сходку были разврат, а со стороны женщин также и жестокое обращение со стороны мужа. Последнее скорее было нормой, однако в тех случаях, когда побои становились нестерпимыми, а общественное поведение мужа вызывало осуждение односельчан, женщина могла искать защиту вне институтов семьи. Выше уже упоминалось обращение крестьянки села Глядянского Авдотьи Киселевой на своего мужа Ивана, «что он живет распутно, постоянно пьянствует и растрчивает своё хозяйство, её же прогоняет от себя» [164]. В случаях нарушения супружеской верности женой, муж имел полное право «учить» её, а если поведение становилось широко известным на селе, то женщину наказывали розгами или применяли позорящие наказания (острижение волос и т.п.). Мужчин также наказывали за разврат розгами, арестом, штрафами, но позорящие наказания применялись гораздо реже, чем по отношению к женщинам [165]. Так, в отношении указанного Ивана Киселева был вынесен приговор «за распутную жизнь и пьянство наказать 15 розгами» [166]. Впрочем, на волостной суд выносились и жалобы мужа на развратное поведение жены, которое он, по всей видимости, сам не мог пресекать. Вот пример из решений того же Глядянского волостного суда от 5 марта 1894 года. Егор Гладков жалуется на свою жену: «Жена его Матрена Исаева Гладкова уклоняется от совместного жительства с ним и вдается в разврат. Почему и просит наложить на неё меру наказания. Матрена Гладкова объяснений заслуживавших уважения не представила. Зная хорошо порочную жизнь Матрены Исаевой Гладковой, волостной суд приговорил её к общественным работам на шестеро суток» [167]. В этом достаточно редком деле (обычно мужья «учили» жен дома и не «выносили сор из избы»), обращает на себя внимание репутация женщины. Поскольку суд хорошо знает порочную жизнь указанной Матрены, а не опирается только на жалобу и показания её мужа, он и вынес свой обвинительный приговор. Поэтому добрая или дурная слава могли быть фактором не только морального осуждения, но и реального наказания со стороны общества или волостного суда.

Необходимо отметить, что к мнению своих односельчан крестьяне относились весьма чутко. Любое покушение на доброе имя семьи вызывало быструю и острую реакцию в ответ. Если относительно мужчин с

обидчиком могли «поговорить по-мужски», то в отношении репутации женщин и девушек было не все так просто. В этом случае имели место обращения на мирской сход или в волостной суд, что дает нам любопытные факты, опровергающие, в частности, попытки некоторых исследователей представить моральную жизнь русской сибирской деревни как плохо прикрытое лицемерием и круговой порукой непотребство.

Рассмотрим интересный пример деревенской свары, в которой замешаны несколько участников, мужчин и женщин. В начале 1894 г. в селе Ялым некая крестьянка Аграфена Исакова пришла в дом к односельчанину Петру Художиткову, который был поручителем в «сиротских деньгах». Хозяина дома не было, поэтому Аграфена потребовала, чтобы деньги вернула его жена. Та, по всей видимости, отказалась выдавать деньги без мужа. Завязалась типичная бабская перебранка, при этом Аграфена сильно оскорбила Художиткову словесно. К сожалению, конкретные обстоятельства этой перепалки не приведены. Затем упомянутая Аграфена Исакова подговорила другую бабу, «крестьянскую жену» Липу Канашову, чтобы та показала при сельском старосте, «что будто бы Художитков просил Канашеву сходить к Исаковой и соблазнить её на любовную связь с ним». На судебном следствии упомянутая Аграфена Исакова заявила, что означенный Петр Художитков «действительно приходил к ней с дурными намерениями, поэтому она и оскорбила его, а свидетельница Липа Канашова действительно говорила ей, что Художитков просит её (Исакову) сойтись на любовную связь. Свидетельница Липа Анофриева Канашова показала: к ней приходила Исакова и просила показать при сельском сходе, что Художитков просил её (Канашову) соблазнить Исакову на любовную связь, что она по глупости и сделала и просит прощения у Художиткова». Волостной суд предложил сторонам примириться, не желая, вероятно, ввязываться в такую грязную и в то же время глупую историю. Стороны ответили отказом. Тогда суд приговорил Исакову к двум суткам общественных работ при волостном правлении. Вышестоящая инстанция утвердила этот приговор, оставив попытки обжаловать его со стороны Исаковой без последствий [168]. Из этого забавного, хотя и несколько запутанного дела можно извлечь несколько выводов. Во-первых, бабские склоки и перебранки были довольно обычным делом. Порой они вносили непримиримый разлад между семьями. Мужчины старались не вмешиваться в них, пока это их не задевало. В данном случае Аграфена решила оклеветать

Художиткова, причем для нас не столь важно: действительно он должен был отдать деньги или нет; судебные документы об это умалчивают. Второй вывод, который напрашивается – это наличие на селе сводней и сводников, которые помогали улаживать интимные дела. По всей видимости, указанная Липа Канашова и выступает в роли такой «посредницы». К сожалению, по материалам дела уже не установить, действительно ли она была такой простушкой, что вняла уговорам своей знакомой Аграфены, дабы просто помочь ей за деньги или из интереса, либо же она регулярно занималась сводничеством, и именно поэтому Аграфена обратилась к ней. Оба предположения имеют право на существование и могут найти подтверждения в сельской жизни. В-третьих, Аграфена просила Липу оговорить Художиткова именно «перед сельским сходом», что реально доказывает, что этот институт в Зауралье принимал решения по таким вопросам. Следовательно, женщина (или девушка), чья честь была подвергнута поруганию либо имело место только попытка этого, как в данном случае, могла требовать защиты у односельчан. К сожалению, протоколы сходов по таким вопросам не велись, и поэтому эта сторона жизни зауральской деревни и случаи девиантного поведения известны нам в скурых сообщениях волостных судов, куда обращались в сложных случаях.

Еще одним примером отклоняющегося поведения было снохачество – сожитие свекра со снохою. Здесь женщина была в крайне сложной ситуации, ибо искать помощи было не у кого, особенно если муж был в армии или в отхожем промысле. Говорить об этом явлении просто стыдились [169]. Снохачество, по всей видимости, было достаточно распространено среди русских крестьян. Во всяком случае, оно не было чем-то из ряда вон выходящим. Так, в анкете, разосланной этнографическим бюро князя Тенишева, вопросы, посвященные этому явлению, помещены в разделе разврат и занимают больше места, чем вопросы, посвященные незаконнорожденным детям или нищенству [170]. Однако, что знаменательно, ответов на эти вопросы почти нет. Характерен и показателен такой ответ: «Случаи снохачества имеются, но скрываются» [171].

Снохачество встречалось и встречается среди крестьян, хотя церковь еще со времен Ярослава боролась с этим явлением. «Еще в XVIII в. в Сибири был обычай женить малолетних сыновей и жить с их женами. Вообще народ видит теперь в снохачестве преступление, хотя и не особенно важное, как об этом свидетельствуют приговоры (дореформенных) во-

лостных судов. Суды эти, между прочим, признавали, что доказанная связь отца с женой сына дает последнему право требовать отдела от отца» [172]. Снохачество нередко приводило к отцеубийству. Смирнов указывает на случаи, когда сын убил отца колом [173]. «Вообще в России и в Сибири в частности это рассматривается как разврат и наказывается». Однако в приведенных им случаях, рассмотренных в волостном суде, виновными оказываются сыновья и снохи, которые приговариваются, как правило, к двадцати ударам плетью «за клевету» [174]. Описания этого явления в архивах крайне редки. Так, например, упоминается случай в восточных уездах Пермской губернии, когда жена уговаривала мужа отделиться от отца, приведя в качестве причин приставания свекра. Когда же последний пообещал лишить сына всего наследства и выгнать как собаку, тот пошел на попятный и заявил, что не верит словам жены, поскольку «по преклонным годами» его родителя «совершенно нет вероятия», чтобы тот совершил прелюбодеяние [175]. А вот в другом случае сын видел, как отец «гонялся за его женой и при первом же удобном случае избил его бесчеловечно» [176]. Весьма интересна и показательна в этой связи картина известного крестьянского бытописателя В.Е. Маковского «Свекор» (1888). Старый свекор пытается заигрывать с невесткой, лицо которой выражает неуверенность. В дверях стоит, по всей видимости, её муж (см. обложку).

Проституция в деревне имела место, особенно после строительства железной дороги и по соседству с ней: «она стала сезонным промыслом для многих женщин в больших торговых и пригородных селах, в населенных пунктах на транспортных артериях» [177]. «Несомненно, достоверных количественных данных об этом явлении просто не могло существовать» [178]. Во всяком случае, в анкетах Тенишевского бюро, в разделе «Разврат», в вопросе, посвященном сводничеству и проституции в деревне (№ 457), предлагается: «Здесь следует обратить внимание на положение солдатских жен, а также влияние фабрик, заводов и отхожих промыслов» [179]. Проституцией в селе занимались в основном солдатки [180]. Они же занимались содержанием «деревенских клубов», о которых уже говорилось выше. В городе существовала статистика и учет. Например, в Кургане в начале XX века существовало от двух до пяти домов терпимости. В 1913 г. здесь было задержано за незаконную проституцию пятьдесят одна

женщина. [181]. В сельской местности этот порок начал развиваться в деревнях вдоль железнодорожной магистрали.

Итак, русская крестьянская семья и крестьянская община в Западной Сибири сумели поддерживать порядок и существующий моральный кодекс. Нарушения норм морали были явлением достаточно редким. Но, что более важно, эти нарушения наказывались и пресекались. Лишь незначительная часть случаев выносилась за пределы узкого круга семьи и общины. И хотя на деревне все всё знали, но далее разговоры не шли. Лишь в сложных и противоречивых случаях крестьяне обращались к помощи закона и неписаного обычного права.

В семье правила поведения были известны. Наказания за их нарушение были окрик или суровый взгляд старших. Нередко прибегали и к физическим наказаниям, причем и взрослых членов семьи, которые совершались отцом семейства или с его согласия другими членами семьи. Младших, несовершеннолетних мог наказывать любой старший [182]. «Все отклонения от нравственных норм затрагивают прежде всего семью – родителей, мужа, жену, подрастающих детей. Семья, по русским народным представлениям, - опора нравственности, оплот её» [183]. Поэтому так дорожили общественным мнением соседей и были чувствительны к дурной славе и порочащим слухам.

Вот, например, жалоба крестьянки деревни Атяш Кривской волости Шадринского уезда Афанасии Поповой в волостное правление на жительницу той же деревни Марию Попову. Эта последняя прилюдно оскорбила дочь Афанасии, назвав её «воровкой и блядью», и добавила: «тащите её и жарите за это» [184]. Вот еще одно любопытное дело, связанное с оскорблением дочери, которое рассматривалось в Глядянском волостном суде. Дочь крестьянина (как сказано «малолетняя») Андрея Островских Анна изорвала пряжу у крестьянки Мавры Островских. Не совсем ясно, были ли они в родственных отношениях либо просто однофамильцами, что бывало часто в русской деревне. Отец девочки и её мать пришли просить прощения, чтобы уладить дело миром. Однако Мавра отказалась мириться, обругала девочку и сказала, что «ей поселенец Васька Пороз показывал свой член». «За эти слова прошу Мавру Островских наказать» - указывает в жалобе Андрей. Мавра же дает такую интерпретацию событий. Островских «пришла просить у меня прощения, пала в ноги, простите, но пряжу она не рвала и тут же начал укорять, что дети у нас плохие и я действительно про-

изнесла, что её дочери Васька Пороз показывал свой половой член, когда она у него что-то попросила, о чем мне известно через людей». Затем перепалка баб перешла в потасовку. Волостной суд постановил: «Обеих крестьянок подвергнуть аресту за затеянную ссору и драку на 2 суток» [185].

Изучить размах существования внебрачных связей представляется делом довольно сложным. Авторы нарративных источников противоречат друг другу. П. Кыштымов пишет, что в селе Песчанском супружеская верность не всегда сохраняется [186]. И. Завалишин рисует более благостную картину [187]. Некоторые священнослужители описывают состояние нравов как удручающее [188]. В сказках, записанных в Шадринском крае, мы можем найти примеры супружеской измены и отношения к ней. Некий мужик стал ходить к соседке. Поскольку его жена «чумазая, уродина, совсем не похожа на соседку. А жена-то была работяща. И причесаться-то некогда. Всё в работе». Вот мужик однажды и говорит ей: «Опротивела ты мне, видеть тебя больше не могу. Уходи из моего дома». Здесь в тоне рассказа мы не видим особого осуждения, сказка просто описывает последовательность событий. Однако когда жена перед уходом из дому причесалась и привела себя в порядок, муж оставил её дома и «с тех пор престал мужик ходить к соседке» [189].

В этой связи более интересны архивные документы. Выше уже были приведены случаи наиболее ярких нарушений супружеской верности, ставших достоянием сходов и волостных судов. Определенные сведения дают церковные документы, в частности ведомости находящиеся под епитимьей. К сожалению, не все они сохранились, но тем не менее то, что сохранилось, дает возможность создать определенную картину нравов. Вот, например, ведомости из Курганского благочиния за 1878 г. Прихожане Троицкой церкви 14 крестьян, из них 13 за любодеяние, 1 – за нанесение побоев [190]. В Барабе под епитимьей находились 4 человека – все за любодеяние, из них 1 девка, 1 солдатка и 2 крестьянина [191]. Село Утятское, 1898 г.: под епитимьей 5 чел., из них 3 за любодеяние (2 мужчины и одна женщина), причем один из мужчин вступил во второй брак при живой жене. По всей видимости жена ушла из дому [192]. Описание такого случая в другой деревне дано нами ниже в следующем разделе.

На примере нарративных источников и судебных дел, сохранившихся в архивах, можно видеть пороки западносибирской деревни и примеры девиантного поведения. Можно констатировать, что существовали такие

явления, как сводничество, проституция, азартные игры и притоны. Безусловно, имело место пьянство и пьяный разгул, грязная ругань и грязное поведение по отношению к представителям противоположного пола. Безусловно, имело место нарушение супружеской верности, добрачные и внебрачные рождения. Однако, что весьма важно, эти примеры были исключением, более или менее редким. Не менее важно и то, что община могла контролировать эти проявления девиации, наказывать нарушителей нормы и поддерживать правила нормы поведения в рамках традиционной культуры.

Меры воздействия со стороны общины были следующие: выраженное общественное мнение, пересуды, дурная слава, суд стариков, мирская сходка. Вообще, община стремилась к примирению сторон, увещанию [193]. Она могла ходатайствовать об удалении тех членов, на которых обычные меры воздействия не оказывали влияния. В этих просьбах власти не отказывали. Лишь в особых случаях дело передавалось в волостной суд, а если совершалось преступление, караемое по уголовному закону, в полицию [194]. Волостной суд мог наложить штраф, отправить под арест на недолгое время, наказать розгами или назначить исправительные работы. Вот, например, Кислянское волостное правление постановило 29 сентября 1864 г. удалить из волости Михаила Николаева «за дурное поведение» [195]. В том же году по решению схода крестьянин Антон Черепанов из деревни Малая Белая сдан в рекруты «по дурному поведению». В селе Ялым крестьянин А. Кузнецов нанес удар в ночь с 29 на 30 августа 1895 г. Ивану Каташову, который находился при исполнении обязанностей десятского. «Означенный Кузнецов занимается пьянством и дракой», не выполняет решений старосты и схода, законы не исполняет. По всей видимости, во время такого дебоша его и пытался утихомирить И. Каташов. Просьба наказать по закону и выслать. Дело передано в волостной суд. К сожалению, окончания его обнаружить не удалось [196].

Вот другой пример, где сельский сход, по сути, присвоил себе роль суда и решил «дело» без юридических проволочек. В селе Мостовском Ялуторовского уезда собрался сход, «на котором старички познали одного местного вора, уже учено. У него в гостях был татарин. Обоих привели на сход. Староста ушел. Мужички "учили и доучивали". Доучивали страшно, но оставили в живых» [197]. Сход мог лишить таких людей права участвовать в собраниях и делах общины. В селе Шутиха Шадринского уезда

сход своей властью отстранил воров, пьяниц и дебоширов. Таковых «лишенцев» на 1889 г. насчитывалось около пятидесяти [198].

Нередко дело и здесь ограничивалось только внушением. Большую роль играли писари и сельские воротилы, которые могли по-своему изложить дело и влиять на судей-крестьян. Кроме того, писари просто могли подкупить или подпойть крестьян и решить дело так, как им надо. Вот, например, свидетельство весьма образованного и умного священника К.Я. Маляревского (брата директора народных училищ Тобольской губернии): «Писарь покупает голоса на сходке водкой» [199]. Кстати, в состав суда обычно входили одни и те же лица, как правило, зажиточные крестьяне. Тем не менее, мы можем констатировать, что вплоть до начала XX века, когда вследствие общего социально-экономического развития России вообще и проведения Транссибирской железной дороги в частности, русская патриархальная семья и русская община поддерживали порядок в зауральской деревне и выступали стражем основ традиционной культуры и традиционных норм поведения.

1.2 Девиантное поведение в общине Южного Зауралья в начале XX в.

Несмотря на большие изменения, произошедшие в России во второй половине XIX века, общественная жизнь большинства русских протекала в рамках общины-мира. «Общинные традиции, составлявшие часть общего типичного для России патриархального уклада, продолжали сохраняться в быту и тогда, когда община под влиянием усиливавшейся социально-экономической дифференциации постепенно стала терять свое относительное единство... Деревенский общественный быт был теснейшим образом связан с двумя основными сферами жизнедеятельности общины: административно-управленческой и хозяйственно-экономической» [200].

В начале XX века в России, в том числе и в Зауралье, многие формы традиционного образа жизни и традиционной культуры начинали изживать себя, они не поспевали за динамизмом нового времени, новой эпохи. Это отмечали многие современники этих процессов. В Зауралье указанные процессы наиболее ярко стали заметны в начале XX века и были связаны с проведением Сибирской железной дороги и интенсивным ростом

городов по её ходу. Развитие рыночных отношений проходило бурными темпами, крестьянское сознание не всегда поспевало за ним. Одним из проявлений втягивания региона в орбиту рыночных отношений стало возникновение и развитие сибирского маслоделия и создание Союза сибирских маслодельческих артелей. Бурно росли города. Новосибирск (Новониколаевск) возник практически на пустом месте, Челябинск превратился в важный транспортный и административный центр, Курган вырос за двадцать лет после проведения через него железной дороги почти в четыре раза. Именно города стали проводником новых явлений культуры. Вытеснение традиционных форм поведения и норм общения, ослабление роли общины и её контрольных функций, а в меньшей степени и семьи, привели к появлению и развитию норм поведения, значительно отличающихся от ранее принятых. Такое отклоняющееся, девиантное поведение вылилось, прежде всего, в чрезмерном, гипертрофированном пьянстве и тесно связанным с ним хулиганстве. Последнее явление было не знакомо русской деревне, да и городу тоже. Поэтому они оказались неподготовленными к нему, что и нашло своё отражение в различных печатных изданиях. В целом, уход старых традиций и невыработанность новых привели к различным викарным (замещающим) формам поведения, проведения досуга, организации праздников. Таким образом, влияние новых социальных отношений на культурную среду в начале XX века было и положительным, и отрицательным, т.е. амбивалентным. Попытаемся рассмотреть теперь обе эти тенденции и их конкретные проявления.

В русской и сибирской деревне довольно активно идет развитие частного предпринимательства, которое находило выражение, в том числе и в привычных для русских крестьян формах, а именно артелей. Создаются товарищества для покупки и проката сельскохозяйственных машин, ссудные и сберегательные кассы, потребительские кооперативы [201].

Интересным примером сопротивления новациям стали так называемые «молочные бунты», прокатившиеся по югу Западной Сибири в 1901 году и ставшие реакцией на проникновение товарных отношений и товарного молочного хозяйства, в частности по ходу Транссиба. Доклад об этих волнениях сделал на заседании Западносибирского общества сельского хозяйства С.П. Швецов в марте 1902. Его же перу принадлежит статья, написанная на основе этого доклада. По его словам, развитие маслоделия и строительство маслобоен («молоканок») дает большое подспорье кре-

стьянину и освобождает крестьянок «от вечной возни с горшками и кринками, оне перестали квасить молоко и делать из него масло; с этого момента жизнь сибирской крестьянки – жены и матери – стала в семье более заметной... Возле молоканок образуется нечто вроде деревенского клуба» [202]. Нарушение привычного деревенского уклада вызвало ответную реакцию старшей и консервативной части деревни. «Но не вся деревня, однако, радостно встретила молоканку. Видя, что молодые бабы в семье стали реже и меньше возиться с горшками и кринками, что у них есть свободное время и водятся деньги, и что оне зубы точат возле молоканки с молодыми парнями и рабочими-маслоделами, следовательно, “отшатились” от домашности, - старшие в семействе женщины возмутились этим обстоятельством и в крестьянскую семью ворвался раздор» [203]. В Сибири в больших семьях «молочное хозяйство, как самое тяжелое, ложится на младших – снох, девушек и пр.; старухи же, разные тещи и свекрови свободны от него... Вот в этой-то среде старших женщин и вызвал недружелюбное отношение к себе новый порядок, при котором у молодых баб, этих безгласных рабынь крестьянской семьи, получился досуг» [204]. На фоне этого брюзжания «престарелого населения деревни», недовольства перекупщиков и неурожаев вследствие двухлетней засухи возникла почва для волнений. Прокатились слухи, что маслоделы воруют и убивают скот, что «телята голыми рождаются» и что все бедствия последних лет – наказание за грех мучить молоко в машине (пропускать с через сепаратор). После этого для многих сепаратор – «адская машинка», «молоканка» – стал рассматриваться как источник возможных бед. «Суеверие и невежество поддерживают эту легенду, поддерживая её еще более фантастическими страшными подробностями» [205]. Под влиянием этих слухов «старики» добиваются на сходах недопущения открытия новых и закрытия старых молоканок [206]. В иных случаях толпа крестьян громила маслодельню и уничтожала оборудование. Интересно, что автор доклада постоянно делает акцент на внутрисемейный конфликт между старшим поколением и молодым, более мобильным. Он яркими красками рисует картины зависти по отношению к тем, кто живет по-новому, заводит предметы довольства и роскоши. Однако в заключении он сделал интересный вывод: «новый промысел породил в семье крестьянина раздор, вызвал её расслоение. Таким образом, вторжение капитала в сибирскую деревню, по крайней мере при данных условиях, благотворного влияния не оказало» [207]. «Я до-

вольно много беседовал с участниками боя и его свидетелями, - пишет С.П. Швецов, - в этих беседах передо мной проходили все те же картины... враждебного отношения стариков и старух, появление стремления делать покупки и т.д. – все то же, что и везде» [208]. И хотя в Курганском уезде недовольство маслодельным промыслом не носило таких ярких проявлений, как на Алтае, тем не менее, проявления его имели место, как и «конфликт поколений».

Наибольшее сопротивление инновации встречали в среде старообрядцев, процент которых среди населения Зауралья был весьма высок. Имели место случаи социального бойкота, отказа в отправлении религиозных обрядов, прямого насилия. Имеются упоминания о том, как матери и отцы рубили топорами «мирскую одежду» своих дочерей, запрещали употреблять в пищу картофель, чай и т.п. Однако, конечно, не все представители староверов так строго отстаивали «заветы старины». И среди этой религиозной группы имелись авторитетные люди, которые не мыслили узкими категориями и допускали полезные новшества [209].

Организаторам сибирского маслоделия приходилось преодолевать самого разные трудности. Немало крови им испортила крестьянская косность. Кто-то пустил слух, что это грех – мучить молоко в машине (пропускать с целью отделения сливок через сепаратор). После этого для многих сепаратор – «адская машинка», «молоканка» – стал рассматриваться как источник возможных бед. Где-то священник не благословил артельщиков открыть завод, и только авторитет Камышинского старца Адриана, который одобрил новшество, поправил дело. Когда же случилась засуха 1902 года, по глухим деревням прокатились массовые «молочные бунты»: где «молоканку» топили в омуте, а где маслодел едва сумел избежать расправы. С расширением маслодельного производства в разы увеличивались и проблемы, которые приходилось решать прежде всего Александру Балакшину. С этой целью были созданы Союз сибирских маслодельческих артелей и Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства, которые, наряду с экономической, вели большую просветительскую работу [210].

Однако далеко не все изменения в традиционной культуре носили позитивный характер. Утрата традиционных ориентиров для большинства крестьян привела к уходу от быстро меняющегося мира к пьянству и развитию девиантного поведения. Многие авторы начала XX века отмечали, что изменения и отмена некоторых обрядов превращает свадьбы, имени-

ны, похороны в безличное пьянство, которое эти обряды заменяет [211]. В основе традиционной культуры лежит сложная система моделей поведения, в которой действия людей продуманы заранее, показаны в примерах и закреплены в неких эталонах. Человеку остаётся только разумно и умело выполнять их [212]. Это не означает, конечно, отсутствие возможности выбора и творчества. Но в традиционной культуре все действия уже как бы были, надо выбрать из предложенного набора. Причём выбор также подсказан традицией: если человек примет нетрадиционное решение, община, чьё мнение играло важнейшую роль, его осудит. В культуре новой, проникающей в Зауралье во второй половине XIX-начале XX века, человек должен сам выбирать модель поведения, все его действия свершаются как бы в первый раз [213]. Однако житель зауральской деревни оказался неподготовленным к такой смене типов культуры, что и повлекло за собой новые нормы поведения, которые едва ли были бы приемлемы в культурной деревенской среде даже в начале XX века. К этой дезориентации прибавились и действия правительства, которое для поправки бюджета во второй половине XIX века поощряло открытие кабаков и питейных заведений, в особенности после введения после 1863 г. свободы торговли водкой. При этом обычно община оговаривала, что за действия в помещении самого кабака она ответственности не несет [214]. Тем самым пьянство если и не насаждалось, то, во всяком случае, поощрялось государством. В декабре 1889 года в селе Кислянском Курганского уезда в кабаке некий крестьянин Антон Куликов снял с Кузьмы Осипова полушубок и рукавицы и выгреб все деньги. Когда же прибежала жена Осипова и попросила водки для мужа, который с отморожениями добрался домой, кабатчик ей отказал, хотя за водку уже было уплачено: «Собаке собачья смерть!» [215]. В некоторых случаях сельский сход оговаривал условия открытия кабака. В том же селе Кислянском в 1864 г. было разрешено открыть питейное заведение крестьянину Дееву торговать вином, водкой и наливками «распивочно и на вынос, и что б ему вина под залог вещей не давать». На него же возлагалась ответственность, если «кто у него в лавке от вина помрет» [216].

Н.М. Чукмалдин с нескрываемой горечью рассказывает, как все его попытки остановить развитие пьянства в родной деревне в 1870-1880-е гг. наталкивались на непонимание и враждебность властей и односельчан. Ему помогали словом и делом многие, но как только появлялся кабатчик с

несколькими вёдрами водки, все его добрые замыслы разрушались. «Вся моя более чем двадцатилетняя борьба с кабаком окончилась моим поражением, и я должен наконец сказать себе: "Да, кабак меня победил"» [217]. Правительство стремилось пополнить бюджет. Для этого оно поощряло распространение кабаков и развитие пьянства в России. А в конце XIX века с введением винной монополии эта тенденция только усилилась. На совещании в министерстве финансов 28 февраля 1898 г. отмечалось «необычное за последнее время увеличение числа питейных заведений, содержимых непосредственно крестьянскими обществами». Таких заведений на территории подведомственной Управлению акцизными сборами Западной Сибири было: в 1890 г. – 19, в 1891 г. – 138, в 1892 г. – 230, в 1893 г. – 282, в 1894 г. – 327, в 1895 г. – 528 и в 1896 г. – 817 [218].

В селе Кислянское за один только год было открыто два питейных заведения. В приговоре, сделанном по этому случаю, оговорено, чтобы владельцы их с крестьян за вино вещами не брали, а если кто упьётся до смерти или в пьяном виде погибнет в кабаке иным способом, то община за это ответственности не берёт на себя [219]. Однако эти обязательства косвенным образом нарушались. В том же Кислянском в конце декабря 1889 года (как было указано выше) у пьяного крестьянина в питейном заведении стали требовать уплаты долга, и сняли с него в счёт долга полушубок, шапку и рукавицы [220].

К.Я. Маляревский в своей рукописной газете «Летопись села Елошанского» отмечает сходные тенденции. Он пишет, что в этом селе до конца 1870-х гг. не было кабаков, но в эти годы (1879-1881) появились насельщики (переселенцы), которые требовали вина. «Потребители явились: явились и поставщики». В деревне Кошкиной стала торговать «некая Андреевна, а в Носилках - Ивановна, были и другие. Решили все же открыть кабак, чтобы хоть акциз шёл. Открыли - и пьянство только усилилось» [221]. Многие насельщики ушли, поскольку не было кабака, но с его открытием вернулись и начали воровать, что особенно заметно зимой - то украли корову, то овцу, то вещи. Питейные заведения в 70-80-е гг. XIX века открывались во многих селах и деревнях. Например, в селе Травянском в середине 1870-х гг. кабак стоял на самом видном месте с надлежащей вывеской «На вынос». В соседнем селе Воскресенском на равное с Травянским числом душ приходилось десять мелких винных лавочек. «Из этого, впрочем, не следует, что травянцы не падки на выпивку

и содержат кабаки из подражания или так себе ради проформы. Большинство любит выпивать, хотя постоянных завсегдатаев в заведении не очень-то много». Травянцы обычно предлагали мелкие взятки местным властям именно водкой [222].

В расположенном неподалеку селе Алабуга Челябинского уезда дело обстояло вот так: «Пьянство, может быть, всеобщий порок крестьян, но его нельзя приписать большинству, конечно в селении на 450 душ муж. пола есть два питейных заведения, но и их большинство не желает иметь; и только несколько ведер даровой водки с придачей 100 рублей заставляют захмелевших крестьян принимать эти заведения» [223]. Впрочем, по традиции на съезжие праздники крестьяне «гуляют» [224]. Эту же особенность храмового или съезжего праздника подчёркиваем корреспондент из села Косулино, Челябинского уезда. Задолго до него жители этого села начинают запасаться водкой для ожидаемых гостей [225].

В конце XIX века правительство для повышения доходной статьи бюджета стало вводить так называемую винную монополию, начавшуюся с утверждения «Положения о казенной продаже питей», которое законодательно обусловило постепенное введение с 1 января 1895 г. по 1 июля 1904 г. казенной винной монополии на всей территории Российской империи, за исключением Закавказья, среднеазиатских владений, Приамурской и Камчатской областей. Винная монополия была введена по инициативе С.Ю. Витте вначале в 4 губерниях (Пермской, Оренбургской, Уфимской, Самарской), в последующие годы распространена на всю страну. Двадцать-тридцать лет назад правительство поощряло открытие кабаков и получало большие доходы за счет откупов и акцизов. В принципе, кабаки открывались в селе только с согласия «мира», за что кабатчик уплачивал «обществу» 100-150 руб. и должен был поставить несколько ведер водки. С проведением налоговых реформ Витте правительство поощрило спаивание населения для пополнения «пьяных бюджетов». Одновременно с введением винной монополии и ограничением продажи крепкого алкоголя повысилась цена на него. Как следствие, стало развиваться самогоноварение и продажа водки «из-под полы». Особенно много дел по этому поводу мы обнаруживаем по Курганскому уезду за 1896–1897 гг., что как раз совпадает с распространением реформ Витте в этой области. Были задержаны за неимение патента несколько крестьян, причем огромные штрафы, налагавшиеся на них (50–100 руб.), они не могли по бедности уплатить,

поэтому дела либо оставлены без последствий, либо попали под амнистию в связи с царской коронацией [226].

Американский исследователь этой проблемы А. Макки полагает, что фискальные меры отчасти преследовали цель и борьбы с пьянством посредством сокращения числа кабаков и питейных заведений. Однако, по его мнению, монополия не справилась с этой задачей. Пьянствовать стали не в кабаках, а на улице; кроме этого, распространились тайные притоны, где продавали зачастую разбавленную водку [227].

Однако с наступлением XX века тон корреспондентов начинает меняться. Пьянство приобрело весьма широкий размах и вышло за пределы традиционного праздничного гулянья. Одновременно возникло и развилось новое явление в зауральской деревне - хулиганство, бороться с ним призывают и представители клерикального лагеря, и сторонники «прогресса». «Многим казалось, - пишет один из авторов «Оренбургских епархиальных ведомостей», - что это случайное явление. Оно даже отрицалось... Теперь оно растёт и ширится... Много зла есть в деревне. Есть зло старое, от веков нажитое... Пили, били и крали - раньше. Хулиганство означает совершенно новое явление, оно выражается в малообъяснимом, беспричинном озорстве... Хулиганство в деревне - несомненно зло, разъедающее совершенно общинный уклад». Далее автор статьи проводит прямую связь между ростом пьянства в деревне и хулиганством. Он отмечает, что следствием пьянства стал рост насилия, драки, кражи детьми у своих родителей денег и вещей. С. Кротков, также представляющий клерикальные силы, пишет, что к пьянству дети приучаются о детства. «Приурочивание пьянства к праздникам не только не считается предосудительным, но и возводится как бы в религиозную обязанность... Опьянение окружено каким-то ореолом удали и молодечества» [228]. Особо следует остановиться на той фразе автора, в которой он говорит, что пьянство возводится не в ранг религиозной нормы. В условиях всё большей секуляризации общества, место религиозных культов оказывается вакантным. Оно замещается традиционным пьянством, которое из сопутствующего празднику постепенно становится главным ритуалом в нём, вытесняя всё остальное на периферию. Особенно бурно этот процесс пошёл после 1917 года, когда празднование многих старых праздников было просто запрещено [229]. С. Кротков приводит следующие данные по числу продажи вина в Тобольской губернии: в 1902 году было продано вина и водки на

3 млн руб., в 1903 - на 7 млн руб., 1905 - на 9 млн руб., а в 1906 - на 10 млн руб. [230]. «Кабак управляет жизнью крестьянина», - с пафосом восклицает один из корреспондентов журнала «Сибирские вопросы» [231].

С началом XX века потребление спиртных напитков становится чрезмерным, приобретает уродливые формы [232]. Играло свою роль насаждение пьянства государством для пополнения бюджета. Немалую роль играло вторжение рынка и разрушение традиционного уклада жизни.

Самым распространенным проявлением деликвентного поведения (хулиганства) сельской молодежи были ночные хождения по улице с пением непристойных песен и сквернословием, ссоры и драки, оскорбления «словами и действием прохожих, вымогательство и отнятие денег на покупку вина, разбитие стекол, поломка изгородей, поджоги... Пьяным разгулом, доходящим порой до поножовщины, отмечал зачастую "молодыжник" съезжие праздники» [233]. Корреспонденты отмечают появление хулиганства именно на рубеже XIX–XX веков [234].

В Екатеринбургской епархии духовенство призывало более активно бороться с пьянством и хулиганством как убеждением, так и репрессивными методами [235]. Епископ Митрофаній лично решил возглавить эту борьбу. После состоявшейся в начале 1912 года пастырской поездке по епархии он смог сам увидеть проявления хулиганства. В докладе «О борьбе с упадком нравов», сделанном на пастырском собрании в Екатеринбурге, были отмечены все возрастающие жалобы местного духовенства на бесчинство и хулиганство, особенно среди молодежи [236]. После этого епископом была инициирована активизация борьбы с «буйством» и сопутствующим ему пьянством [237]. Практически в каждом номере Екатеринбургских епархиальных ведомостей появляются заметки на эти темы, публикуются письма пастырей и мирян.

«Мутная волна хулиганства, начавшаяся в заводах и городах, докатилась, наконец, и до самых захолустных сел и деревень, теперь нет такого прихода, такого сельского общества которые не испытали бы на себе гнёт хулиганов разгул, безшабашные частушки, поножовщина, битъё стёкол в домах, драки... Полиция одна бороться с хулиганством не в силах» [238]. А вот церковный староста П.Т. пишет наоборот о необходимости активизации именно полицейских сил, чтобы искоренять хулиганство «не только убеждением» [239].

Отмечено усиление пьянства в Бродокалмакском и Верхтеченском приходах: «пьют в будни, и в праздники. Пьют даже дети. В школе до 70% учеников пробовали водку, хотя следов хулиганства пока нет» [240].

Аналогичную позицию занял вновь назначенный архипастырь Тобольской епархии преосвященный Варнава. Он требовал активизировать работу по искоренению пьянства и хулиганства и вообще, надо сказать, был настроен довольно решительно и консервативно. Вот как с оттенком иронии пишет сын директора народных училищ Тобольской губернии Г.Я. Маляревского своему дяде, известному священнику и просветителю, Константину Яковлевичу Маляревскому (февраль 1914 г.): «Странны его речи, странны его проповеди, наконец, и самая наружность... говорит на проповеди, что в голову взбредет. Все его проповеди однообразны, во всех он громит "проклятый кинематограф" и "проклятый табак". Я не помню ни одной проповеди, где бы он не упомянул этих врагов рода христианского» [241]. Следствием приезда нового епископа стало усиление агитационной кампании на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей», появились рецепты «чаев от запоя», обмен мнениями и опытом священников. В Тобольской епархии был даже разработан и предложен священникам набор мер по борьбе с пьянством, в основном агитационного характера. Он включал в себя литургии и крестные ходы, проведение чтений и бесед, чтения в школах о вреде пьянства, разъяснение верующим о греховности поминать усопших водкой, наконец, личный пример пастырей [242].

Вот еще довольно яркие проявления хулиганства, появление которого зафиксировано именно на рубеже XIX-XX веков. В селе Емуртлинском Ялуторовского округа на Пасху 1896 года трое приятелей, изрядно выпив, решили поколотить своего старого врага Якова Храмцова и напали на него. Однако у Якова оказался нож, и в этой драке один из нападавших был им зарезан [243]. В г. Кургане пьяные хулиганы напали на одиннадцатилетнего мальчика, который нёс молоко. Женщина, пытавшаяся за него заступиться, едва спаслась от них бегством. Хулиганство в Кургане распространено в самом большом размере и в самой грубой форме, как утверждает автор заметки в городской газете [244]. Разгул хулиганства бросался в глаза даже на масленице, когда принято было проказничать и озорничать. После литургии в прощённый день, где бывало до крайности мало народа, начиналась дикая езда пьяных крестьян с пением, бранью,

гиканьем, даже четырнадцатилетние мальчишки озорничают, привязываются к катающимся детям. «У тебя дети больны, один уж и помер, а ты варишь пиво с приятелями», - завершает свою письменную проповедь священник А. Соколов [245]. Ничуть не лучше вели себя гости и на свадьбе. «Поезжане производят много шума и беспорядка. На полпути к церкви начинается выпивка, а по приезде в церковь некоторые уже и ногах не стоят. В церкви шумят, громко критикуют жениха и ругают невесту неприличными словами» [246].

На масленой недели 1894 г. в деревне Смолино у строящегося железнодорожного моста через Тобол была пьяная драка. Сельский староста, который попытался прекратить бесчинство, тоже попал «под горячую руку» и был убит до смерти. Вообще со времени начала стройки пьянки и драки в этой деревне стали повседневным явлением [247]. Но и в районах, удаленных от железной дороги, проявления хулиганства встречаются всё чаще. В Барневской волости Шадринского уезда, к примеру, из 67 арестованных за 1907 г. 37 – за буйство, т.е. за хулиганство [248].

Рассмотрим некоторые примеры из сохранившихся в архиве дел. 25 мая 1905 года «крестьянка деревни Межборной Евдокия Савина жалуется на крестьянского сына Василия Художиткова, который 3-го числа мая месяца пьяный при других свидетелях сел ей на колени, сорвал с нее шаль и платок, чем нанес Савиной оскорбление действием, просит наказать за проступок, а за порванные шаль и платок взыскать 5 рублей». Свидетели показания истицы подтвердили. Ответчик показал на суде, что ничего не помнит, но согласен отдать истице 5 рублей. Суд удовлетворил иск Савиной, приговорив Художиткова к аресту на трое суток [249].

Крестьянин села Дубровка Глядянской волости Артемий Менщиков оскорбил грязными словами прямо на деревенском сходе своего однодеревца Фотия Менщикова. Дело попало в волостной суд, который приговорил оскорбителя к трем суткам ареста, о чем надлежало объявить на сходе [250].

Крестьянин Глядянской волости Александр Федотов был оскорблен при свидетелях крестьянином Михаилом Филипповым, который назвал его «овешником». На суде обвиняемый согласился с тем, что именно так он и обозвал Федотова, но добавил: «А как же мне еще его называть, коли он колет чужих овец?» Филиппов был осужден на четыре дня ареста в каталажной камере [251].

27 апреля 1907 года крестьянина Семена Алексеева волостной суд приговорил к штрафу и взысканию материального ущерба (за «выбитие окон») к 10 рублям 50 копейкам и аресту на пять суток, т.к. «будучи пьяным, требовал водку, но не было денег, а без денег водку не дали» [252].

15 ноября 1907 года в волостном суде рассматривалось уголовное дело в нанесении бесчестья крестьянской девице с. Глядянского Ирине Менщиковой, у которой крестьянин Семен Липихин, будучи пьяным, сорвал с головы гребенку в присутствии посторонних. Дело было прекращено за примирением сторон [253]. Кстати, надо сказать, что волостные суды в таких случаях, как правило, стремились к примирению сторон и выплаты компенсации, лишь в достаточно серьезных случаях прибегали к наказаниям.

В селе Барневском 16 февраля 1906 года в 11 часов вечера к дому крестьянина Ефима Мальцева пришли братья Кутенины (или Кутешины, не читается), а с ними Григорий Бурундуков. Они пели песни, ругались и стучали в двери и ворота. Поскольку им все-таки не открыли, они стали ломать забор и стучать в ставни [254].

На Пасхальной неделе в той же Барневке братья Арсений и Прокоп Семеновы и Василий Попов из деревни Большая Погорелка ходили по улице села в пьяном виде, орали, играли на гармошке и пели неприличные песни. Несколько позже крестьяне (опять братья!) Петр и Николай Рыбины устроили пьяный дебош, пили, буйствовали весь вечер, а затем затеяли драку [255].

Как уже отмечалось выше, дел, связанных с пьянством, в волостных судах Южного Зауралья наблюдается довольно большое количество. Причем это количество существенно возрастает в начале XX века по сравнению со второй половиной XIX века.

Вот еще один пример, который ярко и наглядно показывает, что традиционные авторитеты и формы принуждения не срабатывают в новом, XX веке. 22 марта 1910 ялымскому сельскому старосте вечером сообщили, что в доме крестьянина Алексея Кунгурова собираются крестьяне, пьют и играют в карты на деньги и, в частности, собрались и в этот день три человека. Староста взял с собой сотских, десятских, надел знаки власти и отправился в дом означенного крестьянина. Бывший там Кунгуров грубо спросил у пришедшего: «А тебе какое дело?» После небольшой перепалки с угрозами староста и сотские почли за благо удалиться и напи-

сать в волостное правление доклад с просьбой «привлечь к суду их» [256]. В деревне Межборной 30 марта 1909 г. Павел Ефимов «ругался матерно в присутствии старосты и не слушал его» [257].

Особый размах пьянство приобрело на съезжих праздниках. Праздники заканчивались пьяными драками, битьем стекол и т.п. Эти праздники стали критиковать и духовенство, и либерально настроенные миряне. В селе Падеринском, как и в любом уважающем себя селении, также отмечался съезжий праздник. «Праздники эти обыкновенно проводятся в разгуле и пьянстве и завершаются драками и до убийства включительно», - сообщает корреспондент из этого села в мае 1914 года. «В среднем на каждый дом приходится в этом селе и его окрестностях по 10 руб., которые пропиваются за такой праздник, а всего в четырнадцати деревнях волости - более полутора тысяч в общем итоге. Только в мае месяце таких праздников в волости два - в деревне Галкиной (9 мая) и селе Падеринском и соседних деревнях (15 мая). Таким образом, в период активных полевых работ, около трёх дней будет потеряно на поголовное пьянство» [258].

Особенно отличался своими гневными филиппиками против пьянства и разгула священник села Чинеевокого Н. Тихомиров. В ряде поучений, опубликованных в начале 1913 года в «Тобольских епархиальных ведомостях», он приводит довольно мрачные факты последствий праздников и разгула. Толпа молодых парней среди улицы убила своего товарища, молодой парень среди бела дня застрелил девушку, почти ребенка. На крестопоклонной неделе несколько мужчин и женщин собрались на пирушку, не убоившись поста. В итоге один из пировавших убил другого [259]. На масленой неделе молодые люди из деревни И. надели подобие священнического облачения и ходили по деревне, заходили в дома и пели неприличные стихи, позорящие Спасителя и Его Мать. Никто не воспротивился этой выходке, а многие ей сочувствовали [260]. На масленицу 1914 г. некий обыватель М. пришел к брату просить прощения. Обряд перешел в потасовку, в которой хозяин позвал на помощь кучера и они вдвоем намяли бока незадачливому гостю. Причину подобного поведения священник видит в ослаблении влияния семьи. «За щенком, за котёнком присмотра более, чем за детьми». По его словам, родители ни словом, ни примером не внушили детям правил христианского поведения. «От озорства детей ваших, - продолжает он, - никому нет пощады, ни старому, на

малому, ни мужчине, ни женщине». Виноваты также и власти, которые видя не видят и не пресекают бесчинства [261].

Другой священник рассуждает в том же направлении. Он пишет, что в последние годы стала разрушаться вера в прежние авторитеты. В крестьянской семье стало привычным, что сильный бьёт и обижает слабого. Этот опыт переносится и за пределы семьи [262]. Его поддерживает ещё один священник - М. Немчин. Он полагает, что «главная опасность для крестьянских детей состоит в том, что их родители ни в пьянстве, ни в табакокурении не находят порока или зла, а глядят на них как на ненаказуемую шалость» [263]. В прогрессивной «Народной газете» даётся рассмотрение проблемы изнутри, с точки зрения самих крестьян, которые в последнее время «пьют с горя и с радости, пьют по малейшему поводу и без всякого повода, пьянство приняло хронический характер в том числе и в Сибири». По мнению самих крестьян, такое положение сложилось потому, что это у них «единственное времяпрепровождение... ведь большинство безграмотны» [264].

Отец Н. Булдыгин описывает историю, приключившуюся в его приходе (село Байдарское) 19 августа 1907 г. Она примечательна тем, что в ней были замешаны псаломщик и церковный староста. Эти двое отправились на охоту, откуда вернулись уже сильно пьяными. Еще с одним приятелем они отправились в дом псаломщика, где «подкрепились» пивом. Потом ходили, обнявшись, по улицам и церковной площади. Здесь они зашли в церковную читальню и выпили еще. В читальню заглянули две женщины, псаломщик накинулся на них и кричал: «Запри их!» Конечно, все участники бесчинства были наказаны [265]. Следует отметить, что в этом деле опять участвует псаломщик. Носители этой церковной должности «засветились» во многих пьяных и сексуальных скандалах конца XIX-начала XX века. Это низший церковнослужитель, не возведённый в степень священства, читающий во время богослужения тексты Священного писания и молитвы. Звание было утверждено 16 февраля 1885 г. определением. Кроме упомянутых обязанностей, на псаломщика дореволюционной России также возлагалось все письмоводство по церкви и приходу. Он вел метрические и обыскные книги для записи повенчаных браков, исповедные росписи, клировые ведомости с подробным обозначением всех данных относительно храма, средств содержания причта, количества земли, библиотеки, а также семейств всех членов причта и др. Таким образом,

это писарь при церкви. Круг обязанностей псаломщика определен Высочайше утвержденным 16 апреля 1869 г. журналом присутствия по делам православного духовенства.

Вот как пример дело об обольщении девицы Анны Чуриковой села Челноковского Ишимского уезда псаломщиком Алексеем Козяшевым (1903 год). Этот псаломщик поселился у вдовы Чуриковой «в нахлебниках». Здесь он быстро сошелся с её восемнадцатилетней дочерью, и как пишет она сама «поимел со мной полюбобвную любовь». От этого сожительства родилась дочь. Прошло более двух лет. Денег в семье вдовы не было, молодой отец также, по всей видимости, вел паразитический образ жизни. Молодой женщине пришлось «выслушивать насмешки разного рода на улице, в том числе и от самого псаломщика. Прошу запретить ему и заставить дать денег» [266].

К проблеме пьянства и хулиганства привлекал внимание и такой серьёзный политический журнал, как «Сибирские вопросы», который поместил на своих страницах ряд статей и заметок, затрагивающих эту проблему. В указанном журнале также пытались выявить причины странных общественных явлений, от которых «сибирская деревня стоном стонет». Отмечается, что сокрушение рёбер или расквашивание носов под пьяную руку бывало и раньше, «но всегда имело под собой какую-то подкладку – поссорились, погорячились. Теперь же развилось озорство ради озорства, носящее все черты типичного хулиганства. Вошло, можно оказать, в обычаи, что после каждого праздника часть деревенских обывателей недосчитывается либо стекол, либо зубов». Причина этого, по мнению журнала, кроется в том, что досуг крестьян, особенно молодых, ничем полезным не занят: «Водки, в самой деле, разводится всё больше, а жизнь всё голоднее, скучнее... Крестьяне смутно сознают, что чего им не хватает. И всё-таки в последнее время не в редкость услышать: "книжек бы нам, библиотеку бы завести"» [267].

Хулиганство приобрело в начале XX века такие размеры, что этой проблемой озадачилось даже Министерство внутренних дел. В циркулярной анкете, разосланной по губерниям в 1912 году, спрашивалось, в чем конкретно проявляется хулиганство и нет ли каких-либо региональных особенностей [268].

Итак, все указанные авторы как клерикального, так и либерального направления считают главными причинами сложившегося положения от-

сутствие новых и утрату старых культурных традиций и авторитетов, непросвещённость зауральской деревни, незнание крестьян, чем занять свой досуг. Отмечается также падение авторитета старых и проверенных временем институтов - семьи и общины. Исходя из этого и предлагались различные методы лечения социального недуга. Прежде всего, это расширение грамотности среди сельского населения, привлечение молодёжи к новым формам досуга, открытие библиотек, создание сети обществ народной трезвости. Например, в селе Мендерском по инициативе местной сельскохозяйственной маслодельческой артели было предложено закрыть винную лавку. Однако сельский сход не поддержал такое предложение. Тогда артельная лавка выделила 15 рублей на приобретение и распространение литературы о вреде пьянства [269]. В Кургане демонстрировался кинофильм «Пьянство и его последствия» [270].

В различных сёлах и деревнях создавались общества трезвости и проводились народные чтения о вреде алкоголя. Например, в селе Дубровском Могилевской волости Курганского уезда такое общество было создано уже в 1902 году. В день престольного праздника (св. Иоанна Златоуста, 27 января) после литургии местный священник о. Дм. Константинов предложил всем желающим взять обязательство не пить вина, записалось 67 человек обоего пола, в основном пившие умеренно. Никаких сборов, никаких материальных жертв не требовалось, только добрая воля и личный пример трезвости [271].

В селе Першино Курганского уезда в 1909 году было создано общество трезвости под председательством священника о. И. Парфёнова. В своей небольшой статье он делится опытом по созданию такого общества. Вначале он стал вести внебогослужебные беседы и говорить с амвона поучения против пьянства, затем он выработал устав общества и отослал его епископу Тобольскому Евсевию, а после его утверждения открыл 29 ноября 1909 года общество трезвости. Вначале в его составе было всего 12 человек, но уже в 1910 году число членов достигло 70. На добровольные взносы выписывалась литература (книги, газеты, журналы) не только антиалкогольного содержания, но и по сельскому хозяйству, истории, географии, медицине. К третьему году существования общество насчитывало уже 125 человек, в том числе 59 детей. Последнее обстоятельство особенно важно, принимая во внимание расширение детского пьянства. По словам о. Иоанна дети сами подняли этот вопрос и сообщили ему, что они

тоже пьют водку. Из 70 учеников только шесть признались, что они не пили вина, большинство же остальных пробовало, а именно пило водку на помочах, праздниках в страду, и их угощали старшие, а один мальчик признался, что он выпил сороковку (0,5 бутылки) и чуть не умер. Автор сообщает о некоторых успехах общества за три года существования: приобретено более трёхсот книг, увеличилась церковная библиотека, открыты две народные читальни (в селе Першино и деревне Лебяжьей), которые в последнее время стали посещаться прихожанами более охотно [272]. В качестве практического средства он предлагает чай от запоя, состоящий из доступных трав (полынь, зверобой, мята, чабрец и др.) и, по его словам, достаточно эффективный [273].

Особенно был известен своей антиалкогольной деятельностью уже упоминавшийся священник села Байдарского о. Николай Булдыгин, который был в числе делегатов от Сибири на I съезде по борьбе с пьянством в Петербурге в 1910 году. В своём приходе он нещадно боролся с этим пороком, распространённым и среди клира. Он сделал выговор церковному старосте и уволил псаломщика за нарушение обета трезвости [274]. Вообще, следует отметить, что в 1910-1914 гг. редкий номер «Епархиальный ведомостей» в Екатеринбургской, Оренбургской и Тобольской епархиях выходил без того, чтобы в нём не было уделено внимание проблеме пьянства и хулиганства. В целом, следует признать, что этот вопрос нуждается в специальном дополнительном исследовании. В данной работе лишь отражено новое явление в культурной жизни Зауралья, появившееся в начале XX века, отмечены его основные причины и указана реакция различных общественных сил на него.

Определенные трансформации претерпела семья и взгляды русских крестьян на брак. Конечно, говорить о кризисе традиционной крестьянской семьи в начале XX века еще рановато, но кризисные явления становились все более явными и постепенно нарастали. Более частыми стали разделы семей, которые после столыпинских реформ превратились в норму. Нередко молодых мужей подбивали к этому жены, которые не хотели подчиняться большухам. Да и сами молодые люди понимали, что им легче работать на себя и на свою относительно малую семью, чем кормить всех родственников, живших с ними под одной крышей. Дел о разделах и выделах можно обнаружить достаточно много, поэтому приводить их здесь не имеет большого смысла. Кроме того, это увело бы в сторону от основ-

ной исследуемой проблемы. Рассмотрим один типичный случай. После смерти отца братья Никифор, Степан и Ефим Колташевы обратились в Глядянский волостной суд с просьбой о разделе избы, бани и иного имущества, оставшегося после смерти отца. Волостной суд вынес абсолютно справедливое с точки зрения обычного права решение: отдать недвижимость, оставшуюся после смерти Алексея Колташева Ефиму (повидимому, младшему сыну), «поскольку отец отдал ему избу за прокором до смерти», а другие братья уже получили свою долю деньгами и помощью и живут отдельно [275].

В начале XX века жалобы носят другой характер. Вот, к примеру, крестьянская вдова из деревни Плотниково Варвара коровина не побоялась заявить в суд на своего отца. Она заявила, что по смерти мужа вернулась в семью отца с лошадью, коровой, овцами и прочим имуществом на сумму 114 руб. 95 коп. По всей видимости теперь она решила жить своим домом. Возможно, потому, что дети подросли или она решила выйти замуж второй раз, для нас это несущественно. Она требует, чтобы отец, крестьянин села Глядянского Николай Менщиков, вернул ей эти деньги. Отец же заявил, что он кормил дочь и детей её семь лет и это обошлось ему 1189 рублей. Он готов вычесть из этой суммы стоимость принесенного имущества и труда дочери, который он оценил в 168 руб. Пусть дочь заплатит ему разницу – 995 руб. 25 коп. Суд отказался рассматривать это дело по существу, сославшись на то, что требуемая сумма превышает те, которые находятся в его компетенции [276].

А вот другой случай в той же Глядянской волости. Крестьянин деревни Вонявиной Андрей Иванов жалуется на старшего брата своего Дмитрия, с коим он живет в одном доме по смерти их отца. Брат не радует о хозяйстве, а в прошлом 1909 году поехал в Курган для продажи на ярмарку и полученные деньги (795 руб.) прогулял, а остальные потерял в пьяном виде. Поскольку ему, Андрею, скоро идти в армию, а брат притесняет и разоряет его, то он просит разделить имущество на сельской сходке, «потому сельский сход видит, кто между нами прав, и кто виноват и по местным нашим обычаям постановить приговор, а мне и жене моей от брата большое притеснение». Волостное правление постановило разъяснить Андрею Иванову, что сельский сход не правомочен решать такие вопросы [277].

Наконец в описываемый период начинает разрушаться представление о христианском понимании брака. Выше уже приводились случаи ухода из семьи жены или мужа. То, что это было отнюдь не единичным случаем, свидетельствует приведенная там же сказка. Но в начале XX века в городах распространяется так называемый «гражданский брак», а по сути своей конкубинат. В деревне эта форма сожителства получила название «сводный брак». Как некое исключение такое сожителство существовало и до XX века. Уже цитировался документ из духовной консистории, что некий крестьянин вступил в новый брак при живой жене. Отмечены случаи, когда свободные (вдовы или не вступившие в брак) крестьяне и крестьянки сожительствовали без формального благословения церкви. Отмечены и случаи, когда один из супругов уходил из семьи и тогда второй находил себе подходящего партнера (см. выше, раздел первый). Но в начале XX века сводные браки становятся не только более частыми, но и не вызывают такого осуждения со стороны односельчан. Он отличается в принципе от брака «убегом» тем, что он полностью свободен от всяких обрядов, церковных и народно-традиционных. К таким бракам многие относились совершенно спокойно, а в некоторых сёлах Зауралья в первые годы XX века таких браков было до половины. Церковь активно противодействовала такому виду брака, делая акцент на безнравственность и богопротивность его, а также на то, что невеста, а позже соответственно жена, в таком браке совершенно бесправна, её могут выгнать на улицу в любой момент [278]. «Нигде нет такого нарушения супружества, как среди горнозаводских и вообще казенного населения Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний. Жены бросают мужей, а мужья жен, живут с посторонними гулеванами и гулеванками, наживают детей. Более всего бережется женская честь среди Оренбургских казаков» [279].

Уже упоминавшийся священник Н. Булдыгин из села Байдарского с тревогой и озабоченностью пишет, что у селян распространилось весьма «легкий взгляд на такой брак». Он рассказывает о нескольких случаях, бывших в его приходе и в окрестных деревнях. «Сводный брак – мужицкий, деревенский – не отражение ли это интеллигентного "гражданского брака"? Скверное отражение!» [280]. В другой заметке в «Тобольских епархиальных ведомостях» он описывает интересный случай. У мужика из деревни Мараевой сбежала жена. Тут как раз подвернулся съезжий праздник. Мужик стал подыскивать себе новую невесту и нашел её у од-

ной вдовы, у которой засиделась в девках дочь. Он подпоил обеих и добился согласия на брак. «Через неделю к её воротам лихо он подкатывает с дружками и четвертью водки, одним словом, по-свадебному. Осталось выпить помолиться и взять невесту. У русского народа всё делается с Богом и с водкой». Священник узнал об этом и быстро отправился в этот дом: «Жених на двор – я в дом. Стал увещевать мать. "Я не виновата, по обоюдному согласию все делается, ничего тут особенного нет, только разве венцы не одеваются. Ведь не в двоеданы отдаю, в церковь ездить будет". Я говорю, что это беззаконие, блуд, а если законная жена придет и выгонит твою дочь?» Вошла невеста, священник к ней с уговором не делать глупостей, не ступать на стезю греха. «Меня сговорили, а сговаривали меня вон сколько», показывая на мать, сестру, гостей, тут были и родители «жениха». «Я, не теряя времени, потребовал от "невесты" перед иконами обещания, что она сохранит свою чистоту, пошел с ней в волостную управу, составил расписку, что замуж отдают насильно, что поживет недельку в хорошей семье». Священник вернулся с урядником на «свадьбу». Гости согласились, что свадьба не законная и вроде собрались расходиться. «Мое дело сделано, - продолжает Н. Булдыгин, - я ушел. Через полчаса из ворот вдовина дома выехал "свадебный кортеж" и на коленях у "жениха" красовалась пьяная "девка-невеста". Я опешил» [281].

Другой священник, П. Закомельский также отмечает распространение в Тобольской губернии сводных браков, а также внебрачных рождений. Он полагает, что родители требуют за невесту большой выкуп и не торопятся выдавать девку, хотя ей уже давно за двадцать. Девица рождает детей. По мнению родителей, это ничего, Бог простит, зато будут даровые работники, особенно мальчики [282].

Рассмотрение форм брака выходит за рамки данной работы и поэтому полагаем возможным ограничиться только этими краткими замечаниями.

Во второй половине XIX века проявлении девиантности были, хотя в некоторых случаях они только кажутся нам таковыми, как было показано выше. Однако существование определённых норм осознавалось каждым и учитывалось при совершении тех или иных поступков. Крестьянская община достаточно глубоко подчиняла себе личность, но вместе с тем оставляла возможность для личной инициативы. Община или семья могла контролировать поведение своих членов, а в особых случаях это мог сделать волостной суд – по сути представители той же общины. В

начале XX века, когда стали разрушаться привычные институты (община, большая семья), стали происходить и изменения в культуре праздников. Общество искало новые формы проведения праздников и досуга вообще и не всегда находило позитивные пути. Закрытый мир сельского праздника сталкивался с открытым миром городских гуляний и во многом не мог дать ему адекватный ответ, постепенно сдавая свои позиции. В 1917 году разрушение системы традиционных русских праздников резко ускорилось и, по сути дела, стало необратимым. Проявление девиантного поведения (ненормированное традицией пьянство, хулиганство, внебрачные связи, матерная брань) становится все более частыми. Гораздо важнее то, что община не может справиться с ними. Сельский староста как глава самоуправляющейся общины или священник уже не могут справиться с этими явлениями только своей властью, а порой подвергаются насмешкам или даже нападениям со стороны нарушителей. Эти проявления характерны не только для Западной Сибири, но и для центральных районов Сибири, как, в частности, показал в ряде своих работ В.Б. Безгин [283].

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

2.1 Влияние ссыльнопоселенцев и переселенческого движения на традиционные нормы южнозауральской общины

Одной из существенных особенностей южнозауральской крестьянской общины рассматриваемого периода являлся миграционно-колониационный характер ее формирования и развития. Аграрное перенаселение и «земельный голод» центральных районов России, относительное пашенное богатство восточных окраин страны (Сибири и Дальнего Востока), имперская колониальная политика и т.д. обусловили рост иммиграционного движения и в Южное Зауралье. В публицистической, экономической и исторической литературе конца XIX века возникает целое направление, отстаивающее интересы Сибири, названное «областничеством». Питаясь чувствами нарождающегося сибирского патриотизма, «областники» творчески восприняли современные им федералистские и колониалистские теории, заложив основы регионализма как влиятельного особого научного направления [1].

Главные идеологи «областничества» Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин предложили выйти за рамки административного подхода к Сибири и положили начало плодотворной работе по комплексному изучению проблем отношений центра и окраин [2].

Большое внимание областники уделяли изучению общины в Сибири. Полагая общинные начала исконными и органически присущими русскому народу, Ядринцев Н.М. увидел даже особый вид русской общины в Сибири - тюремную и ссыльную. Эта идея, как известно, запечатлена Ядринцевым в обширном сочинении «Русская община в тюрьме и ссылке» [3]. В своей работе Ядринцев рассматривает историю ссылки в Сибирь, доказывает, что ссылка и ее карательная система не уменьшали количества преступлений, а, напротив, увеличивали их, будучи орудием возмездия и источником страданий.

История ссылки в Сибирь показывает ничтожность штрафной колонизации. Уголовная ссылка поставляла нетрудовые контингенты, не обеспечивала материально их существования, в итоге обрекая на бегство или смерть, а также новые преступления. Ссылка, по словам Ядринцева, превратилась в язву сибирского общества, будучи источником преступлений, причиной падения нравственности и очагом болезней в Сибири [4]. История сибирских ссылок и современное состояние дали Ядринцеву неоспоримые аргументы в его борьбе за их отмену - важного пункта программы областничества.

В значительной мере переселенческая политика, особенно штрафная колонизация, а также сами переселенцы воспринимались негативно даже со стороны местных властей. Так, губернатор Тобольской губернии с 1892 по 1895 гг. Н.М. Богданович в 1893 г. отмечал: «Переселение есть в значительной мере результат прирожденной склонности русского крестьянина в лице преимущественно худших представителей, к бесцельному бродяжничеству» [5]. Такое замечание Богдановича обусловлено тем, что в Тобольской губернии, да и по всей Сибири, ссыльнопоселенцы в качестве переселенцев-земледельцев, осваивающих земельные просторы Западной Сибири, к концу XIX века играли малозначительную роль. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, к концу XIX века в южнозауральской общине можно наблюдать сокращение земельных наделов из-за массового наплыва переселенцев. Мы согласны с Е.И. Соловьевой, утверждающей, что в Сибири «во многих волостях, а тем более в селах благодаря наплыву ссыльных размер крестьянского землепользования сократился» [6]. Поэтому крестьянин-старожил видел в каждом «поселенце и бродяге затаенного врага, против которого всегда дозволено общественным мнением употребить силу» [7]. Во-вторых, даже получив земельный надел, крайняя бедность не давала возможности ссыльнопоселенцу освоить отведенную старожильческими обществами землю, обзавестись скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Интересна статистика хозяйственного положения ссыльнопоселенцев Ялуторовского округа Тобольской губернии по переписи 1894 г. «21,1% ссыльных не имели жилищ, 36,9% - никакого скота, 50,2% - рабочих лошадей, 43% не имели посева, а 26% нищенствовали. Нищие составляли 10,7% от общего числа ссыльных» [8]. В-третьих, хозяйственная активность ссыльных ограничивалась их юридической недееспособностью, моральным надломом, вызванным

судом и ссылкой, повышенной заболеваемостью и смертностью. Все вышеприведенные факторы обуславливали бегство и бродяжничество ссыльного контингента из мест приписки и связанные с ними правонарушения и преступления. В Ялуторовском округе Тобольской губернии в 1894 г. на местах причисления проживало 43% ссыльных, а остальные отсутствовали. На обследованных территориях Тюменского округа оказалось на месте 32,2% ссыльных, Тобольского округа – 50%, Ишимского – 50%, Курганского – 47%, Каинского – 22,9% [9]. Устойчиво высокий процент беглых – отличительная особенность сибирской ссылки. «Сибирь для ссыльного - ненавистная мачеха, - писал С. Чудновский, - и никакими силами его в ней не удержишь» [10].

С 1990-х годов в отечественной историографии обострилась дискуссия по поводу применения таких терминов, как «присоединение», «завоевание», «вхождение», «освоение», «колонизация», в отношении Сибири. Примечательна по данному вопросу статья А.С. Зуева «Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии» [11].

Автор статьи отмечает: «Вряд ли правомерно употреблять понятия “колонизация” и “освоение” как синонимы, что до сих пор сплошь и рядом делается в литературе» [12]. Более того, А.С. Зуев склоняется к «концепции завоевания» Сибири Россией.

На наш взгляд, более взвешенный подход к колонизации Сибири, и в частности Южного Зауралья, разработан историками Т.С. Мамсик, В.В. Пундани и В.В. Менщиковым [13].

Несомненно, в освоении Южного Зауралья и формировании крестьянской общины ссылка сыграла довольно значительную роль. Примечательно, что в древнейшем обычном русском праве праобразом ссылки является изгнание («выбити вон из земли») [14]. Однако в большей мере мы склонны разделять точку зрения А.Д. Колесникова, который считает, что «необходимо самым решительным образом отвергнуть утверждение, что будто бы все русское население Сибири происходит из ссыльных. Ссылка сыграла определенную роль в формировании сибирского населения, но ссыльные по отношению к добровольным переселенцам и их потомкам, сформировавшим старожильческое население края, во все периоды составляли лишь незначительную часть населения» [15].

На разных этапах своего развития ссылка в Сибирь имела различную динамику, при этом на протяжении XIX века наблюдался ее неуклонный

рост. Динамика поступления ссыльных в Сибирь характеризуется следующими цифрами: 1807-1811 годы число сосланных составило 10175 человек, 1852-1861 гг. - 70570 человек, 1862-1871 гг. - 123543 человек, 1872-1881 гг. – 173039 человек [16]. При этом можно наблюдать: в различные регионы Сибири отправляли неравномерные потоки ссыльных, большинство которых направлялось в наиболее отдаленные районы. Так, например, в 1852-1861 гг. из 70570 человек в Тобольскую губернию было направлено 21295 душ мужского пола и 11093 членов их семей [17].

Еще в конце 60-х годов XIX века, когда еще остро не ощущалась нехватка земельных наделов и угодий, «многие ссыльнопоселенцы в Курганском округе получали земельные наделы, и после истечения срока наказания переводились в крестьяне. Вскоре поколение ссыльных почти ничем не отличалось от зауральских крестьян. Дети ссыльнопоселенцев после определенного срока льгот либо зачислялись в оклад и наделялись земельными угодьями, либо без надела жили работой по найму. Ссыльнопоселенцы обзаводились семьями, причем они могли брать в жены только ссыльных женщин» [18].

Например, ссыльный Иван Степанов Редвинский женился на ссыльной же Феодоре Семеновой, у них родились две дочери и сын Самсон. Кроме того, к переселенцам могли прийти из Европейской России члены их семей. Так, к Ивану Иванову Борису пришли из России жена Софья Ивановна и дочь Пелагея [19]. Однако малочисленность ссыльных «невест» заставляла поселенца, обратившегося к хлебопашеству, искать себе жену из местных крестьянок. Часто власти не препятствовали бракам ссыльных с сибирскими крестьянскими дочерьми и вдовами. Ссыльный поселенец, желавший жениться на крестьянке, должен был получить разрешение на брак от сельского общества. В журнале правления Тюменской городской крестьянской волости за 1861 г. имеется копия справки, выданной причту Пророко-Ильинской: «Поселенец Иван Паминаков...взошел с прозбою о том, что он возымел намерение вступить в законное супружество со крестьянской дочерью девицею Татьяной Константиновой Петровой ... а как означенный Степан Паминаков...значится холостой...потому к свенчанию его...препятствующих причин не предвидится» [20]. Н.А. Миненко утверждает, что браки ссыльнопоселенцев на местных крестьянках вели к нарушению сословной замкнутости сибирских сельских браков. Кроме того, за счет браков поселенцев с крестьянками в Западной

Сибири росло число семей с зятьями-«приймаками», поскольку нередко «ссылочный» молодожен приходил жить в дом жены [21].

Каковы же статистические данные о количественном и процентном соотношении ссыльнопоселенцев в Южном Зауралье во второй половине XIX века?

В 1868 г. в Курганском округе Тобольской губернии число жителей достигло 189775 человек. Ссылных поселенцев в Курганском округе насчитывали 7145 человек: из них было 4315 мужчин и 2931 женщина [22]. В.А. Никитин отмечает, что за 1862-1868 гг. группа ссыльнопоселенцев увеличилась на 3411 человек, или на 91,2%. В Шадринском уезде ссыльные в особую группу не выделялись [23]. Таким образом, в процентном соотношении в 1868 г. ссыльные составляли по отношению к остальному населению около 4%. Но в данном случае необходимо учитывать неравномерное распределение ссыльных: в городах их фактически не было. Кроме того, ссыльнопоселенцы распределялись по волостям неравномерно, как и в самой отдельно взятой волости. Например, в волостном центре в с. Усть-Суерском записаны 48 душ мужского пола ссыльных, а в деревне Мясниковой – 4. Всего в Усть-Суерской волости было 13 селений, в среднем на одно селение приходилось около 290 человек [24]. Процедура распределения ссыльных являлась чисто механической. Тюменский приказ, распределявший ссыльных непосредственно по уездам, руководствовался малодостоверными сведениями о численности населения и количестве свободной земли, доступной для земледелия.

К концу XIX века система русской ссылки представлялась в следующем виде:

1 Каторга бессрочная или срочная с лишением всех прав состояния назначалась по суду за тяжкие преступления. Начиная с 80-х годов XIX века значительная часть каторжных перевозилась на остров Сахалин. Незначительная часть каторжных размещалась в Иркутских и Тобольских тюрьмах.

2 Ссылка на поселение в Сибирь имела характер пожизненного, назначаемого по суду наказания и делилась на две степени: ссылка в отдаленнейшие и менее отдаленные места Сибири. По поступлении приговоренных в ссылку преступников в распоряжение Тюменского приказа, из их числа выделяются «дряхлые» (старше 60 лет, увечные, хронические больные), размещаемые по волостям «на вольное пропитание», а все

остальные распределяются по селам старожилов на окончательное водворение. «В 1889 г. МВД России, руководствуясь правилами о поселенческих колониях, направило циркуляр Тобольскому губернатору об отводе 60 000 десятин удобных казенных земель для ссыльнопоселенцев. Попытка устройства отдельных ссыльнопоселенческих колоний потерпела неудачу. Все вновь учрежденные поселки немедленно опустели. Так, например, в 8-ми Карташевских участках из числа 1 378 водворенных ссыльных 1 234 человека, т.е. 89,4% сейчас же разбежались, и на месте остались только 144 человека, которые живут бедно и занимаются более воровством, чем сельским хозяйством» [25].

3 Ссылка на водворение в Сибирь составляет налагаемое по суду наказание для бродяг.

4 Ссылка на житье. Она назначалась для лиц привилегированных и заключалась в лишении всех особенных прав и преимуществ [26].

В 90-е гг. XIX века количество ссыльных в Курганском округе начинает постепенно уменьшаться. На наш взгляд, данный процесс связан со строительством Сибирской железной дороги и увеличением числа переселенцев из центральных губерний России, вследствие чего ссыльных отправляли на поселение в более отдаленные районы Сибири. Местная администрация стремилась к ограничению наплыва ссыльных. По мере сокращения районов расселения ссыльных в Западной Сибири, возросла роль Восточной Сибири. В Тобольскую и Томскую губернии направлялась основная масса административных ссыльных и сосланных на житье. В Восточную Сибирь отбирались ссылаемые по суду каторжные, ссыльнопоселенцы и бродяги. В 80-е гг. XIX в. постепенно сокращаются районы расселения ссыльных и на казенных землях Сибири. По существовавшему законодательству число ссыльных, приселяемых к старожильческим селениям, не должно было превышать 1/5 населения.

Так, в 1895 г. население Курганского округа Тобольской губернии достигло 2 470 003 человек. Из них ссыльнопереселенцы составляли 3 887 мужчин и 2 354 женщины, т.е. всего 6 241 человек. В процентном соотношении ссыльные составляли всего 2,5% населения Курганского округа. Размещение ссыльнопоселенцев по волостям было по-прежнему неравномерным. Наибольшее их число было в Кривинской и Могилевской волостях, 1 194 и 652 человека соответственно; в Глядянской, Митинской,

Шмаковской, Меншиковской волостях они полностью отсутствовали. В среднем на каждую волость ссыльных приходилось 173 человека [27].

Примечательно, что в 1897 г. в Тобольской губернии были ссыльные лишь 4-й категории, т.е. лица привилегированных сословий, а также административно-сосланные сельскими обществами и правительством, которых насчитывалось соответственно 2988 и 106093 человек, что в процентном отношении составляло 7,4% всех жителей губернии [28]. Но уже в 1889 г. Тобольский губернатор характеризовал существовавший порядок расселения ссыльных в губернии следующим образом: «...ссыльные поселялись во вверенной мне губернии, в последние годы с большой натяжкой, без соображения с тем, удобная или неудобная для хлебопашества или извлечения вообще каких-либо выгод есть у того или другого крестьянского общества свободная земля, - и притом поселялись в такие местности, как, например, Тобольский округ, куда давно уже признано невозможным поселение ссыльных за недостатком плодородной земли» [29]. Поэтому ссыльные не только не направлялись в Курганский округ и Шадринский уезд к концу XIX в., но и, наоборот, крестьяне «неблаговидного» поведения высылались из них.

Так, 7 мая 1893 года Глядянский волостной суд по предписанию Курганского окружного полицейского управления рассматривал заявление Марфы Ивановой Свиной, которая по приговору Худяковского сельского схода должна была отправиться в Сибирь на поселение со своим мужем крестьянином Яковом Федоровым Свиным. «Марфа Свиная не желает следовать за мужем, потому что он с нею постоянно жестоко обращается. Желая его образумить, чтобы он не пьянствовал и не воровал, она советовала ему все это бросить. Но он на ее советы не только не бросил своего гнусного ремесла – воровать, а, напротив, начинал бить ее. Поэтому она не желает следовать за ним, т.к. боится, что он от заслуженного наказания нисколько не исправится и будет жить по-прежнему. Кроме того, в месте своего жительства у нее остаются их сыновья: Павел 21 года и Андрей 18 лет. И она желает остаться с ними. О том, что муж ее Яков Свиной с ней жестоко обращался, знает общество крестьян деревни Худяковой» (далее идет перечисление фамилий 12 человек – С.Ф.). Свидетели показали, что они никогда не замечали и не слыхали, что ссылаемый Яков Свиной жестоко обращался со своей женой. 1893 года мая 7 дня «Волостной суд в составе 3-х волостных судей предложил Марфе Ивановой Сви-

ниной добровольно следовать за мужем ея Яковым Федоровым Свиным, на что она не согласилась, принимая во внимание показания вышепроставленных крестьян деревни Худяковой о том, что они не замечали, что Яков Свинин жестоко обращался со своей женой Марфой Ивановой, а также то, что сыновья их Павел и Андрей в настоящее время уже в таком возрасте, что могут жить самостоятельно, без помощи родителей, между тем в новом месте жена его будет ближе ему как уже человеку одинокому, постановил: Заявление жены ссыльного Якова Федорова Свирина, Марфы Ивановой Свириной 43 лет о нежелании следовать за мужем своим в ссылку как незаслуживающим уважения, оставить без удовлетворения и обязать ее следовать за мужем на поселение; о чем и объявить с правом обжалования в 30 дневный срок со дня объявления. Решение слышала Марфа Иванова Свирина, а за нее расписался Художитков» [30]. Вышеприведенный пример, на наш взгляд, примечателен также еще тем, что в нем можно наблюдать переплетение общеправовых традиций и официально-нормативного законодательства. С одной стороны, крестьянский мир в лице волостного суда осуждал за противоправные поступки не только мужа, но и жену, которая в них даже и не участвовала. Кроме того, в этом решении заметно также стремление общины сохранить один из ее основных традиционных устоев – семью. С другой стороны, волостной суд руководствовался 255 статьей «Устава о ссыльных», обязывавшей жен лиц переселенных административным порядком по приговорам обществ следовать за мужьями независимо от их желания.

В начале XX века ситуация со ссыльнопоселенцами в Южном Зауралье изменяется в связи с русско-японской войной. Из циркуляра Тобольского губернатора Курганскому уездному исправнику о причислении и исключении крестьян от 27 февраля 1909 г.: «В период времени 1905-1909 гг. в Тобольскую губернию выдворены ссыльнопоселенцы 2-х категорий: 1) Одни – ссыльные по судебным приговорам и 2) другие – вынужденные оставить о. Сахалин по случаю занятия его японцами. Сосланных по суду ссыльнопоселенцев в Тобольской губернии считается водворенными 365 человек, что же касается сахалинцев ссыльных, которых по документам Тюремного Отделения считалось 686 человек, то определить точную цифру, проживающих ныне в губернии не представляется возможным, т.к. едва ли не половина их, заявив о своем прибытии в Сибирь, сразу же разбрелась по Европейской и Азиатской России.

На основании 384 ст. Устава о ссыльных: ссыльнопоселенцы по водворении первые три года освобождаются от всяких податей, затем облагаются сбором по 15 копеек с души в год. Далее по смыслу этой статьи ссыльнопоселенцы по истечении десятилетнего срока, перечисленные в крестьяне из ссыльных, облагаются лишь денежными и хлебными сборами и натуральными повинностями наравне с крестьянами, а поселенцы почему-либо не причисленные в крестьяне после десятилетнего срока, кроме того, облагаются 15 копеечным сбором в экономический капитал. На основании Именного Высочайшего указа 18 марта 1906 года "Сахалинцам по случаю русско-японской войны", применительно к манифесту 11 августа 1904 года, срок на перечисление из категории ссыльнопоселенцев в разряд крестьян из ссыльных определяется не в 10 лет, а в 4 года, на основании же примечания к приведенной выше 384 ст. Устава о ссыльных 15 копеечный сбор взимается с одних только наличных ссыльных. Давая об этом знать, предлагаю Вашему Высокоблагородию собрать по волостям вверенного Вам участка точные сведения о наличных ссыльнопоселенцах, подлежащих объявлению сбором в экономический капитал и списки с пояснением времени водворения предоставить в возможно непродолжительном времени» [31]. В данном случае на основе архивных данных мы располагаем сведениями только по Глядянской волости: «Список поселенцев острова Сахалин, водворенных в пределы Глядянской волости согласно предписанию уездного исправника от 23 ноября 1905 г.: 1) Козьма Шевченко, Илья Новичков в Ялымском обществе, затем перечислены в крестьяне по распоряжению тюремного отделения. В настоящее время (февраль 1909 г. – Ф.С.) Новичков находится в Курганской тюрьме по обвинению в краже имущества у крестьянина Васильева. 2) Демин Григорий в Вонявинском обществе. 3) Калугин Дмитрий в Дубровском обществе. 4) Непомнящий Филарет, Дмитриев Андрей в Островском обществе» [32].

Примечательно, что все вышеперечисленные ссыльнопоселенцы к 1913 г. уже не проживали не только в Глядянской волости, но и в Курганском уезде [33]. На наш взгляд, данный факт доказывает, что ссыльные в основной своей массе не могли обустроиться в Южном Зауралье не только во второй половине XIX в., но и в начале XX века в силу ряда социально-экономических причин. Многие ссыльные некрестьянских сословий не имели навыка к земледельческому труду и хозяйственного опыта. По дан-

ным Главного тюремного управления, расход семейного ссыльнопоселенца на первоначальное домообзаводство и приобретение сельскохозяйственного инвентаря составлял более 430 руб. В Сибирь же прибывало 25% ссыльных без всяких средств, а остальные имели суммы, совершенно недостаточные для устройства хозяйства. Многие ссыльные брали землю в сельском обществе только для того, чтобы сдать в аренду и получить хоть какую-то денежную сумму. За многими земля числилась, но не обрабатывалась. Почти половина из числа наличных ссыльных нанималась в работники, жила поденщиной или не имела определенных занятий [34]. Бесправные, беззащитные батраки из ссыльных подвергались жестокой эксплуатации. Кулаки-предприниматели считали обычной нормой эксплуатации «держать их в кабале, платить им за работу меньше рыночной стоимости труда... обсчитывать при расчетах в надежде на беззащитность и беспомощность эксплуатируемых. Были случаи расплаты с батраками-поселенцами “свинцом”» [35].

В результате тяжелого положения и эксплуатации ссыльных в Сибири следовала ответная реакция со стороны ссыльнопоселенцев. По мнению Главного тюремного управления, значительная часть ссыльных представляла собой «армию бродяг, которая зимою переполняет сибирские тюрьмы, а летом выпрашивает милостыню у населения, ворует скот и все, что плохо лежит, сжигает на сотни верст девственную тайгу, не останавливается и перед убийством, зато и сама подвергается, при условии безнаказанности, жестокому самосуду коренного населения» [36]. В связи с этим становится понятным высокий уровень преступности среди ссыльных: если среди всего населения Сибири ссыльные составляли к 1897 г. около 5%, то среди заключенных сибирских тюрем – 70% [37].

Обратимся теперь к вопросу: какую роль сыграли ссыльнопоселенцы в росте преступности зауральской общины. Для этого мы проанализировали дела волостных судов Глядянского, Кислянского и Чинеевского волостных правлений с 1870 по 1913 гг. В данном случае мы признаем, что статистическая выборка является далеко не полной. Однако только по этим волостям мы располагаем архивными данными волостных судов, с помощью которых мы можем в определенной мере ответить на поставленный вопрос. Кроме того, нами были проанализированы настольные реестры гражданского и уголовного судопроизводства первого мирового судебного участка г. Кургана за 1898 и 1899 годы, находящиеся в наличии в

архивных фондах ГАКО. Как в решениях волостных судов, так и в I мировом судебном участке г. Кургана в каждом судебном деле указывался социальный состав тяжущихся. Поэтому, подсчитав общее количество судебных дел и дел с участием ссыльнопоселенцев, мы определили процентное количество дел за каждый год, в которых принимали участие ссыльнопоселенцы.

На основании анализа статистического материала можно сделать следующие выводы: наибольшее количество дел с участием ссыльнопоселенцев в Глядянской волости приходится на 1882, 1883, 1885 и 1905 годы, наименьшее – на 1908, 1902, 1881 и 1872 годы; в Чинеевской волости наибольшее количество дел с участием ссыльнопоселенцев приходится на 1913, 1905 и 1897 годы, наименьшее – на 1910, 1907 и 1899 годы; в Кислянской волости наибольшее количество дел с участием ссыльнопоселенцев приходится на 1912, 1913 и 1907 годы, наименьшее – на 1908, 1904 и 1910 годы. Наибольший процент дел с ссыльнопоселенцами зарегистрирован в 1882 году в Глядянской волости: 23%, наименьший - к 1909 году в Чинеевской волости: 1%. К сожалению, из архивных данных нам не удалось выяснить точное количество ссыльнопоселенцев и определить их процентное соотношение к общей численности населения в данных волостях в рассматриваемый период. Однако, судя по вышеприведенным статистическим данным, можно сделать вывод, что число ссыльнопоселенцев в волостях Курганского уезда в конце XIX–начале XX в. было незначительным.

Рассмотрим теперь, какие виды правонарушений и преступлений совершали ссыльнопоселенцы изученных волостей за 1871–1913 годы. Наибольшее количество исков, рассмотренных волостными судами, составили долговые иски. Число таких исков составило 22% от всех дел с участием ссыльнопоселенцев. Долговые иски мы подразделили на несколько видов: долг по работе, долг по сделке и долг по «лавке». Если за 70-90-е годы XIX в. преобладали долговые иски за проделанную работу, то в начале XX в. возрастает количество долговых исков по сделке и «лавке». На наш взгляд, это объясняется тем, что в последней четверти XIX в. ссыльнопоселенцы из-за тяжелого материального положения часто вынуждены были идти в наемные работники к богатым старожилам, в результате чего между ними возникали споры из-за проделанной работы. В таких спорах ссыльнопоселенцы выступали либо в качестве истцов, либо

в качестве ответчиков. Так, 17 ноября 1885 г. в Глядянском волостном суде крестьянин-ссылнопоселенец деревни Худяковой Никита Антонов Головин «жалуется на крестьянина села Глядянского Харлампия Яковлева Боброва, что он не платит за пастьбу летом сего года его овец 5 руб. 85 коп., высчитывая эти деньги за то, что при разборке осенью сего года овец, оказалось потерянными будто-то бы им пять овец. Между тем, овец этих Бобров ранее пас сам и ему табун сдал без счета... Пять овец Бобров потерял сам, а не он, поэтому и просит взыскать с Боброва причитающиеся ему за пастьбу деньги: 5 руб. 85 коп. Ответчик Бобров показал, что деньги платить не согласен, т.к. он утерял из его табуна пять овец... Принимая во внимание то, что Бобров, отдавая пасту Головину овец не пересчитал таковых и поэтому не знает сколько таковых было, поэтому не может доказать, действительно овец потерял он (Головин); вследствие этого Бобров обязан уплатить деньги: 5 руб. 85 коп.» [38].

Второе место по количеству судебных исков в Курганском уезде в рассматриваемый период занимали земельные споры двух основных видов: отобрание надела и долг по аренде. Их общее количество составило 19%. Примечательно, что если во второй четверти XIX в. преобладали исковые заявления об отобрании надела, то в начале XX века превалируют иски о взыскании долга по аренде. На наш взгляд, это объясняется тем, что во второй половине XIX в. ссылнопоселенцы в результате крайней бедности и нехватки средств не могли обработать выделенный обществом надел и часто забрасывали его, изыскивая другие средства существования. В начале XX в. ситуация изменяется: земельный надел в Южном Зауралье в результате роста переселенческого движения становится очень часто объектом аренды и скрытой купли-продажи. Ссылнопоселенцы также активно втягиваются в капитализирующиеся земельные отношения. Это доказывают изученные дела волостных судов, в которых ссылнопоселенцы фигурируют в качестве ответчиков и истцов, а также не только в качестве арендодателей, но и арендодпользователей.

Третье место в правонарушениях и преступлениях ссылнопоселенцев занимают незаконные вырубки леса в казенных, общинных и наделных лесных участках. Этот вид преступлений составил 15,6% от общего количества дел ссылнопоселенцев в волостных судах. Массовые порубки в лесных дачах в конце XIX–начале XX в. превратились в заурядное явление как из-за ослабления надзора в процессе пореформенной ломки си-

стемы землепользования, так и в силу превращения леса в важнейший источник дохода. Дела о незаконных вырубках леса рассматривались как мировыми, так и волостными судами. 2 июля 1897 года объездчик 2 курганского степного лесничества Аристов во время осмотра обнаружил самовольную порубку сырораствующего березового леса. Виновник порубки объяснил, что срубил по ошибке в счет своего лесу. Был составлен акт, подписанный арендатором участка и несколькими понятыми: Осиевым, Кошелевым и сельским старостой Сурковым.

Мировой судья признал подозреваемого виновным и приговорил «оштрафовать его на устройство мест заключения по приговорам мировых судей на 1 рубль и сверх того взыскать с него тройную стоимость в пользу казны за срубленный лес – 1 рубль 59 копеек и стоимость прогоннов в пользу свидетелей 7 рублей 99 копеек» [39].

17 ноября 1887 г. Глядянский волостной суд рассматривал иск крестьянина деревни Разломайки Давида Семенова Константинова к однодеревцу крестьянину-ссылнопоселенцу Лаврентию Семенову Аликбасову. Константинов жаловался суду, что Аликбасов тайно вырубил из его лесного пайка днем 8 штук лесин, поэтому просил взыскать с ответчика 10 рублей. Ответчик на суде сознался и готов был уплатить 3 рубля. Волостной суд решил не подвергать наказанию Аликбасова за самовольную порубку, но взыскал с него деньгами 6 рублей в пользу истца [40].

Примечательно, что этот же ссыльнопоселенец фигурировал в другом деле волостного суда, рассмотренном в этот же день. «Крестьянин дер. Островской Фотий Григорьев Островских и Нижнее-алабугской волости с. Гладковского пастух Егор Иванов Устинов жалуются на крестьянина-ссылнопоселенца дер. Разломайки Лаврентия Семенова Аликбасова». Островских жаловался на то, что Аликбасов взял его овцу и остриг, подпятнав своим клеймом. У истца были свидетели. Истец просил взыскать за шерсть 50 коп. Второй истец – Устинов просил взыскать с ответчика 2 руб. 30 коп. за то, что у него из табуна пропали овцы, кроме того, была острижена шерсть с двух других овец. Истец Устинов подозревал Аликбасова. Аликбасов на суде вину свою не признал. Свидетель - сельский староста дер. Разломайки – показал, что Аликбасов просил Островских простить его за остриг шерсти с его овцы. Волостной суд признал Аликбасова виновным в «краже из табуна Устинова овцы крестьянина Устинова, а также находит виновным Аликбасова в стрижке и остальных

трех овец, потерявшихся у Устинова», поэтому суд решил: «взыскать с Аликбасова в пользу Островских за шерсть 50 коп., в пользу Устинова взыскать 2 руб. 60 коп., а также взыскать 30 коп. с Аликбасова в пользу Ивана Постовалова, ездившего за свидетелями. И арестовать Аликбасова на трое суток» [41].

Вообще, кражи ссыльнопоселенцев у старожилов южнозауральской деревни, которые были рассмотрены в волостных судах, составляли 12% от общего количества дел и занимали «почетное» четвертое место в нашем списке правонарушений и преступлений ссыльных. Другие виды правонарушений и преступлений ссыльных, совершенных в Глядянской, Чинеевской и Кислянской волостях Курганского уезда, представляют следующую картину. Разделы имущества – 9%, потравы – 8%, оскорбление на словах – 4%, оскорбление действием – 3,5%, преступления против мира – 3%, дела, содержание которых неизвестно, – 2,8%.

Таким образом, в условиях социального разложения деревни к концу XIX–началу XX в. в сибирских сельских обществах скапливалась определенная масса лиц маргинального, не свойственного крестьянам-земледельцам поведения, в том числе и из ссыльнопоселенцев. Эта масса в определенной степени оказывала влияние на рост преступности в южнозауральской деревне. Однако в целом в Курганском уезде Тобольской губернии роль ссыльнопоселенцев в росте преступности в крестьянском сословии была незначительной. На наш взгляд, это объясняется как незначительным количеством ссыльнопоселенцев в крестьянской общине, так и определенными правовыми традициями крестьянского мира, следование которым со стороны вновь прибывших было необходимым условием их дальнейшего проживания в деревне.

Подобную картину можно наблюдать и в мировом суде I участка г. Кургана.

Гораздо сложнее складывались взаимоотношения крестьян Южного Зауралья с переселенцами. Один из известных русских статистиков и экономистов А.А. Кауфман в 1906 г. отмечал: «В 80-е годы XIX века в Сибирь переселялось в год всего только от 25 до 50 тысяч человек. Проложение в Сибирь Магистрали во много раз облегчило и удешевило переселение». А.А. Кауфман приводит следующие статистические данные по переселению в Сибирь: в 1895 г. в Сибирь переселилось 120 тысяч человек, в 1896 г. – 185 тысяч, в 1898–1900 гг. - 150-170 тысяч, в 1901-1903 гг.

– 70-90 тысяч. Главную причину сокращения числа переселенцев в Сибирь статистик видел в ухудшении условий их водворения. Эти плохие условия, по мнению экономиста, заключались в следующем: переполненность старожильских селений, отдаленность выделяемых участков от заселенных мест, суровость климата, плохая почва, лесистость и трудность расчистки отводимых земель. Автор отмечает, что «начиная с 80-х годов XIX века тянется непрерывный ряд ходатайств о воспрещении вселения на казенные земли переселенцев из других местностей и о предоставлении их в исключительное распоряжение местных крестьян». Особенно тяжелое экономическое положение было у тобольских переселенцев. По исследованиям 1893 г., у переселенческих семей, проживавших в Тобольской губернии по 8-10 и более лет, экономическое положение осталось таким же, каким было на прежней родине, а в некоторых случаях даже это положение ухудшилось. Кроме того, наплыв в Сибирь миллионной массы переселенцев и проведение железной дороги привели к росту цен на продукты, сельскохозяйственный инвентарь и удешевлению труда. «Вместе с этим прежние натуральные отношения между старожилом и новоселом исчезли: за работу расплачиваются деньгами», которые при росте цен не могли удовлетворить наемных работников-переселенцев [42].

Одна из главных проблем, которую вызвала переселенческая политика, – это проблема «земельного голода» и земельные споры между переселенцами и старожилами в Южном Зауралье. Причем данная проблема возникает не в конце XIX–начале XX в., а гораздо раньше.

Обратимся к архивным документам.

13 июня 1859 г. государственные крестьяне деревни Обуховой Чернавской волости обратились к начальнику межевания казенных земель Западной Сибири с просьбой о выделении им «недостающего количества хлебопахотной земли на прибывшие 88 душ Камышевского или других дач Утятской волости» [43]. Осенью 1862 г. Тобольская казенная палата выделила 1800 десятин из дачи Утятской и участка Патраковского Меньшиковской волости. Однако крестьяне, владевшие данными участками, крестьян дер. Обуховой, «пользоваться тою землею не допускают» [44].

«Главным возбуждением споров между крестьянами означенных 3 волостей служит сколько недостаток угодий, так и не уравнильный раздел между ними угодий по общественным сходам, а правильного и миролюбивого раздела угодий не было». Поэтому Тобольская казенная пала-

та предлагала провести очередной раздел угодий с помощью «землемера, земского чиновника, волостных начальников и крестьян, как посторонних волостей, так и особо избранных от каждого общества разделяющихся селений». Если при проведении передела «последует спор, который не кончится полюбовно между крестьянами, то спорные селения оставить в общем владении с предупреждением их, что жалобы на неуравнительность угодий уже не будут принимаемы начальством» [45].

Другой пример: генерал–губернатор Западной Сибири в послании к начальнику межевания казенных земель 3 сентября 1860 г. указывал, что «не находит удобным отделять переселенцам, водворенным в Кривинской волости при деревне Сплавной особый участок от старожилов, ибо переселенцы составляют одну деревню с ними и имеют общий выгон». Генерал–губернатор предупреждал, что предполагаемое разделение угодий переселенцев и старожилов дер. Сплавной неизбежно вызовет несогласия и раздоры и предлагал оставить все земляные угодья в общем владении крестьян старожилов и переселенцев, которые они и должны «уравнять сами на мирском сходе» [46].

Тобольская казенная палата 4 марта 1865 г. рассмотрела вопрос о стеснении в пользовании землей переселенцев старожилами дер. Гагарьей Сычевской волости [47]. Переселенцы в количестве 70 душ были водворены в дер. Гагарью из Смоленской губернии в 1857 году и получили земли «со старожилами дер. Гагарьей узаконенную 15-десятинную пропорцию на каждую ревизскую душу, а потому должны вместе со старожилами искать общее уравнильное пользование в земельных угодьях». В результате 10 августа 1865 года крестьяне-старожилы уступали переселенцам «во владение часть хлебопахотной и сенокосной с лесом земли». В результате состоявшегося передела переселенцы остались «наделом земляными угодьями довольны» [48].

Однако далеко не всегда вопросы по землепользованию решались удовлетворительно для всех сторон. Нередко административные органы не могли разрешить возникший спор. Так, Тобольская казенная палата 3 июня 1875 года рассмотрела вопрос «по спору за земли крестьян Мостовской волости дер. Песьяной и с. Михайловского» [49]. Основной причиной несогласия крестьян на раздел угодий служило то, что деревни располагались на совершенно отличных друг от друга участках земли по плодородию.

30 апреля 1868 года крестьяне дер. Строевой Сычевской волости подали прошение об изменении границы, «разделяющей наше и крестьян с. Дубровского владение» [50]. Крестьяне дер. Строевой заявили, что переселились из Псковской губернии в 1847 году и были «водворены на озеро Строево с наделением 15 десятинной пропорцией земли». В результате их деревня оказалась на расстоянии 125 саженой от наделов села Дубровского и скот крестьян дер. Строевой постоянно заходит на эти наделы, и крестьяне с. Дубровского «взыскивают за то значительные деньги и имеют с каждой лошади от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.». По этой причине крестьяне дер. Строевой просили изменить границу их наделов, уступая взамен другую землю. Крестьяне с. Дубровского 18 марта 1873 года на общем собрании постановили «уступить земли 400 десятин от грани, находящейся близ дер. Строевой из участка нашего Дубровского в местности, прилегающей к упомянутой границе, мы не желаем» [51]. Решение данного вопроса относится к 16 сентября 1876 года (!), когда в конечном итоге старая «граница между участком Строевским и Дубровским уничтожена, а взамен ее утверждена новая» [52].

1 сентября 1871 года крестьяне дер. Сладковской Моршихинской волости постановили разделить все угодья и «оставить нас отдельно всеми наделами от крестьян села Казаринского». Основной причиной раздела угодий крестьяне дер. Сладковской указали, что, пользуясь едиными угодьями, испытывают «затруднение и имеют постоянно сходы с крестьянами с Казаринского по делам упомянутых наделов» [53].

3 августа 1872 года крестьяне дер. Верхне-Глубокой старожилы и переселенцы, окружной землемер, Лебязьевский волостной голова, и 12 человек понятых постановили передать «спорный вопрос о разделе угодий между крестьянами дер. Верхне-Глубокой на обсуждение волостного схода». Старожилы и переселенцы дер. Верхне-Глубокой пользовались угодьями раздельно друг от друга, что не удовлетворяло старожилов, «потому что в отведенный участок переселенцев вошли самые лучшие пахотные земли, а также и водопои». Переселенцы отказывались объединить свои угодья со старожилами, потому что они «отделены уже 20 лет и хотят, чтобы к участку им отведенному было дополнено, то количество земли, рядом с их участком сполосно». Решение спорного вопроса могло произойти только по мирским приговорам, но «оба общества от составле-

ния приговоров отказались», и вопрос должен был быть передан на решение волостного схода [54].

Таким образом, правительству не удалось навязать крестьянству Сибири передельно-уравнительный принцип владения землей. В Сибири, в том числе и в Южном Зауралье, было распространено индивидуально-подворное землевладение, предполагавшее захватную форму землепользования внутри волостей и передачу земель по наследству.

Тем не менее волостные и сельские общества выступали достаточно часто в виде коллективных челобитчиков в борьбе за пашенные земли. Но формальное закрепление земель за волостью, селением было лишь этапом, предваряющим реальное овладение этой землей наиболее крепкими («лучшими») обуржуазившимися товаропроизводящими хозяйствами.

Проводившие межевания чиновники при отсутствии какого-либо контроля сверху преследовали в свою очередь корыстные интересы. Давая им взятки, наиболее богатые крестьяне получали при отводе лучшие земли, вследствие чего конфликтные ситуации в ходе межевания только учащались. Земельные конфликты могли привести к поджогу усадьбы, к другим видам столкновений. В 1831 г. крестьяне дер. Белой Петуховской волости Ишимского округа силой изгнали, разрушив постройки и вытравив посевы, Ивана Пережогина с товарищами, принадлежавших к ведомству Соколовской волости Петропавловского округа. Судебное дело 1850 г. зафиксировало факт «бития Мостовской волости крестьян Гавриловых с товарищами таковыми же крестьянами Саламатовской волости на спорных землях» (Ялуторовский округ). Свидетели показывали, что «с давнего времени происходят на спорных местах ссоры и самые драки», отчего проистекало взаимное «причинение убытков через вырубку и увоз леса, дров, хлеба, распашку земель» [55].

Вместе с тем споры по землепользованию возникали и внутри сельских обществ. Так, крестьянин Д.З. Пичугин 23 августа 1869 года подал прошение о запрещении крестьянам дер. Волчьей Утечьей волости пользоваться арендованным Д.З. Пичугиным Щучанским участком. В своем прошении Д.З. Пичугин писал, что отправленные им работники на Щучанский участок были прогнаны крестьянами дер. Волчьей, «самовольно выкосившими траву, которой по свидетельству волостного головы и понятых, оказалось накошено 856 копен». Д.З. Пичугин просил предо-

ставить в свою собственность накошенное сено и принять меры для «устранения возможных беспорядков» [56].

Примечательно отношение крестьян–переселенцев к казенным лесным угодьям. С увеличением переселенческого потока в Западной Сибири случаи хищнических порубок лесных угодий значительно увеличились. Отношение крестьян к лесным угодьям становилось более небрежным. Об этом свидетельствуют архивные документы.

26 сентября 1883 года землемер Шмурыгин представил в Курганское окружное полицейское управление рапорт о «самовольном истреблении леса и выкошении травы в оброчном участке Ширь» крестьянами-переселенцами с. Дубровного и дер. Ярошиной Сычевской волости [57]. В оброчном участке Ширь землемером было замечено большое количество выгоревшего леса, который был «истреблен от огня, пускаемого переселенцами для выполки старой травы». Шмурыгин предлагал окружному полицейскому управлению наложить штраф на виновников истребления леса в оброчном участке Ширь, а крестьянам с. Дубровского и дер. Ярошиной запретить переходить за границы по землевладению своего участка [58].

16 января 1879 года Тобольская казенная палата приняла постановление «о распределении земель в Кривинской волости», в котором указывалось, что в Кривинской волости в 1877 году землемер Смирновым «назначены границы земельного владения между сельскими обществами». Однако эти границы не были утверждены, и крестьяне должны были пользоваться «землями и другими угодьями по прежним границам». На деле это вызвало между крестьянами «беспорядки и своеволие в особенности по порубке леса, одни, коим принадлежит земля и лес, стараются вырубить лесу более, пока еще не утверждены границы, а другие, коим вновь земля отрезана, не дозволяют рубить». Прекратить данные действия волостные власти не имели возможности, так как все порубки происходили «тайно и открывались уже впоследствии». Предстоящие весенние работы заставляли сельские общества и волостное правление просить о скорейшем утверждении новых границ [59].

В данном случае мы можем наблюдать определенное торжество обычного права в крестьянском самосознании, когда лес, рыбные ловли и другие природные угодья в государственных землях считались крестьянином «ничейными», «даром Божьим». Однако такое право торжествовало

до того момента, пока эти лесные и другие природные уголья не находили собственника либо в лице общины, либо в лице отдельного домохозяина.

В работе Н.М. Ядринцева нашли отражение экологические последствия волн миграционного крестьянского движения по Западной Сибири. Вырубка леса и чудовищные палы уничтожали березовые рощи и строевые леса, озера исчезали или превращались в горько-соленые, вследствие засух урожаи стали повторяющимися, к этому присоединились падежи скота от сибирской язвы [60].

Таким образом, переселенческое движение вызывало в южнозауральском регионе нехватку земли и земельные споры не только между старожилами и переселенцами, но и внутри старых крестьянских общин. Все это ускорило процесс перехода от совместного общественного владения несколькими общинами земельных, лесных и других угодий к раздельному. Причем переход к раздельному владению землей отдельными обществами и поземельное устройство крестьян путем «полюбовного соглашения» было практически невозможным. Основной причиной этого явления была юридическая неоформленность понятия земельной частной собственности среди государственных крестьян. Земля в подавляющем большинстве оставалась государственной собственностью, и на административные органы ложилась вся ответственность за решение проблем наделения землей каждого сельского общества. Все это, естественно, не могло решить межобщинных, а часто и внутриобщинных споров крестьян. Административные органы имели лишь один способ решения споров: наделение крестьянских обществ дополнительным количеством свободных казенных земель. Однако такой способ решения снимал остроту земельных споров лишь на время.

Периодически споры по землепользованию возникали повсеместно. Приведем конкретные выборочные количественные данные по имеющимся у нас решениям волостных судов, в которых рассматривались земельные споры. При анализе этих данных мы можем наблюдать неуклонный рост количества дел по земельным спорам на протяжении второй четверти XIX–начала XX в. Если в 1877 г. количество таких дел в волостных судах составляло всего 5%, то в 1910 г. их было 26%. На наш взгляд, такое увеличение связано как с естественным, так и искусственным приростом населения в Южном Зауралье. Более того, рост земельных споров можно объяснить и важными социально-экономическими изменениями, происхо-

дившими в России на рубеже XIX–XX вв. (это и отмена выкупных платежей, и реформа Столыпина, и строительство Сибирской железной дороги, и другие модернизационные процессы). Все эти причины вели к трансформации обычного права в деревне: суд стариков, община уже не могли разрешить «полюбовно» земельные споры как внутри общины, так и вне ее на низовом бытовом уровне, поэтому крестьянин все чаще вынужден был обращаться к государственной юрисдикции, в частности к волостному суду.

Решение земельных споров на новой основе предполагало передачу государственной собственности на землю в руки отдельных домохозяев. Начало данному процессу во второй половине XIX в. положил указ 24 ноября 1866 года, в котором впервые предоставлялось право продажи наделной земли как сельскими обществами, так и отдельными домохозяевами после 3 лет владения, всем заинтересованным в ее приобретении лицам. Указ 31 марта 1867 года распространил право владения землей на более широкие слои крестьянства с выдачей владенных записей, в которых указывалась «полная сумма оброчной подати», необходимая для выкупа надела в собственность, для тех же, кто уже свои угодья выкупил, владенные записи не составлялись, а заменялись выданными на выкупленные земли купчими. Указ 12 июня 1886 года заменил выплату государственной оброчной подати выкупными платежами, срок внесения которых устанавливался в 43 года с 1887 по 1931 годы. Непосредственное проведение данных реформ началось в Южном Зауралье с западных волостей, входивших в Оренбургскую и Пермскую губернии.

Так, 1 января 1874 г. была составлена владенная запись крестьянам с. Куртамыш Куртамышской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии. Во владенной записи сообщалось, что в с. Куртамыш «числится 524 ревизских душ крестьян», которые имеют во владении 8 244,8 десятин земли, состоящей в общинном уравнительном по числу ревизских душ пользовании селения», за это крестьяне «обязаны вносить государственной оброчной подати со всего селения 1 884 рубля 45 копеек» [61].

28 января 1887 г. рассматривалось ходатайство крестьян с. Степанова Степановской волости Шадринского уезда А.Я. Хабарова и С.А. Поспелова о разрешении «им с товарищами в числе 16 ревизских душ переселиться на казенную землю в урочище речки Сухой Савлек» [62]. Крестьяне уверяли, что данная просьба основана на недостатке угодий в

с. Степанове, в котором «числится 851 ревизских душ, и в их наделе состоит удобной земли 6 143, 02 десятины или на душу по 7,56 десятины», что значительно меньше нормы, а вблизи их надела нет никаких свободных казенных земель. 22 мая 1889 г. было получено разрешение министерства государственных имуществ о переселении крестьян с. Степанова «в числе 16 ревизских душ на казенный участок пространством около 200 десятин в урочище речки Сухой Савлек» [63].

Нередко государственные чиновники во владенных записях стремились завысить цену на землю, переводя ее в более высокий разряд по плодородию и качеству, с целью увеличения выкупных платежей. Так, 24 ноября 1890 г. крестьяне с. Улугушского Петропавловской волости Шадринского уезда обратились к старшему чиновнику по выдаче владенных записей с просьбой о «поверке в натуре всех неудобных мест земельного надела». Жители с. Улугушского при предъявлении им владенной записи просили занести в акт претензии «о понижении выкупных платежей в виду плохого качества земель, находящихся в наделе и о поверке неудобных земель» [64].

2 декабря 1890 г. крестьяне дер. Шутихи Петропавловской волости Шадринского уезда подали прошение старшему чиновнику по выдаче владенных записей «о неправильном отмежевании в 1859 году 1019 десятин земли нашего Шутихинского общества, которой ныне пользуется Першинское общество». Крестьяне также указывали на разное качество пашенных угодий, «между тем, выкупные платежи были назначены в одинаковом размере» [65].

Владенные записи выдавались как отдельным хозяевам, так и сельским обществам. Так, 10 сентября 1893 г. производитель работ по составлению и выдаче крестьянам владенных записей в присутствии члена Челябинского уездного по крестьянским делам присутствия, волостного старшины Куртамышской волости, сельского старосты с. Куртамыш и сторонних наблюдателей вручил крестьянину, проживающему в с. Куртамыш, Л. Лямкину владенную запись «на предоставленный в его постоянное пользование земельный надел, с причитающейся за оный ежегодной суммой выкупных платежей». Данный надел «вымежеван из казенной оброчной статьи Качаринской и составляет 5 десятин различного качества земли, заключающихся в одной сплошной площади». Ежегодная сумма выкупных платежей составила 2 руб. 28 коп., которые Л. Лямкин был обя-

зан выплатить до 1 января 1935 г. После утверждения владенной записи Л. Лямкин, проживавший в с. Куртамыш, не был «ответственен круговой порукой в исправном взносе, причитающемся с крестьян выкупных платежей» [66].

Владенные записи выдавались не только крестьянам-старожилам, но и крестьянам-переселенцам. Например, 19 мая 1899 г. производитель работ по составлению и выдаче крестьянам владенных записей вручил владенную запись семье переселенцев Ожгибасовых, проживавших в с. Куртамыш. Во владенной записи было указано, что в семье Ожигбасовых «числится мужского пола 3 души крестьян, которые имеют во владении 17,5 десятин различного качества земли». Ежегодная сумма выкупных платежей Ожгибасовых составляла 6 руб. 84 коп., и они обязаны были вносить ее «в узаконенные сроки по 1 января 1941 года» [67].

Данный документ примечателен также еще и тем, что он наглядно свидетельствует о сокращении нормы удобных пахотных земель, приходящихся на оброчную мужскую душу. Если еще в середине 80-х гг. XIX в. «в Зауралье существовало четыре варианта такой нормы – 15; 18; 18,75 и 21 десятина на душу (ревизскую или наличную мужского пола), из которых 15-десятинная пропорция была самой распространенной и установленной законодательно, то уже в конце 90-х гг. XIX в. эта норма значительно сократилась, что, несомненно, связано с ростом миграционного населения [68].

Теперь рассмотрим социальный состав владельцев частного владения Белозерской, Салтосарайской, Усть-Суерской и Саломатовской волостей Курганского уезда Тобольской губернии в 1901-1902 гг.

В целом, земли частного владения принадлежали представителям всех основных социальных слоев Южного Зауралья конца XIX–начала XX века. Наибольшее количество земельных наделов частного владения имели крестьяне, в собственности которых было 42,5% общего числа наделов. Однако по размерам наделов всех опережали купцы, имевшие в собственности 50,24% всех земель частного владения. Всего в 4-х волостях Курганского уезда в 1901-1902 гг. находилось 87 наделов частновладельческих земель общей площадью 11 070 десятин земли.

Таким образом, изученные нами документы о владенных записях и приведенные примеры позволяют сделать нам следующие выводы:

1 В конце XIX века в Южном Зауралье наблюдается стремление крестьян приобрести землю в частную собственность, о чем свидетельствует рост числа владенных записей.

2 Правительство в лице ответственных чиновников и сельской администрации, составляя владенные записи, стремилось повысить цену на землю, переходящую в крестьянскую собственность путем перевода земли в более высокий разряд по качеству и ценности. Это в свою очередь вызвало естественное противодействие крестьян, которые обращались с прошениями в вышестоящие органы власти.

3 Переселенческое движение вызвало рост числа выкупных сделок среди старожильского населения, что, несомненно, связано с начавшимся «земельным голодом» и желанием старожилов сохранить свои наделы неприкосновенными.

4 Количество земель, находящихся в частной собственности у крестьян, было значительно меньше, чем у других сословий.

5 Многие сибирские земледельцы воспринимали межевание как нарушение их традиционных прав. Например, крестьяне Чернавской волости в результате отрезков потеряли до 60% прежних владений [69].

6 Землеустроительные работы приводили к усилению противоречий между волостями и внутри крестьянских обществ.

7 Наряду с обезземеливанием сибирский мелкий товаропроизводитель все больше ощущал себя в ситуации социального неравенства. Низкие цены на продукты и рабочую силу приводили мелких хозяев в неустойчивое экономическое состояние. Наплыв мигрантов создавал излишек рабочей силы в деревне, ставил в невыгодные условия местных крестьян-старожилов, лишая их заработка в традиционных размерах.

8 Недовольство рядовой массы крестьян землемерами, волостной администрацией выражалось в повседневных формах протеста, прежде всего в коллективных, групповых, индивидуальных жалобах и прошениях.

Южнозауральская община обладала административными и социально-экономическими особенностями, существенно отличавшими ее от общины великорусской. Интересен в данном случае анализ общины нашего края, проведенный А.А. Кауфманом, который отмечает следующие особенности.

Южнозауральская община в конце XIX века представляла собой отдельное селение, реже группу из 2-3 селений. Но «юридическая община»

- союз селений, охваченных одною общею межою, далеко не всегда и не везде совпадала с фактической общиною – субъектом действий владения и пользования земельными угодьями» [70].

Однако данный порядок вносил путаницу в оброчные платежи крестьян и вызывал споры не только между ними, но и сельскими обществами. Такие споры являлись очень часто предметом судебных разбирательств в волостных судах и судах более высоких инстанций [71].

2 марта 1887 г. в Глядянском волостном суде рассматривался иск крестьянской вдовы деревни Межборной Маремьяны Казманы Куниной и сына ее Федора Николаева Кунина. Они «жалуются на свекра и деда своего крестьянина деревни Межборной Лариона Иванова Кунина, что он, желая перечислиться в деревню Ново-Александровскую, намеревается сломать и увезти туда ветряную мельницу, стоящую 50 руб., и амбар осинового леса, стоящего 20 руб. ... Кроме того, они просят перечислить оброчные подати за земельный надел за одну мужскую душу с общества деревни Межборной в деревню Ново-Александровскую...

Сельский староста деревни Межборной показал, что просители с Куниным считаются нераздельными и спорная мельница и амбар принадлежат всем им, а не одному только Лариону Иванову Кунину. Волостной суд в составе 3-х волостных судей постановил: воспретить Лариону Кунину перевозить ветряную мельницу и амбар, а оброчные платежи за пользование земельным наделом Ларионом Куниным перечислить из сельского общества дер. Межборной в сельское общество дер. Ново-Александровской» [72].

А.А. Кауфман указывает причины дробления волости и общины на мелкие земельные союзы, подчеркивая влияние переселенческого движения в Сибирь: «1) Происходившие здесь в 40-х и особенно 50-х годах массовые приселения переселенцев. 2) Слабое сознание крестьянами своей солидарности вне пределов наиболее тесного общественного союза – отдельного селения. Пока количество угодий превышает потребности наличного населения, а ценность их ничтожна, на первый план выступают выгодные стороны общего владения. Но вот, в результате ли естественного прироста населения или прилива переселенцев, появляется “утеснение”: земля приобретает ценность, из-за нее начинаются споры и недоразумения» [73].

А.А. Кауфман отмечает серьезные отличия зауральской общины от великорусской в вопросе переделов и чересполосицы. Переделы в за-

уральской общине производились через весьма продолжительный срок - очень часто через десять лет.

В Европейской России жеребьевка была основанием распределения полос и опиралась на обычноправовые традиции. Наоборот, коренное население южнозауральского края, старожилы считали жеребьевку «не божеским», «худым порядком», при котором все предоставляется делу случая.

Жеребьевка в Южной части Тобольской губернии была несовместима с «правом старозаимочности», со стремлением общины оставить каждого, по возможности, на насиженном и обработанном им месте [74].

По вопросу пользования рыбными и охотничьими угодьями в южнозауральской общине в конце XIX века А.А. Кауфман допускает, на наш взгляд, одну из общераспространенных ошибок в отечественной исторической и юридической литературе, которая сводится к тому, что согласно обычноправовому крестьянскому мировоззрению леса, водоемы, места охоты и рыбной ловли считались «ничьими», «даром Божиим» [75].

Однако с разложением общины в Южном Зауралье в волостных судах имеется довольно большое число исковых заявлений как от всей общины, так и от самих общинников по поводу незаконной ловли рыбы в общественных водоемах или охоты в охотничьих угодьях [76].

Приведем несколько примеров.

15 марта 1893 года Глядянский волостной суд рассматривал иск 2 крестьян с. Ялымского к запасному рядовому Петру Тимофееву, который поймал двух лисиц на купленном лесном участке просителями у общества села Ялымского. Крестьяне просят взыскать с ответчика 2 рубля. Петр Тимофеев в проступке сознался. Волостной суд вынес решение взыскать с Петра Тимофеева 1 руб. 50 коп. в пользу истцов [77].

17 февраля 1887 года «общество крестьян деревни участка Вонявинского через уполномоченного приговором от 16 февраля сего года крестьянина одной с ним деревни Романа Савосьянова Ефремова жалуются на крестьянина деревни Островской Фасета Елисеева Липихина, что 2 числа сего месяца он самовольно ловил из озера Костыль, принадлежащего им, рыбу, которой по ихнему мнению наловил не менее как на 25 руб., т.к. после него ловили там же рыбу крестьяне одной с ним деревни Афанасий Николаев и Дмитрий Федотов и наловили около 40 пудов на 20 рублей. Поэтому и просит взыскать с Липихина за самовольную ловлю

рыбы 25 рублей... Липихин показал, что он действительно 2 числа февраля ловил рыбу в озере Костыль, но наловил только на 5 руб. 20 коп. ... Присудили с крестьянина Фасета Липихина взыскать в пользу общества крестьян участка Вонявинского 25 рублей» [78].

А.А. Кауфман пишет: «Во многих местностях Тобольской и Томской губерний право въезда для рубки леса в чужую дачу как бы санкционировано обычаем и продолжает существовать и тогда, когда запас леса в самой въезжей даче успел уже значительно сократиться» [79]. Подобной точки зрения, что взгляды крестьянства на пользование лесами как божьим даром являются типичным отражением обычного права, придерживается целая группа отечественных и зарубежных историков [80].

В то же время сам Кауфман отмечает: «В Южных округах Тобольской губернии и в частности – в Ишимском возникают так называемые "сады" или "рощи", оберегаемые отдельными домохозяевами и за это представляемые общиной в их исключительное пользование...

В Курганском округе беспорядочное вольное пользование лесом сохранилось лишь в немногих общинах. Крестьяне решились разделить лес на подворно-душевые участки, чтобы каждый лесной участок находился под наблюдением отдельного домохозяина. Таким образом, крестьянское самосознание в последние 30-60 лет колеблется между двумя почти противоположными идеями: с одной стороны, всякое долговременное владение одним и тем же участком леса противоречит пониманию крестьян о лесах как общих; с другой стороны, задаче лесосохранения, служат другие приемы передела, основанные на принципе «старозаимочности», т.е. оставления домохозяев на старых местах, и создания нечто вроде наследственного владения лесными участками» [81].

Нам кажется весьма спорным утверждение многих историков и юристов, что примером обычного права в крестьянской среде является взгляд крестьян на лес как на «дар божий», «ничейный». Это опровергают многочисленные дела в волостных судах, касающиеся споров о лесных пайках, незаконных вырубках и т.д. Примечательно, что незаконные лесные вырубки из казенного леса согласно Уставу лесному т. VIII. Ч. I. Свода Законов Российской империи относились к уголовным преступлениям.

В качестве вывода по данному параграфу можно привести высказывание А.А. Кауфмана: «Изложенные данные позволяют признать, что общинные порядки южных округов Тобольской губернии, свободны от тех

недостатков, которые предполагаются необходимо-присущими общинной форме землепользования – чересполосицы, мелкополосицы, частоты переделов и отсутствия связи домохозяина с занимаемым им полевым участком» [82]. Землепользование в южнозауральской общине характеризуется так называемым принципом «старозаимочности». Данный принцип в правовом мировоззрении зауральского крестьянина превращал землепользование в землевладение и распространялся не только на землю, но и на лесные и рыбные угодья, в результате чего частнособственнические настроения в южнозауральской крестьянской общине, на наш взгляд, были довольно сильными. Ссылнопоселенцы и переселенческое движение в Сибирь из центральной России вызвали к концу XIX века в Южном Зауралье «земельный голод» и конфликты между переселенцами и «старожилами». Это привело к укреплению индивидуалистических настроений, что выразилось, прежде всего, в стремлении крестьянства зафиксировать свои наделы в частной собственности в официально-юридическом порядке с помощью составления владенных записей.

2.2 Обычноправовые традиции в южнозауральской общине и семье

Одной из основополагающих основ обычного права является трудовое начало. «Обычное право содержало две нормы, находившиеся в противоречии с официальным гражданским правом: принцип трудового права, согласно которому человек может владеть только тем, во что он или его предки вложили труд, и смешение понятий "собственность", "владение" и "пользование"», - пишет К.Р. Качоровский в своей работе «Народное право» [83]. Крестьянство не проводило четкой грани между собственностью и владением, в особенности в отношении земли и другого недвижимого имущества. «Моим» крестьянин считал тот участок общинной земли, которым временно владел в данный момент, и усадебную землю, которая находилась в постоянном его пользовании [84]. В пореформенное время, несмотря на развитие понятия собственности, указанные особенности обычного права не были до конца изжиты, поскольку порождались не столько юридической неразвитостью крестьянства, сколько существованием переделной общины, круговой порукой и другими ограничениями имущественных прав крестьян. Подобное отношение к вещно-

му праву затрудняло формирование представления у них о неприкосновенности любой собственности [85].

На трудовое начало в правовых воззрениях крестьянства указывает и видный этнолог XIX в. А.Я. Ефименко. Она пишет: «Обычноправовые воззрения народа находятся в тесной связи со всем складом народной жизни... Взгляд крестьянина на землю вытекает из его взгляда на труд как на единственный, всегда признаваемый и справедливый источник собственности. Земля – не продукт труда человека, следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда... Община ли является в данную минуту владельцем земли, или отдельное лицо – все равно: право на землю, безусловно, связано с трудом, который вкладывается в землю, и раз эта связь порвана, порвано и право... В Сибири, в Томской губернии, вследствие обилия нераспаханной и незанятой земли каждый берет себе свободный участок и пашет его до истощения. Существуют такие обычаи: земля, оставленная для отдыха, хотя бы на ней не было посева больше десяти лет, считается все-таки состоящей во владении того, кто ее расчистил, пахал и засеивал прежде... За самовольную распашку такой земли виновный обязывался уплатить хозяину ценность найма такого же количества земли, какое он самовольно распахал... Свой коренной взгляд на труд как на основу собственности крестьянство вполне последовательно проводит и на продукты земли. Одно отношение к тем продуктам, которые производятся трудом человека, другое к тем, которые дает земля без посредства человеческого труда. К праву собственности на те земельные продукты, которые произведены трудом человека, крестьяне относятся с уважением почти религиозным. Кража скошенного сена на кучу, хлеба на поле, хотя никто их не сторожит, вещь совсем исключительная, покрывающая виновника вечным позором. Даже крайняя необходимость не может заставить крестьянина нарушить святое для него, в данном случае право собственности...» [86].

Однако с социально-экономическим развитием деревни во второй половине XIX в., усиленным проникновением в нее рыночных товарно-денежных отношений существенно изменяются и обычноправовые воззрения русского крестьянства, в том числе и южнозауральского. Это можно проследить на примере трансформации так называемых помочей. Помочи являлись важной чертой общинного быта русской и сибирской де-

ревни, но по мере проникновения туда рыночных капиталистических отношений, они начали утрачивать свое значение и сфера их применения весьма сузилась к концу XIX века.

М.М. Громыко называет «период второй половины XIX–начала XX века периодом разложения крестьянства», который вносит существенные изменения в картину традиционных приемов ведения хозяйства, внутриобщинных порядков в деревне и крестьянских представлений. Она говорит, что впоследствии помочи стали одной из форм найма [87].

Трудовое начало в русском обычном праве с развитием модернизационных процессов в России вступает в резкое противоречие с крестьянской собственностью на землю, ее пользованием и владением в общине, в том числе и в южнозауральской. Данная проблема включает вопрос о юридическом статусе земельной собственности как главной производительной единице традиционного аграрного общества.

По этому вопросу в сибиреведческой литературе не сложилось единого представления, что, прежде всего, выразилось в неоднозначном толковании самого понятия «собственность», рассматривавшегося в теоретическом плане в качестве формы имущественных отношений между государством и крестьянами, т.е. в категориях власти (владения), преимущественно как волевые, правовые отношения, лишь частично включающие элемент реальных экономических отношений (хозяйствования) в свою структуру. Юридическое понимание собственности выразилось в иерархизации ее субъектов: государство – «верховный собственник», а крестьянин – «держатель», «владелец», «пользователь» и т.д. [88]. Не получила широкого распространения выдвинутая в 60-е годы XX века идея необходимости различения собственности как правового и как экономического отношения; для этого П.И. Малахинов за неимением подходящих терминов пользовался понятиями: «реальная собственность», «собственность в экономическом смысле» [89]. Различные методологические позиции предопределили существование двух историографических традиций, одна из которых опиралась на юридическое понимание собственности (А.М. Русакова, Л.Г. Сухотина, Ф.Г. Сафронов, А.А. Храмков, А.Т. Топчий и др.), а другая – на экономическое (В.Г. Тюкавкин, П.И. Малахинов), что не исключало точек зрения, пытавшихся соединить указанные традиции (Л.М. Горюшкин, Н.А. Миненко, В.Н. Худяков и др.) [90]. Проведенное исследование показало, что крестьянское владение, распоряжение и

пользование землей выходило за пределы делегированных ему и санкционированных государством прав и полномочий; отношение крестьян к земле не исчерпывалось традиционным понятием «владение», в определенной мере приближаясь к собственности. Таким образом, юридическим собственником земли в Сибири было государство, казна, что неоднократно подчеркивалось в законодательных актах.

До выхода законов 1896 и 1898 гг. поземельные право зауральского крестьянства было законодательно определено крайне туманно, упомянутые же акты устанавливали чрезвычайно широкие рамки крестьянского землевладения, регламентируя лишь частично сферу распоряжения (запрет на отчуждение и заклад земли) и декларируя уравнительное землепользование крестьянских общин на условии выплаты государственной оброчной подати [91]. Однако вне законодательной регламентации оставались целые важнейшие сферы крестьянского землепользования, такие как наследование, аренда, мена земель, порядок раскладки податей и повинностей и т.д., что регулировалось обычноправовыми нормами, не только не учитывавшимися столичными законодателями, но подчас и неизвестными им. Мы не говорим уже о степени соответствия законодательных и подзаконных актов центральных правительственных учреждений, министерств и ведомств и губернских властей. Пример подобного несоответствия – неразбериха с определением нормы наделения крестьян землей: в Зауралье существовало четыре «варианта» такой нормы: 15; 18; 18,75 и 21 десятина на душу (ревизскую или наличную) мужского пола, из которых лишь 15 – десятинная норма была установлена законодательно, а остальные – административными инструкциями Министерства государственных имуществ, распоряжениями генерал-губернаторских советов [92]. При землеустройстве конца XIX–начала XX в. эта неразбериха создавала реальные конфликтные ситуации в сфере землевладения. Таким образом, государство во многих случаях лишь декларировало себя в качестве «верховного собственника» зауральских земель, не имея даже разработанного законодательства, содержащего четкое представление о праве собственности и позволяющего эффективно вмешиваться в практику землевладения и землепользования [93]. Результатом этого явилось то, что поземельные отношения в крестьянском мире часто попадали в сферу обычноправовых норм.

Существование «верховой собственности» государства часто связывалось с уплатой зауральскими крестьянами государственной оброчной подати. Крестьянин в этом случае трактуется фактически как арендатор государственных земель (о чем явно не говорится), поскольку платит оброк (т.е. ренту) за пользование государственной землей. Однако зауральский крестьянин не был арендатором хотя бы потому, что государство не было арендодателем, так как земля в течение многих поколений приобреталась путем регулируемого захвата. Государство практически не имело реальных и эффективных рычагов борьбы с крестьянской задолженностью по государственным окладным сборам: Положение о порядке их взимания от 23 июня 1899 г. предусматривало отбирание и сдачу в аренду на срок более 3 лет части или всего надела недоимочника или недоимочного общества, либо опись и продажу с торгов части имущества. Однако, если эти меры не действовали, государство не могло лишить земли провинившееся общество или его члена, передав ее другому, а вынужденно было отсрочивать или списывать долги по «безнадежности поступления» [94]. Казна не могла произвольно повысить арендную плату (т.е. оброк) или менять условия взимания оклада: крестьяне отвечали на это гигантскими недоимками. Так, в 1902 г. за Шадринским уездом числилось 2.291.137 рублей недоимок по выкупным платежам, что составляло 56% общегубернской недоимки. В 1897 г. в Курганском уезде недоимка только по окладным сборам составляла 930 тыс. руб. (т.е. в среднем по 20 руб. на двор), уменьшившись к 1905 г. всего лишь до 696 тыс. руб., которые почти полностью по манифесту 11 января 1904 г. были списаны с неплательщиков [95].

Необходимо также отметить роль общины в крестьянском землевладении и формировании проприативных (связанных с собственностью) представлений в Зауралье. Начиная со второй половины XIX в. регулирующая роль общины заметно возрастает и выражается в расширении распорядительных функций, в частности, в области передельной практики. Как уже отмечалось выше, переделы в Зауралье имели существенные особенности, что позволяет говорить о более слабой выраженности поземельных функций зауральской общины по сравнению с общиной Европейской России. Крестьяне владели определенными участками земли (по преимуществу пахотой и лесом) на протяжении нескольких поколений, что позволяло им считать эту землю «родовой», которую держали «деды и прадеды и родители наши».

Случаи нарушения общиной принципа старозаимочности рассматривались крестьянами как посягательства на их права и вели к борьбе за них, вплоть до выхода из общины [96]. Впрочем, и в конце XIX и в начале XX в. принцип старозаимочности оставался «самым непреложным и самым драгоценным для сибирского крестьянина» [97].

Но община обладала правом допуска к земле через приписку к сельскому обществу посторонних лиц, взимая за это рентные платежи в форме вина или денег; при известных условиях она могла отобрать у своих членов (как правило, отсутствующих или недоимочных) их наделы и сдать в аренду, но с обязательным условием вернуть их владельцам по возвращении в селение [98]. Община регулировала семейные разделы и выделение усадебных мест, но архивный материал Курганского уезда дает основание считать, что и здесь вмешательство общинных органов было минимальным и ограничивалось регистрацией свершившихся фактов; лишь в спорных случаях стороны апеллировали к сходу либо к суду как к арбитрам [99]. Большую роль играла община в регулировании непахотных угодий: моховниками, ягодниками, торфяниками, рыбными ловлями и т.д., - контролировала в регистрационном порядке арендные отношения между крестьянами, полностью ведала раскладкой податей, которые чаще всего ложились на «платежные души», т.е. на мужчин, на которых по общественной раскладке полагались земельные наделы [100].

Центральные законодательные и местные административные органы вмешивались в хозяйственно-распорядительные функции общины. Однако это вмешательство носило подчас малоэффективный рекомендательный или регистрационный характер. Так, закон от 8 июня 1893 г. о переделах рекомендовал крестьянским общинам отводить удобряемые земли по возможности прежним хозяевам либо компенсировать равным качеством земли или вознаграждением. Наделенные значительной властью земские и крестьянские начальники, другие администраторы между тем вели достаточно гибкую политику, избегая напрямую вмешиваться в разрешение крестьянских споров либо, возвращая спорные дела в общество для «полюбовного» разрешения, отказывались от роли арбитров. Дело, даже решенное крестьянским начальником, могло годами не вступать в силу, если не отвечало коренным интересам крестьян [101].

Таким образом, в вопросе о землевладении и землепользовании южнозауральского крестьянства мы согласны с утверждением В.Г. Тю-

кавкина, что «фактически крестьяне Сибири распоряжались землей как юридической собственностью, используя и право пользования, и владения и распоряжения» [102].

Зауральские крестьяне были реальными распорядителями своих земель путем наследования, аренды, мены и даже иногда купли-продажи. Аренда была чрезвычайно распространенным явлением в изучаемый период: хозяйственное описание с. Ново-Петропавловского и дер. Белоярской Шадринского уезда 1898-1899 гг. показывает, что ни одно (!) хозяйство не пользовалось тем количеством земли, какое полагалось ему по общественной разверстке; в Елошанской волости Курганского уезда только 12,7% домохозяев в 1888 г. не принимали участие в аренде земли [103].

В наибольшей мере свободное распоряжение землей проявилось в практике наследования недвижимого имущества. Принцип старозаимочности позволял зауральским крестьянам оставаться на наделах их отцов и дедов. Основанием для наследования было родство с главой семьи и степень трудового участия в общем хозяйстве. Возрастной принцип играл большую роль в организации общественных отношений в зауральской деревне, выдвигая время пребывания в родственной группе (а соответственно, и степень трудового участия) в качестве одного из главных критериев, иерархизирующих потенциальных наследников и отсекающих ненаследников [104]. Наследство, безусловно, переходило к взрослым сыновьям, нераздельным братьям, бездетным вдовам и единственным дочерям, с определенными оговорками – усыновленным детям, зятям – приймакам, дочерям [105]. Интересны факты составления крестьянских завещаний, где те распоряжались не только движимым имуществом, но также надельными землями. Так, крестьянин с. Глядянского Степан Егоров Беляшов в 1909 г. требовал от волостного суда возвращения ему надела его умершего дяди Степана Петрова Беляшова, ссылаясь не только на факт проживания у последнего, но и на его духовное завещание, по которому истец «распространил свои наследственные права также и на полевой надел общинной земли умершего наследователя Беляшова» [106].

Что касается усадебных земель, то они составляли полную собственность семьи (что было закреплено законом от 9 ноября 1906 г.) и не только свободно наследовались и обменивались, но и арендовывались и продавались [107]. Так, когда у Никольских крестьян с. Ялымского: Ивана Ласкина, Степана и Макара Чирковых и др. - община отняла часть куп-

ленной ими усадебной земли, те дошли до Курганского уездного съезда крестьянских начальников, доказывая, что «...усадебными мы все довольствовались как собственностью своей, т.к. принадлежащие нам усадьбы мы могли бы продать или даром отдать – никто указать нам в том прав не имеет; по усадьбе все равны, что тот или другой, поэтому судьи неправильно приняли во внимание, что (бы) у нас отобрать купленную усадьбу» [108]. Подобное положение делало зауральских крестьян подлинными обладателями, т.е. владельцами наделенных земель, формировало соответствующее отношение к земле как к «своей», что фиксировалось в делопроизводственных документах: «исходящих из владения», «наше вечное владение», «наша родовая земля» и т.д. [109].

Примечательно, что во владении крестьян были не только 15-21 десятинные наделные участки, уже в 60-70-х гг. XIX в. в собственности зауральских богатых крестьян находились огромные земельные пространства. Уроженец Марайской волости государственный крестьянин Иван Павлов Меньщиков стал собственником ряда участков в своей округе. 13 октября 1861г. в Курганском окружном суде он совершил купчую на шесть участков «в V месте Марайской волости», приобретенных с публичных торгов. В даче владения И.П. Меньщикова «состоит земли: пашни 331 десятина..., а всего удобной и неудобной земли 486 десятин» [110].

Другой крестьянин Марайской волости Федор Прокопьев Меньщиков приобрел в собственность бывший дворянский участок под № 265, состоявший в VIII месте Падеринской волости. Всего земли в этом участке находилось 81 десятина [111].

20 января 1862 г. по совершении купчей крепости в свое вечное и потомственное владение закрепил участок под № 185 размером в 80 десятин в V месте Марайской волости государственный крестьянин из той же волости Ефим Антонович Шорин [112].

В 1866 г. продан с торгов «в присутствии представителя Курганского частного окружного управления участок под № 293. Его владельцем стал крестьянин деревни Лихачи Моревской волости Осип Голубцов. В его владения входили: «пашни 21 десятина, сенокосов 17 десятин, березового леса 16 десятин, мокрого 1 десятина, степи чистой 12 десятин, березового строевого и дровяного лесу 10 десятин, под проселочными дорогами, а всего во всей окружной меже удобной и неудобной земли 80 десятин» [113].

Приведенные выше примеры далеко не исчерпывают всех случаев покупки в частную собственность крестьянами земельных участков на территории Курганского округа. Точное число покупок неизвестно, как неизвестна и общая площадь закрепленных в полную собственность земель. По данным, относящимся уже к началу 1895 г., «в районе Марайской волости земли частных владельцев составляли 1600 десятин. В районе другой волости, Шмаковской, находилось 1010 десятин земли в руках частных землевладельцев, но, кроме того, имелось «48 заимок таких же владельцев с 6 996 десятин земли». А всего в Курганском округе в 1888 г. подобных земель набиралось почти 36 тысяч десятин [114].

На наш взгляд, данные факты крупных покупок земли крестьянами в частную собственность свидетельствуют о развитии модернизационных процессов и их влиянии на крестьянство южнозауральской деревни. С одной стороны, мы можем наблюдать рост социально-экономического расслоения в деревне во второй половине XIX в.; с другой стороны, просматривается замена общинных традиций частнособственническими настроениями и взглядами у определенной части крестьянства.

Общий вывод, который мы можем сделать из вышеизложенного, состоит в следующем. Земля в Южном Зауралье находилась в фактической, но не формально-юридической собственности крестьянских семей, которые вступали в реальные социально-экономические отношения по поводу ее обладания, распоряжения и пользования, а также на социально-психологическом уровне воспринимали в качестве «своей». Такому правосознанию крестьянства способствовали обычное правовые традиции: принципы трудового начала и «старозаимочности», - последний был особенно распространен в южнозауральской общине.

Обратимся теперь к анализу семейных отношений в южнозауральской общине. Проблемы семейных отношений, обычное правовые традиции в крестьянской семье периода разложения феодализма и развития капитализма часто становились предметом изучения дореволюционной и современной историографии [115].

Для исчисления средней численности крестьянской семьи в Южном Зауралье нами использованы данные Переписи 1897 г., а также данные «Списков населенных мест Тобольской губернии». Согласно переписи 1897 г., в Курганском уезде насчитывалось 46 764 самостоятельных крестьянских хозяйств, что дает среднюю численность семьи 5,34 чел. В

Шадринском уезде с 1897 по 1916 гг. мы видим постепенное снижение средней численности семьи с 6,22 до 4,36 чел., что вызвано дроблением крестьянских семей под действием новых социально-экономических условий (процессов модернизации) [116].

В конце XIX в. по-прежнему характер отношений в семье оставался авторитарным: «В домашнем быту мужчина – глава семьи и неограниченный властелин; жена – хотя и хозяйка дома, но полная раба мужа. В трезвом виде муж боится жены, но в пьяном – на жене вымещается все: бьет он ее, чем попало и как попало» [117]. Такой авторитарно-патриархальный тип семьи способствовал сохранению и передаче с минимальными изменениями жестких традиционных норм демографического поведения. Но существовали и «досадные» исключения. В книгах решений волостных судов мы обнаружили довольно большое количество исков, касающихся аморального поведения не только мужа, но и жены.

Из примеров видно, что модернизационные процессы оказывали влияние не только на экономические и правовые отношения в крестьянском обществе, но и воздействовали на такой традиционный институт крестьянского мира, как патриархальная семья, в частности на половое поведение супругов. Многие историки и юристы конца XIX в. указывали на «разлагающее влияние» города на деревню. «Не будучи в состоянии понять этой культуры (городской – С.Ф.) крестьяне, лишь в силу того, что ее источником являются "господа", бросают все свое и обращаются к ней. В результате получается самая безотрадная картина. Семейное начало, столь родное русскому народу, слабеет все более и более, правовые воззрения, выработанные и проверенные веками, забываются; свое родное мировоззрение заменяется совершенно чуждым, наносным... Замечается падение нравов, падение всякого уважения к старине и стремление, хотя внешним образом, походить на носителей так называемой "культуры"... Стремление подражать городскому населению не могло не отразиться на юридическом и семейном быте крестьян» [118]. Видный историк и этнограф конца XIX в. Н.Н. Харузин указывает причины разрушения «крестьянской старины: 1) удобство сообщения деревни с городом, благодаря недавно проложенным дорогам в глухие места уезда; 2) отхожие промыслы; 3) воинская повинность, когда парень, прожив несколько лет далеко от дома, в совершенно новой для него сфере возвращается, по окончании срока службы совершенно новым человеком» [119]. И как результат «с

каждым годом растет стремление крестьян веками выработанную форму общежития, большую семью заменить новой, которая дает и большой простор инициативе отдельного лица и возможность самостоятельного независимого существования... В малой семье по себе каждый зарабатывает, по себе и получает, а коли семья большая, так он ничего себе самому не дождетя... Часто приходится слышать жалобы крестьян на то, что "народ ныне зубастый стал, всякому охота большому быть в дому, оттого и ссоры происходят в семье", а последние доводят сплошь да рядом до совершенного распада большой семьи» [120].

В зауральском деревенском обществе женщины, и особенно девушки, занимали относительно свободное положение: они выполняли важные хозяйственные функции и имели определенные имущественные права (возможность пользоваться доходами от женских промыслов, распорядиться приданым и благоприобретенным имуществом и т.д.) [121].

Приведем примеры, которые подтверждают относительно свободное положение зауральских женщин.

«18 мая 1887 года запасной рядовой села Ялымского Илья Иванов Найданов просит на крестьянскую жену одного с ним села Арину Сергееву Усцелемову, что назад две недели она при жене его корила его, что будто бы он обрил у ее лошадей хвосты, что слышали крестьяне Михаил Подкосов и Василий Подкосов, поэтому и просит с Усцелемовой за оскорбление его поступить по закону. Усцелемова показала, что крестьянка Матрена Иванова Найданова, разговорившись с ней, сказала: "за твой рот у тебя были обриты и кони". На это она и сказала: "значит вы и обрили лошадей, если ты говоришь причину, по которой обрезали у лошадей хвосты". На волостном суде выступили свидетели с той и с другой стороны. "Мы - волостные судьи: принимая во внимание, что свидетели показали, что спор между женой просителя и ответчицей был обоюдным, а самого просителя тут не было, постановили: в жалобе Ильи Иванова Найданова отказать"» [122].

В этот же день в волостном суде было рассмотрено другое исковое заявление. «Крестьянин села Ялымского Аникей Тимофеев Чирков просит на крестьянскую девицу того же села Арину Харитонову Ласкину, что недели две тому назад неизвестно с какого повода при сельском старосте, подняв подол платья, говорила: "вот тебе – ты этого не стоишь", поэтому он просит за оскорбление на нее наложить наказание. Сельский староста

Кузнецов жалобу Чиркова подтвердил. Арина Харитоновна Ласкина показала, что Чиркова она не оскорбляла. Мы, волостные судьи, принимая во внимание показания старосты Кузнецова, постановили: крестьянку Ласкину за оскорбление подвергнуть аресту в каталажной камере волостного правления на трои сутки» [123].

25 апреля 1889 года Глядянский волостной суд рассматривал иск крестьянина села Глядянского Петра Захарова Завьялкова к крестьянской вдове села Глядянского Надежде Ефимовой Замираловой. «Замиралова 2-4 апреля обозвала просителя вором, что подтвердили Иван Степанов Менщиков, Любовь Павлова Менщикова и Авдотья Исакова Завьялкова, поэтому просит наложить на нее наказание на основании 517 ст. XII т. II ч. Волостные судьи, принимая во внимание показания свидетелей, постановили крестьянскую вдову Замиралову за оскорбление подвергнуть аресту в каталажной камере волостного правления на 7 суток» [124].

14 февраля 1889 года крестьянская вдова деревни Полусальской Липа Григорьева Завьялкова предъявила иск крестьянской жене дер. Полусальской Екатерине Тихоновой Завьялковой, отставному рядовому деревни Полусальской Тихону Львову Катайцеву, отставному рядовому села Глядянского Павлу Иванову Менщикову. Завьялкова, Катайцев и Менщиков «нанесли Липе Григорьевой Завьялковой побои днем 10 числа февраля месяца, что видели крестьянин Дмитрий Пустозеров и крестьянский сын Тимофей Завьялков, поэтому и просит наложить на них наказание на основании 518 ст. XII т. II ч.». Свидетели подтвердили показания истицы. Волостной суд, принимая во внимания показания свидетелей, постановил: «отставных рядовых Катайцева и Менщикова подвергнуть аресту на 6 суток, а Завьялкову приговорить к общественным работам на 5 дней». Ответчики 9 марта 1889 г. обжаловали решение волостного суда в вышестоящей инстанции. Однако Курганское окружное по крестьянским делам присутствие обжалование оставило без последствий [125].

Интересно, что зауральские крестьянские женщины подавали судебные жалобы в волостной суд не только на однодеревцев и односельцев, но и на должностных лиц сельской общины.

15 июня 1887 года «крестьянская вдова села Глядянского Татьяна Ларионова Беляшова жалуется на земляных старшин Василия Менщикова, Ермолая Менщикова и Александра Серебрякова, что они несмотря на неоднократные ея прозьбы не наделяют ее хорошей землей наравне с други-

ми. Мы, волостные судьи, принимая во внимание то, что дела об общинном пользовании землей подлежат ведению не волостного суда, а сельского схода постановили: в жалобе Беляшовой на земляных старшин отказать, представив ей право по этому делу просить сельский сход» [126].

22 декабря 1892 года «Крестьянская жена Валентина Иванова Кунгурова деревни Разломайки жалуется на своего сельского старосту, который оскорбил ее на словах. Староста Семен Гладков показал, что Кунгурова развратного поведения, постоянно ночами шляется и буйнит. Кунгурова виновной себя не признает. Волостной суд постановил: за праздничатание и буйство крестьянскую жену Валентину Иванову Кунгурову подвергнуть аресту на 7 суток в каталажной камере волостного правления, в отношении оскорбления на словах в жалобе Кунгуровой по бездоказанности отказать». Кунгурова обжаловала решение волостного суда в Курганском окружном по крестьянским делам присутствии, но эта инстанция оставила решение волостного суда «без последствий» [127].

1 июля 1894 года крестьянская вдова села Ялымского Акулина Григорьева Канашова жалуется на сборщика податей Константина Назарова Паздникова. «В минувшем году Акулина Канашова принесла сборщику податей Константину Паздникову 2 рубля 5 копеек, при этом были свидетели: крестьяне Иван Анофриев и Семен Красилов. Акулина Канашова говорила, что дает 2 рубля 5 копеек, сборщик податей взял деньги не считая, а в податную тетрадь записал 1 рубль 5 копеек. Поэтому Канашова предъявляет иск Паздникову на 1 рубль». Свидетели подтвердили показания истицы. Бывший Ялымский сборщик показал, что получил от Канашовой 1 рубль 5 копеек, а не 2 рубля 5 копеек. Волостной суд, принимая во внимание показания свидетелей, постановил: взыскать с Константина Назарова Паздникова в пользу Акулины Григорьевой Канашовой 1 рубль» [128].

Экономическое и юридическое положение женщины в южнозауральской общине конца XIX–начала XX в. существенно отличалось от положения женщины центральных российских губерний. Женщина нередко вступала в правовые сделки по движимому и недвижимому имуществу, а после смерти мужа часто наследовала значительную часть всего нажитого семейного имущества. Приведем несколько примеров, подтверждающих значительную экономическую самостоятельность женщины в южнозауральской общине.

«11 февраля 1888 года. Мы, нижеподписавшиеся, крестьянин Глядянского волостного правления деревни Межборной Данило Прокопьев Жунин, жена его Ольга Александрова и дети их Авдотья четырех лет и Анна шести месяцев, заключили настоящую сделку между собой в следующем в том, что я, Данило Жунин, чуя приближение смерти, в здравом уме и твердой памяти все свое движимое и недвижимое имущество отдаю в вечное владение жене своей Ольге Александровой и дочерям Авдотье и Анне, а именно: амбар с погребушкой соснового леса, стоящий 5 руб., телегу с колесами – 3 руб., две коровы, одна – 7 руб., а другая – 5 руб., медяник – 1 руб., две сковороды – 21 коп., две иконы – 2 руб., три священных книги: псалтырь, святцы и устав – 4 руб., новый овчинный напольный полушубок – 3 руб., три ветхих шубки – 1 руб. 50 коп., коробушка с сапогами – 50 коп.; кроме этого имущества я отдаю в вечное владение родному сыну своему Федору Данилову Жунину, который в настоящее время находится в военной службе движимое и недвижимое имущество, а именно: избу с сенями соснового леса, стоящую 30 руб., телегу с кованными колесами – 4 руб., лошадь кобылу шерстью бурую – 3 руб., корову шерстью белую – 5 руб., телушку пеструю – 3 руб., икону – 3 руб., священную книгу – 5 руб., весы с гирями – 5 руб., хомут с уздой – 1 руб., две бороны – 1 руб., сошники – 1 руб. 50 коп., два одноствольных ружья – 3 руб., ягу – 1 руб., полушубок, крытый сукном – 1 руб., три чугушки – 50 коп., а всего на сумму 22 руб. 20 коп... Никто из родственников в имущество это вступаться не имеет права; сделку эту с обеих сторон должны хранить свято и нерушимо. При этом были свидетели крестьяне деревни Межборной Иван Николаев Колташов и Иван Игнатьев Осипов» [129].

Женщина выступала в имущественных сделках не только как наследница (как пассивное лицо), но и как самостоятельное активное лицо. «27 сентября 1887 года вдова Глядянской волости и того же села Авдотья Иванова Серебрякова и отставной рядовой деревни Худяковой Гаврила Петров Свинин заключили настоящую сделку, по которой Серебрякова продает Свинину свою избу с постройками за 35 руб.». В этот же день та же Серебрякова покупает за 45 руб. дом в с. Глядянском у отставного рядового Камышевской волости деревни Толстухи Дениса Трофимова Катайцева [130].

Очень часто женщина в зауральской общине выступает как ее полноправный член после смерти своего мужа или сына, владеет выделенным

надельным участком, несет за него различные оброчные статьи. И вследствие этого может выступать в волостном суде как истица и ответчица в различных имущественных спорах.

15 июня 1887 года «крестьянская вдова села Глядянского Татьяна Иларионова Беляшова заявила, что крестьянин деревни Дубровской Василий Петров Менщиков для очистки под пары земли сжег ранее принадлежащую ей солому, лежащую на той земле, скошенную в прошлом году, но не убранную ядрицу в количестве двух овинов на 16 руб., которые и просит взыскать с Менщикова. Василий Петров Менщиков наказал, что на неоднократные требования его убрать с принадлежащей в настоящее время земли ему солому, не убранную в прошлом году Беляшовой, она не убрала, а т.к. ему необходима была земля для спашки под пары, то он, видя негодность ее никуда, сжег солому. Мы, волостные судьи, по случаю нежелания тяжущихся примириться и, имея в виду то, что при молотье хлеба в прошлом году с двух свинов было не более трех кадей на 4 руб. 80 коп. и солома стоит только 75 коп. Всего убытку Беляшовой понесено только, по нашему мнению, на 5 руб. 55 коп., которые Менщиков и обязан уплатить просительнице». Решение это отменено со всеми последствиями предписанием Курганского окружного по крестьянским делам присутствия от 22 августа 1887 г. [131]. Данный пример интересен еще и тем, что здесь налицо конфликт обычного права с официальным. Если волостной суд учитывает затраченный труд истицы и налагает на ответчика возмещение убытков за сожженную солому, то окружное по крестьянским делам присутствие руководствуется, прежде всего, официальной нормой, учитывающей интересы ответчика как собственника данного надела.

Примечательно, что в начале XX века число исковых заявлений в волостных судах от женщин по разным имущественным спорам, гражданским и мелким уголовным проступкам в Южном Зауралье существенно возрастает по сравнению с концом XIX века. Например, в Глядянском волостном суде Курганского уезда в 1894 г. исковые заявления от женщин составляли 5,7% от общего количества заявлений, рассмотренных в суде. В 1895 году этот показатель составил 7%, 1898г. – 10%, 1902 г. – 12%, 1905 г. – 15%, 1907 г. – 14% [132]. Данные цифры свидетельствуют об определенном росте эмансипированности зауральской женщины в крестьянской общине, что, несомненно, связано с углублением модернизационных процессов в нашем крае.

Интересны, на наш взгляд, имущественные споры между престарелыми родителями и их детьми, между «усыновленными» и приймаками и главами семейств.

10 февраля 1893 г. в Глядянском волостном суде рассматривалось исковое заявление крестьянина деревни Разломайской Степана Фролова Затеева к однодеревцу Семену Петрову Художиткову. «Девять лет тому назад Степан Затеев был взят вместо сына крестьянином Семеном Художитковым, в дом которого Затеев принес имущества на 300 рублей, да работал у Художиткова в течение девяти лет, а между тем Художитков в прошлом 1891 году выгнал его из дома и не дал ему ничего из имущества, а потому просит обязать ответчика отделить ему из имеемого в настоящее время имущества: амбар соснового леса, стоящий 20 руб., березового леса – 5 руб., малую избу соснового и березового леса, стоящую 10 руб., баню березового леса, стоящую 3 руб., самовар, стоящий 5 руб., железные подпозыи и 2 прута, стоящие 3 руб., а всего на 46 руб.

Художитков на суде показал, что не желает ничего давать из своего имущества Степану Затееву, т.к. он, уходя и так захватил разного имущества на 89 руб., да ржи 6 десятин, да 1,5 десятины проса. Волостной суд при личном осмотре и через спрос общества крестьян деревни Разломайской постановил: выделить из движимого и недвижимого имущества Семена Петрова Художиткова Степану Фролову Затееву его долю на сумму 38 руб.» [133].

Другое исковое заявление. 18 февраля 1893 г. крестьянин деревни Межборной Георгий Иванов Павлов судится со своим сыном Егором. «Не желая почему-то жить с ним совместно, родной сын ушел от него. Он же (истец) со своей женой по старости пропитывать себя положительно не в состоянии, поэтому просит обязать его сына давать на пропитание три пуда хлеба в муке или деньгами 5 руб., а также, чтобы платил за него все подати и повинности, т.к. платить их в настоящее время он уже не в состоянии. Егор Георгиев Павлов на суде показал, что он согласен кормить отца и мать, если только отец отдаст на него душевой надел в содержание ему. Волостной суд постановил: так как проситель по старости пропитывать себя с женой, действительно, не в состоянии и, кроме того, признавая Егора Павлова виновным в самовольном уходе от отца, так как самовольные разделы запрещаются, обязывает его сойтись для совместного хозяйства, как он на это не согласился, то, следовательно, за самовольный уход

от отца арестовать Егора Павлова в каталажной камере волостного управления на трое суток, обязав его сойтись с отцом, под опасением более строгого взыскания, при этом впредь до того, когда он сойдется с отцом обязать его уплачивать на содержание отца и матери 2,5 пуда муки или деньгами 2 руб. 50 коп.». Ответчик обжаловал данное решение в вышестоящей инстанции, но Курганское окружное по крестьянским делам присутствие оставило жалобу Егора Павлова без последствий [134]. Данный пример наглядно доказывает, что и сельская общинная администрация (волостной суд), и местная коронная (Курганское окружное по крестьянским делам присутствие) препятствовали семейным разделам в Южном Зауралье даже в конце XIX века. На наш взгляд, это связано со стремлением государства сохранить большие семьи в крестьянской общине как основные податные единицы налогообложения, с одной стороны, а с другой – законсервировать традиционные нормы и представления в крестьянской среде, являвшиеся одной из важнейших идеологических опор существовавшего строя [135].

Таким образом, как в российской, так и в зауральской крестьянской семье в конце XIX века господствовали коллективизм и неравенство, общие интересы семьи являлись главенствующими, интересы отдельных членов семьи мало или совсем не принимались. Статус и роль человека строго дифференцировались по полу и возрасту. Семейный авторитаризм в то время носил патриархальный характер: во-первых, он основывался на авторитете самого достойного, по мнению домочадцев, человека, каковым являлся отец или дед; во-вторых, домочадцы не претендовали на власть и права и свое подчинение ему считали нормой, неизбежной и оправданной; в-третьих, домочадцы отождествляли себя с главой семьи и насилие со стороны домохозяина не казалось домочадцам нарушением их прав [136].

Крестьянская семья жила в рамках и под опекой сельской общины, которая по обычному праву могла вмешиваться во внутрисемейные отношения и регулировать их. Сравнивая общину с семьей, мы обнаруживаем между ними столько сходства в принципах организации и функционирования, что семью можно считать общиной в миниатюре. Семья и община органически дополняли друг друга и, естественно, поддерживали друг друга.

Однако появление личной собственности у членов семьи, падение авторитета стариков, ослабление родительской власти, нарушение обычая

ев, запрещающих делиться при жизни родителей, рост индивидуализма среди молодого поколения, его желание освободиться от опеки старших и жить самостоятельно вели к семейным ссорам, что в конце концов приводило к семейным разделам [137]. Малая семья, как более пластичная, была лучше приспособлена к развивающемуся товарному хозяйству, ориентированному на рынок, связанному с неземледельческими занятиями, к колебаниям экономической конъюнктуры [138].

В последней трети XIX–начале XX в. можно говорить о постепенном ослаблении власти главы семьи над домочадцами, мужа над женой и родителей над детьми в среде крестьянства. Также ослабевает возможность социализации молодого поколения в традиционном духе, что выражается, в частности, в асоциальном поведении молодежи: растут случаи пьяного хулиганства, драк, непочтительного отношения к родителям [139].

Эта относительная свобода стереотипов демографического и правового поведения связана также со слабостью регламентирующего влияния официальной церкви, давним знакомством со старообрядческими традициями и наличием мощного полуязыческого пласта в культуре зауральского крестьянства, позволяющего создавать модели правового поведения, отвечающие потребностям и особенностям жизни сельского населения, но далеко не всегда совпадавшими с церковно-догматическими нормами.

2.3 Роль волостных судов в правовой жизни южнозауральского крестьянства во второй половине XIX века

Обратимся теперь к проблеме правового положения крестьян как в общине, так и в целом, в российском государстве. В российском государстве и во второй половине XIX века правовое положение крестьянина характеризуется в первую очередь его юридической обособленностью.

«Крестьянство обладает наименьшей возможностью и способностью усвоения касающихся его законоположений, поэтому оно очень плохо представляет свои права и обязанности по закону, - писал цивилист Н.П. Дружинин. - В правовом отношении крестьянин испытывал значительные трудности, так как собственно крестьянский суд действовал на

основе обычая, а всесословный суд – на основании закона и по другой процедуре, нежели крестьянский суд» [140].

На наш взгляд, расхождению закона и обычая особенно способствовали три обстоятельства. Во-первых, развитие с начала XVIII в. сословного суда вообще и в особенности для представителей городского сословия, которые до той поры вместе подчинялись одному закону и были подведомственны одному суду. Во-вторых, проникновению в деревню новых идей, в том числе юридических, мешали низкий уровень грамотности и языческие верования, которые, по мнению этнографов пореформенного времени, существенно тормозили трансформацию юридических обычаев крестьянства [141]. В-третьих, коронная администрация была заинтересована в правовой обособленности крестьянства от остальных сословий, надеясь таким образом предохранить крестьян от влияния города и сохранить общественный порядок в деревне с помощью традиционных институтов и обычного права. После эмансипации 1861 г. правительство с теми же целями проводило прежнюю политику на правовую обособленность крестьянства, прежде всего, с помощью судебной волостной системы [142].

Волостные крестьянские сословные суды были учреждены в рамках крестьянского общественного управления Положением 19 февраля 1861 года как судебная инстанция крестьянского самоуправления.

18 января 1866 года Александр II утвердил мнение Государственного Совета «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений» [143]. Управление государственными крестьянами передавалось «ведению общих губернских и уездных управлений, а также местным по крестьянским делам учреждений». В селениях государственных крестьян образовывались «сельские общества и волости», избирались лица волостного управления, учреждались волостные суды.

Преобразования «общественного устройства и управления» государственных крестьян по реформе 18 января 1866 года в начале 70-х годов XIX века охватывали и сибирские губернии. Так, министр государственных имуществ 14 декабря 1872 года, выполняя распоряжение Государственного Совета о рассмотрении возможности применения закона 18 января 1866 года в Сибири, просил генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири «доставить их заключения по вопросу о том, в какой сте-

пени преобразования общественного управления государственных крестьян может быть применено к управлению государственными крестьянами в Сибири» [144]. 27 ноября 1879 года император Александр II утвердил закон «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири» [145]. Основной задачей закона было «образовать сельские общества и волости, а равно общественное сельское и волостное управление на основаниях, изложенных в "Общем Положении о крестьянах 19 февраля 1861 года"».

Согласно реформе 18 января 1866 года, государственные крестьяне получали одинаковые с прочим сельским населением права по общественному устройству и управлению. Управление государственными крестьянами передавалось ведению общих губернских и уездных управлений, а также местным по крестьянским делам учреждениям. Так, министр государственных имуществ 7 июня 1866 года сообщал, что Пермской палате государственных имуществ предписано «немедленно приступить к передаче государственных крестьян в ведение общих учреждений, за исключением производящихся о сих крестьянах дел, о коих последует особое распоряжение» [146]. В селениях государственных крестьян избирались лица волостного управления, учреждались волостные суды. Так, Шадринский уездный исправник и чиновник особых поручений Палаты государственных имуществ Албычев в 1866 году докладывал пермскому губернатору «о распределении селений государственных крестьян между мировыми участками и об образовании новых участков». В Шадринском уезде в 1866 году было образовано 4 мировых участка с населением 93666 человек [147]. Генерал-губернатор Западной Сибири 3 ноября 1867 года отмечал, что в связи с проводимой реформой 18 января 1866 года, часть положений распространяется и на Западную Сибирь, хотя мировые учреждения, на которые возлагалось проведение данных положений в крае, «до настоящего времени не введены и потому в применении на практике положения могут встретиться неизбежные затруднения» [148].

Более подробно, на наш взгляд, следует остановиться на волостной судебной системе, так как именно в решениях волостного суда отразились и юридические воззрения крестьянства, и влияние обычного права на эти воззрения, а также фиксировались наиболее распространенные правонарушения, мелкие уголовные преступления и имущественные споры и тяжбы в крестьянской среде, в том числе, и в южнозауральском регионе.

Состав волостных судей формировался выборами из крестьян волости на волостных и сельских сходах. Компетенцией сословных волостных судов являлся разбор тяжб со стоимостью иска до 100 рублей и наказание крестьян за незначительные проступки. Сословность суда, по замыслу законодателей, должна была, во-первых, оградить крестьянство от вмешательства коронной администрации в решение мелких крестьянских тяжб и конфликтов, во-вторых, подготовить крестьян к участию во сословных органах управления через реализацию в деятельности крестьянского самоуправления принципов выборности и гласности. Волостные суды учреждались временно, до реформы всей системы судопроизводства, однако просуществовали сословные крестьянские суды до мая 1917 года.

В отечественной историографии дореволюционного времени проблеме изучения волостных судов уделялось немало внимания [149].

Среди современных исследований необходимо отметить работы П.Н. Зырянова, Т.А. Тарабановой, О.Н. Богатыревой, Е.Ю. Апкариковой, С.В. Голиковой и др. [150].

Вопрос об учреждении волостных судов был поставлен и решен Редакционными комиссиями. Редакционные комиссии сформулировали и основные принципы организации и деятельности волостных судов. Это выборность волостных судей, разбор крестьянских исков «словесным порядком» на основе существующего в данной местности обычая, независимость суда от административной власти. Фактически волостные суды, по замыслу законодателей, должны были соединить в себе элементы традиционно существовавшего «домашнего», или «обычного», крестьянского суда и волостных расправ государственных крестьян. Множество вопросов, связанных с процедурой выборов судей и судопроизводством, предполагалось отдать на усмотрение волостных сходов.

По Положению от 19 февраля 1861 г. волостные судьи избирались из крестьян на волостном сходе в количестве от 4 до 12 человек, срок избрания ограничивался одним годом. Предусматривалось поочередное (непостоянное в течение всего срока) исполнение судейских обязанностей крестьянами, причем обновлять можно было не более половины состава суда (это должно было обеспечить преемственность, повысить компетентность судей крестьян).

На время выполнения обязанностей волостного судьи крестьянин освобождался от телесных наказаний и натуральных повинностей, они

распределялись среди других членов сельского общества. Жалованье волостным судьям могло быть назначено по решению волостного схода из «мирских сумм».

Формально процедурные аспекты деятельности волостных судов не были оговорены законом, за исключением следующего: разбор иска должны были производить не менее трех судей, суд должен был заседать раз в две недели, волостные судьи обязаны были предложить тяжущимся окончить дело примирением до вынесения решения, волостной старшина и сельский староста не имели права присутствовать на заседании волостного суда (хотя очень часто староста выступал на суде в качестве свидетеля), ответственность за исполнение решения волостного суда возлагалась на волостного старшину.

Закон не определял порядка предварительного дознания по делу – выяснение обстоятельств происшедшего брали на себя сельские старосты и волостные старшины, они же и излагали суть жалобы волостному суду, навязывая свое понимание дела. Такое дознание было традиционным и шло еще из времен существования сельской расправы. Примером крестьянского расследования может быть приговор Кислянской сельской расправы: «Деревни Могильной крестьянская вдова Наталья Степанова Калетина, явясь в сельскую Расправу, словесно предъявила, что ... из амбара ея покрадено пшеницы примерно 10 пудов на 5 руб. серебром. Какую кражу свидетельствовали староста той же деревни Косьма Сидельников, крестьяне Степан Калетин и Петр Фролов, и оказалось, что значится от амбара след дровней и по нему насыпаны зерна пшеничные, след этот с зернами значится до дома крестьянина той же деревни Мирона Федорова Мухортикова; и около двора его так же насыпаны зерна пшеничные». Свидетель крестьянин Тимофей Вохминцев «видел его Мирона Мухортикова, что он ночами зарывал в снег насыпанные около его дома зернья», таким образом, в этом деле Тимофей Вохминцев был свидетелем – очевидцем «видаком». «Против дома его Мухортикова, близ дома Андрея Воронина найдено той самой покраденной пшеницы в двух холщовых мешках»... «По сличению дровней Мирона Мухортикова со следами на снегу, оные совершенно были сходными». На основании всех улик и показаний свидетелей Мирона Мухортикова, хотя и несознавшегося в краже хлеба, приговорили: «наказать розгами дав пятнадцать ударов... и прика-

зять ему украденный хлеб возвратить ... а в случае неимения оного уплатить деньгами» [151].

Сами выборы волостных судей, возможность назначения им вознаграждения за судейство фактически попадали под контроль волостной администрации.

Вместе с тем нельзя не отметить, что закон вводил начала самоуправления в решение конфликтов и спорных вопросов, провозглашал прогрессивный принцип выборности при формировании состава волостных судов.

Интересно отношение крестьян к должности волостного судьи. Из опросов крестьян центральных российских губерний комиссией по преобразованию волостных судов в 70-х годах XIX века очевидно, что престижной должность волостного судьи не считалась. Престижной считалась такая должность, которая хорошо оплачивалась либо гарантировала привилегии. Судейство не обеспечивало ни того, ни другого [152]. Вполне вероятно, что такая же ситуация наблюдалась и в Южном Зауралье в конце XIX века. Что доказывается хотя бы ежегодной сменой состава волостных судей на протяжении 80-90-х годов XIX века в Глядянском волостном суде [153]. Кроме того, был велик риск для судей нажать недругов среди соседей или в лице старосты и старшины, если постановлялось решение, негодное кому-либо из них. В результате в подавляющем большинстве волостей крестьяне отвечали, что они «в судьи идут неохотно», а к самой должности относятся как к «тяжелой повинности» (следует отметить, что всякая безвозмездная служба обществу считалась у крестьян натуральной повинностью) [154].

Отношение к судейству как к повинности неизбежно превращало выборы судей в формальность, прикрывавшую расклад судейской повинности по очереди «селений и дворов». Весьма образно об этом высказались крестьяне одной из волостей Тамбовской губернии: «В судьи сдают, точно в солдаты» [155]. Двойственность подхода крестьян к выборам судей предопределялась отсутствием средств у волости на жалование судьям, т.е. тем, что функционирование системы самоуправления оплачивалась из средств самих крестьян.

Важной и характерной особенностью волостного суда была неграмотность крестьян-судей большей своей частью. Неграмотность крестьян-судей была одной из основных причин вмешательства в судопроизводство

писаря и волостного старшины, поскольку судьи не могли проконтролировать, какое решение выносит в книгу решений суда писарь. Нередко писарь заставлял судей изменить постановление, объявляя решение суда незаконным (проверить его соответствие закону судьи по неграмотности не могли). Кроме того, поочередное исполнение обязанностей волостного судьи приводило к тому, что многие судьи принимали участие лишь в нескольких заседаниях за весь срок избрания, не успевали освоиться со своими обязанностями и вынуждены были обращаться к помощи волостного старшины или писаря, что нередко оборачивалось различными злоупотреблениями, подчинению волостного суда местной администрации. В приговорах Глядянского волостного схода за 1892 год мы обнаружили размеры жалования волостного старшины и писаря. Приведем этот документ дословно. «Приговор Глядянского волостного схода Курганского округа октября 4 дня 1892 года. Жалование служащему в настоящее время волостному писарю мы оставляем в старой силе – т.е. 500 рублей в год. Что же касается до волостного старшины, то производить ему жалование 60 руб. в год, т.е. по 5 руб. в месяц». Далее идут подписи членов волостного схода. Всего 78 подписей [156]. К сожалению, нам не удалось найти в источниках размер жалования волостного судьи в нашем крае. Однако есть данные о жаловании волостных судей центральных губерний России. В трудах комиссии по преобразованию волостных судов приводятся следующие цифры: «жалование получали 30% волостных судей (его размер колебался от 5 до 96 рублей в год); 29% волостных судей были освобождены от натуральных повинностей (около полутора рублей в год); 41% судей не получали никакого вознаграждения» [157].

Теперь рассмотрим судопроизводство волостных судов. Основные стадии исков в волостных судах могут быть перечислены в следующем порядке: 1) подача жалоб и исков, предварительное выяснение обстоятельств дела, вызов свидетелей и тяжущихся на заседание суда; 2) судоговорение (опрос тяжущихся и свидетелей, обязательная процедура примирения сторон); 3) постановление решения судьями и его оглашение; 4) приведение решения в исполнение; 5) обжалование постановлений волостных судов.

Крестьяне подавали жалобы и иски, подлежащие разбору через волостных судей, волостному старшине, сельскому старосте в устной форме, письменные иски были редкостью.

Подавая иск в волостной суд, крестьянин должен был сам представить все необходимые доказательства вины ответчика и подтвердить их (явный признак действия обычного права на волостном суде). Жалоба без доказательств («неправильная», «несправедливая») расценивалась как клевета, подавший такую жалобу мог быть оштрафован или наказан розгами.

Истец и ответчик, как правило, обязаны были лично участвовать в заседании волостного суда, практика ведения дел через поверенных дала плачевные результаты: поверенными по крестьянским делам в волостных судах оказывались «большею частью бывшие чиновники, выключенные из службы или оставшиеся за штатом, народ нетрезвый и малонадежный» [158]. Такие поверенные не знали особенностей хозяйственного уклада крестьянской жизни, системы ценностей крестьянского мира, их единственной целью была нажива за счет тяжущихся.

Интересен пример из записок Тобольского губернатора В.А. Троицкого. Губернатор вспоминает, что в связи с неурожаем 1891 года в Тобольской губернии участились прошения крестьян к коронной администрации о материальной помощи. «Массу денег отнимали у крестьян адвокаты из ссыльных. Пользуясь волнением и суматохой, они установили таксу на прошения и подбивали крестьян подавать всем прошения, уверяя, что кто не подаст прошения, тот не получит пособия. Прощения на имя губернатора писали за 1 рубль, на имя графа Кутайсова (ревизора) за 3 рубля, а на высочайшее имя за 10 рублей. За все время я не подсчитывал, но за восемь дней моего пребывания в Кургане на мое имя подано 400 прошений, а на имя Кутайсова 300, итого 1300 рублей выброшенных денег» [159].

В делах о потравах, в межевых спорах, исках по раскладу повинностей часто одной из сторон выступало все сельское общество, в таких случаях интересы общества могли представлять сельский староста, специально выбранные «доверенные» или крестьяне – выборщики, представлявшие данное общество на волостном сходе или на волостном суде.

Волостные суды практиковали и заочные решения (неявка ответчика признавалась доказательством его вины и решение постановлялось в пользу истца). Также если истец не являлся в суд без уважительной причины, то его жалоба не рассматривалась и считалась недействительной.

Заседания волостных судов, как правило, были открытыми для посторонних, «густая толпа народа» в сенях волостного правления во время

разбора тяжб была обычным явлением. Гласность заседаний волостного суда имела корни в укладе жизни, обычаях крестьян: судили и судились люди, связанные родственными и хозяйственными отношениями, поэтому присутствие односельчан при разборе дел было определенной гарантией объективности.

При вынесении решения по иску волостные судьи учитывали обстоятельства дела, показания свидетелей (в волостных судах свидетельскими показаниями можно было подтверждать даже денежные иски), а также репутацию тяжущихся.

При противоречивых показаниях свидетелей судьи предлагали им (тяжущимся) перекреститься перед иконой и взять свои показания «на совесть»; в таком случае лжесвидетельствование ложилось грехом на душу, и ответственность за это человек нес перед Богом. Такой обычай крестьяне называли «божбой», возник он еще в древности, но был достаточно распространен и во второй половине XIX века: «божба» практиковалась в качестве доказательства или примирения сторон, причем «божба от хорошего человека» вызывала безусловное доверие судей.

16 марта 1893 года Глядянский волостной суд отклонил просьбу ответчика в отводе свидетелей «на том основании, что как проситель, так и свидетели раскольники». Просьбу ответчика суд нашел неуважительной [160].

Еще более широко был распространен такой архаичный способ решения тяжб, как обычай «грех пополам», когда взыскивали половину указанной в иске суммы по той только причине, что не было ясных доказательств в пользу кого-либо из тяжущихся. Иногда судьи–крестьяне, поставленные в тупик показаниями тяжущихся и свидетелей, виновного определяли жребием [161]. Однако, на наш взгляд, примеры такого действия обычного права характерны только для начального периода существования волостных судов, т.е. для 60-70-х годов XIX века. В решениях волостных судов Курганского уезда 80-90-х годов XIX века мы нашли лишь несколько примеров приговора по обычаю «грех пополам» и не обнаружили ни одного решения суда по жребию [162].

Решения волостных судов за 1862-1872 гг., содержащиеся в «Трудах» комиссии, фиксируют некий рубеж в юридических представлениях крестьян: включаясь в новые формы производственной и коммерческой деятельности, крестьяне осознают архаичность норм обычного права, запрящают «божбу», критически относятся к обычаю «грех пополам», отка-

зываются от жребия, все большее распространение в волостных судах получают письменные документы, особенно в денежных и имущественных тяжбах [163].

Деятельность волостных судов регулировала целый спектр взаимоотношений внутри крестьянского мира (межличностные и хозяйственные отношения крестьян одного сельского общества, между членами разных сельских обществ) суд разрешал тяжбы, сторонами в которых выступали сельские общества как единое целое; волостной суд защищал отдельных крестьян–домохозяев от непомерных притязаний всего сельского общества и наоборот; рассматривал жалобы купцов, мещан, духовенства на крестьян волости; выступал арбитром между требованиями волостной и сельской администрации и интересами сельского общества, отдельных крестьян.

В волостном суде не существовало строгой взаимосвязи между проступком и мерой наказания; судьи определяли наказание «смотря по человеку», т.е. учитывали репутацию крестьянина (умеет ли он вести хозяйство, не был ли замечен в предосудительных поступках ранее, не имеет ли задолженности по платежам, не пьянствует ли и т.д.).

Положение 19 февраля 1861 года разрешало применение в волостных судах телесных наказаний, штрафа, ареста и общественных работ. Наиболее распространенным видом наказания в волостных судах Южного Зауралья в 80-90-е годы XIX века было наказание розгами. Однако уже в начале XX века (1900–1910–е годы) данный вид наказания уступает место штрафам и содержанию под арестом.

Первоначальное подавляющее преобладание в волостных судах телесных наказаний объясняется несколькими причинами: наказание розгами было нормой обычного права и существовало издревле. Только розга являлась наказанием непосредственным для провинившегося (штраф ложился бременем на все семейство, арест провинившегося увеличивал трудовую нагрузку его домочадцев). Главной же причиной длительного сохранения телесных наказаний являлся низкий уровень жизни пореформенного крестьянства. Взыскивать штраф было не из чего, а арест почитался отдыхом, настолько тяжела была крестьянская доля. Общественные работы не имели распространения, т.к. к наказанным приходилось приставлять караульных (иначе они не работали), а это оборачивалось еще одной натуральной повинностью.

Вместо «особых присутствий» учреждались «окружные по крестьянским делам Присутствия», в которые входили все «состоящие в округе чиновники по крестьянским делам, исправник, а если оно собирается в городе, то и окружной судья». Председательствовал в Присутствии «один из чиновников по крестьянским делам, по назначению Губернатора». Чиновники по крестьянским делам пользовались всеми правами государственной службы, а их число в каждом округе «определялось постановлением Губернского Совета». Таким образом, новые органы объединили в своем лице административную и судебную власть, существенно контролировавшую крестьянское самоуправление в Южном Зауралье.

12 июля 1889 года было утверждено «Положение о земских участковых начальниках» [164]. По данному положению земский начальник осуществлял «надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления», а также ревизию этих учреждений. На земского начальника возлагался надзор за состоянием мирских капиталов, утверждение приговоров сельских сходов, за сельскими и волостными судосберегательными кассами, «попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании крестьян». Подчинялся земский начальник непосредственному губернатору и губернскому присутствию. На должности земских начальников могли быть назначены только «потомственные дворяне».

2 июня 1898 года было опубликовано «Временное Положение о Крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» [165]. Согласно этому положению упразднялись «должности чиновников по крестьянским делам», а все обязанности по «общественному управлению сельских обывателей возлагались на крестьянских начальников, которые были обязаны постоянно проживать «в пределах своего участка». Назначение и увольнение крестьянских начальников зависело от решения министра внутренних дел. Крестьянский начальник должен был иметь высшее или среднее образование или «выдержать соответственное испытание». Крестьянский начальник должен был исполнять «все обязанности, которые по закону лежат на Мирowych посредниках». Сюда, прежде всего, относился «надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления», а во время отсутствия на месте уездного исправника или станового пристава – надзор «за действиями волостных старшин и сельских старост по охранению собственного поряд-

ка». Кроме того, крестьянский начальник имел право рассматривать все приговоры, постановляемые волостными и сельскими сходами, остановить исполнение приговора, представив его вместе со своим заключением на рассмотрение Уездного съезда крестьянских начальников. На крестьянского начальника возлагался надзор за состоянием мирских капиталов, разбор превышавших «подсудность Волостных Судов споров на сумму не свыше 2 тысяч рублей». Одной из важных функций крестьянского начальника был «надзор за Волостными Судами и рассмотрение их решений и приговоров». Он имел право представлять жалобы на решения волостного суда уездному съезду крестьянских начальников, чьи решения «почитаются окончательными и подлежат исполнению», производить ревизию не менее одного раза в год «каждого из состоящих в его участке Волостных судов». После введения в действие данного «Положения...», обязанности окружных по крестьянским делам присутствий в Тобольской губернии возлагалась на «Уездные Съезды Крестьянских начальников».

В то же время все проводимые административные реформы в области крестьянского самоуправления очень часто не давали желаемых результатов.

Нами проведена статистическая выборка, которая позволяет сделать определенные выводы. В 1890 г. процент обжалований южнозавуральскими крестьянами решений волостного суда в вышестоящей инстанции был довольно низок. На наш взгляд, это связано с рядом причин: высоким доверием крестьян к «своему суду» и недоверием к государственным чиновникам, с затратами для поездки в уездные города, с определенной чиновничьей волокитой (некоторые решения Окружного по крестьянским делам присутствия доходили до волостного суда через 1-1,5 года), стремлением оставить вышестоящей инстанцией решение нижней в прежнем виде, наконец, опасением крестьян нажить себе недругов в лице сельской администрации. Однако уже спустя 6 лет к 1895 году каждое четвертое решение волостного суда обжаловалось тяжущимся в Окружном по крестьянским делам присутствии. Конечно, увеличение обжалований могло быть вызвано целым комплексом социально-экономических, демографических и других причин. В то же время, на наш взгляд, в данном случае определенную роль сыграли и модернизационные процессы, происходившие в Южном Зауралье и повлиявшие на развитие правовой культуры

в крестьянской среде, на стремление крестьянства выйти из-под юрисдикции обычного права в сферу права нормативно-официального.

Таким образом, община Южного Зауралья в конце XIX–начале XX в. имела ряд экономических, социальных и правовых особенностей, отличавших ее от общины великороссийской.

Существенной особенностью южнозауральской крестьянской общины рассматриваемого периода с социальной точки зрения являлся миграционно-колониционный характер ее формирования и развития. Основную массу крестьянской южнозауральской общины составляли государственные крестьяне, которых условно можно разделить на две социальные категории: крестьяне–старожилы и крестьяне–поселенцы. Взаимоотношения между переселенцами и старожилами с юридически-правовой точки зрения не были идиллическими и дружественными. Скорее, наоборот, эти взаимоотношения носили достаточно острый конфликтный характер, так как с увеличением количества переселенцев у старожилов возникала нехватка земель. Появлялись люди, обделенные земельными наделами и со стороны старожилов, и со стороны переселенцев. Отсюда и расслоение крестьян в западносибирской деревне, и стремление закрепить в свою собственность личные наделы, и разрушение «духовных скреп» зауральской общины, и рост преступности в крестьянской среде.

В экономическом плане землевладение в южнозауральской общине имело так называемый «старожильский», «заимочный» характер. Относительное богатство земельных угодий позволяло крестьянам–общинникам захватывать довольно большие участки земли (от 15 до 21 десятины) и «владеть» ими в течение довольно длительного времени. А в собственности богатых зауральских крестьян уже в 60-70-х гг. XIX века находились огромные земельные пространства (330 десятин и более). Относительное земельное богатство избавляло зауральскую общину от таких существенных недостатков великорусской общины, как чересполосица и частые переделы. «Старозаимочный» характер пользования земельным наделом в значительной мере обуславливал взгляды зауральских крестьян на землю как на свою собственность. Конечно, юридическим собственником земли в Сибири было государство, казна, что неоднократно подчеркивалось в законодательных актах. Но те же акты устанавливали чрезвычайно широкие рамки крестьянского землевладения, регламентируя лишь частично сферу распоряжения (запрет на отчуждение и заклад земли). Однако вне

законодательной регламентации оставались целые важнейшие сферы крестьянского землевладения (наследование, аренда, мена земель, порядок раскладки податей и повинностей и т.д.), а также в значительной мере и семейные отношения, которые регулировалось обычноправовыми нормами.

После отмены крепостного права в России положения реформы 1861 г. были распространены на государственную деревню Урала в 1866 г. В Западной Сибири закон «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче их в ведение общих по крестьянским делам учреждений» был введен в действие в 1879 г. Вопросы же по земельному устройству и налогообложения казенных крестьян Западной Сибири начали решаться лишь на втором этапе реформ в 1896-1898 гг. [166]. Реформы затронули и систему общественного самоуправления зауральской крестьянской общины, в том числе и волостные суды, являвшиеся одним из низовых звеньев в юридическом быте крестьянина.

В волостных судах Южного Зауралья (как и в России) присутствовало две тенденции: обычноправовая и официально-нормативная, которые в юридическом мировоззрении крестьянства были противопоставлены друг другу. Однако с развитием модернизационных процессов все большее число крестьян отдавало предпочтение волостному суду перед «деревенским» и коронному суду перед волостным.

«Важнейшими чертами общественного сознания зауральского государственного крестьянина следует считать стремление свободно распоряжаться своей личностью, землей, хозяйством, результатами своего труда, выбирать место жительства, передвигаться по территории страны. Характерным для крестьянской психологии являлось уважительное отношение к труду, к земле, к семье и старшим, к общине, к грамотности, просвещению, желание добиться большей социальной защищенности в обществе» [167]. Это сознание и психология во многом обусловили юридическое мировоззрение и правовые традиции в крестьянской среде Южного Зауралья, основанные в значительной мере на обычном праве. Но важнейшие социально-экономические, политические и культурные изменения, происходившие в России в конце XIX–начале XX века, в значительной мере повлияли на трансформацию юридических взглядов крестьянства, в том числе и южнозауральского.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

3.1 Переселенческое движение и южнозауральская община в начале XX века

Известный историк И.В. Побережников отмечает, что нормативные системы играют существенную роль в развитии процессов модернизации. Нормативные системы – это разнообразные, созданные человечеством регулятивные системы (нормативные предписания, социальные стереотипные ценностные установки, традиции, обычаи, образцы производственной деятельности, образцы поведения, речи, мышления и т.д.), которые вмешиваются в ход исторического процесса. Законодательные административные институты создают правила человеческой жизнедеятельности (законы, инструкции и т.д.), которые могут оказывать воздействие как на все общество, так и на определенные его сегменты, изменяя природу власти и социальных отношений, перераспределяя права и обязанности, влияя на ценности, поведенческие установки, жизненные стили, приемы адаптации, институционализированные модели и практики партнерства. Правовая система выступает в качестве вездесущего инструмента социальных изменений благодаря непрерывным процессам регулирования, дерегулирования, выборочного принуждения [1].

Реформы 1860-х гг., в основном сохранив традиционное общинное устройство крестьян, внесли в него и много нового. Они превратили общину из института обычного права в институт государственного права, в административную ячейку государственного управления, дали ей статус крестьянской сословной корпорации с правом юридического лица, регламентировали ее деятельность юридически и поставили под контроль администрации.

Традиционные взгляды изменялись до такой степени, что крестьяне перестали считать, что большинство всегда право. Меньшинство стало жаловаться властям на большинство в тех случаях, когда для принятия решения закон требовал квалифицированного большинства в две трети, а оно принималось простым большинством. И власти шли навстречу мень-

шинству и отменяли незаконные решения, принятые большинством. Так закон вытеснял обычай [2].

Н.Я. Новомбергский писал о сибирской общине: «скитальчество по отхожим заработкам, капитализация земледельческих занятий, всеобщая воинская повинность подтачивает мало–помалу свежесть пасторального взгляда деревенского обывателя. Все городское или вываренное в котле новых экономических отношений становится как бы правым и все, на чем лежит еще печать семейно-общинного суверенитета, почитается несправедливым» [3].

Община перестала быть самодостаточной организацией. Хотя община и продолжала играть роль хранителя справедливости и традиции, но с гораздо меньшим успехом, чем прежде. Ее неспособность обеспечить всем своим членам достойное существование и помощь в тяжелой ситуации приводила к тому, что многие крестьяне теряли веру в общинный строй жизни как единственно возможный или лучший.

Важной составляющей модернизационных процессов является урбанизация. «Город рассматривается историками как активный и динамичный фактор развития в процессе перехода от традиционного аграрного общества к современному, индустриальному как фактору формирования и развития своеобразной российской цивилизации» [4].

Многие историки отмечали «разлагающее влияние» городской культуры на сельскую в конце XIX–начале XX века. Это проявлялось в падении нравственности, дисциплины, в неуважении к родителям, участвовавших семейных разделах, росте пьянства, ослаблении уважения к церкви и религии, в «щегольстве», т.е. в стремлении заменить традиционную крестьянскую одежду городской, следовать городской моде [5]. Под влиянием отходничества крестьянство знакомилось с ценностями и стилем поведения светских, секулярных людей, и это постепенно оказывало влияние не только на их материальный быт, но и на их менталитет [6].

В результате реформ 1860-х гг. система ценностей крестьянства и городских низов, в том числе и правовая, переживала трансформацию, в их поведении, менталитете наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма.

Изменение традиционного и формирование нового менталитета происходили, с одной стороны, стихийно, под влиянием новых условий жизни, с другой стороны, образованное общество и правительство наме-

ренно принимали разнообразные меры (создавали клубы, общества трезвости, читальни, народные библиотеки и т.п.), чтобы изменить традиционное мировоззрение народа [7].

Если мы обратимся к региональному уровню (Южному Зауралью) и модернизационным процессам, происходившим в нем, то обнаружим, что модернизация региональная соответствовала модернизации, происходившей в общероссийском масштабе. Хотя, несомненно, модернизационные процессы, протекавшие в Южном Зауралье, имели свои особенности и отличия. Например, в технологическом плане большое значение для данного региона имело строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, которая связала Южное Зауралье с уральским, европейским и мировым рынками. Город Курган стал крупнейшим транзитным центром и потребителем Южного Зауралья. Активный выход на важнейшие российские рынки говорит о том, что Южное Зауралье становилось полноценным элементом всероссийского и через него – мирового капиталистического рынка. В экономическом плане в конце XIX–начале XX века регион активно втягивался в товарно-денежные и рыночные отношения со всеми вытекающими последствиями: расслоением крестьянства, разорением его значительной части, развитием кооперативного движения в крестьянской среде (Союз сибирских маслодельных артелей).

Социальные отношения в Южном Зауралье также подверглись существенной трансформации. Во-первых, в данном регионе значительно возросла социальная мобильность, чему в немалой степени способствовало переселенческое движение. Во-вторых, это же движение вместе со столыпинскими реформами, проводимыми в Южном Зауралье, способствовало росту частного землевладения. В-третьих, в южнозауральской общине разрушаются традиционные корпоративные отношения, что было связано с развитием отходничества. Рынок рабочей силы сложно поддается изучению вследствие отсутствия надежных статистических источников. Оценить даже приблизительно количество уходящих на заработки невозможно: по минимальным подсчетам в Курганском уезде только на строительных и дорожных работах в 1911 г. было занято 11 973 человека, в Шадринском в том же году в отход ушло 22 092 человека [8].

В семейных отношениях все большую роль начинает играть малая семья, наблюдается определенная эмансипация женщины, ослабевает влияние стариков, молодежь становится все более независимой.

В культурной сфере Южного Зауралья происходит падение авторитета церкви и определенная секуляризация крестьянского сословия.

Правовое поведение крестьянства в конце XIX–начале XX века также подвергается трансформации. Обычное право в зауральской деревне хотя и не полностью, но изживает себя, и уже в значительной мере заменяется официально-нормативным правом. Об этом свидетельствует архивный материал: в начале XX века в волостных судах Курганского и Шадринского уездов заметно увеличилось количество гражданских и уголовных дел. А сами волостные судьи руководствуются при рассмотрении дел в большей степени уже не обычнорядовыми нормами, а официальным законодательством.

Одним из результатов модернизационных процессов, происходивших в Южном Зауралье, был рост пьянства и увеличение преступности среди крестьянского населения.

Рассмотрим более подробно вышеописанные явления и процессы, которые совершались в Южном Зауралье в конце XIX–начале XX века.

Как уже отмечалось выше, одной из составляющих модернизационных процессов является социальная мобильность населения. На наш взгляд, разновидностью социальной мобильности является переселенческое движение из центральных районов России в Сибирь и на Дальний Восток. Примечательно, что в конце XIX–начале XX века переселенческое движение было взято под контроль и направлялось государством, впрочем, как и многие другие составляющие модернизационного процесса.

Процесс заселения Южного Зауралья к началу XX века имел более чем четырехсотлетнюю историю, и в рассматриваемый период регион был достаточно освоенным. Сравнительная заселенность края привела к тому, что в конце XIX–начале XX века основной поток переселенцев устремился, минуя зауральскую территорию, дальше на Восток, в слабоосвоенные и редкозаселенные районы Сибири [9].

В то же время статистические источники фиксировали только «официально зарегистрированных переселенцев», не учитывая самовольных, которых наблюдалось в нашем регионе довольно много. Об этом свидетельствует распоряжение Тобольского губернатора Н.Л. Гондатти уездным исправникам «О запрещении самовольного заселения переселенцами казенных земель от 14 августа 1908 г.».

«Из поступивших ко мне переписок о самовольном заселении переселенцами казенных земель усматривается, что чины лесного ведомства и полиции узнают о случаях такого захвата земель не в самый момент его, а гораздо позже, а именно после того, как переселенцы уже успели построить более прочные шалаши и даже деревянные срубы, расчистить пашни, обсеять и прочее, когда мерами полиции выдворить их с занятого места нет уже никакой возможности. Между тем, если бы случаи самовольного захвата переселенцами казенных земель были обнаруживаемы своевременно, то при содействии полиции было бы нетрудно воспрепятствовать им устраиваться на захваченных землях. Пока переселенцы крепко не устроились на захваченном месте, пока они не вложили в устройство его своих трудов и средств, они не стали бы с такой энергией отстаивать захваченную землю и их можно было бы местными силами выдворить отсюда, систематически препятствуя им устраиваться на этой земле... Я предлагаю содействовать чинам лесного ведомства при недопущении переселенцев к самовольному водворению на казенных землях. Такие же меры должны вами приниматься в отношении переселенцев, захватывающих земли, находящихся в пользовании крестьян» [10]. Интересен рассказ депутата Государственной Думы Н. Скалозубова по данной проблеме. «Был у меня ходок от 55 семей самовольных переселенцев из Курганского уезда Тобольской губернии. Два–три года назад они образовали поселок на казенной земле, правда, взятой в аренду не у Управления государственных имуществ, а у первого арендатора. В прошлом году этот участок зачислен в переселенческий, пришли переселенцы новые и заставили их убраться с этого места. Сносятся постройки, потерян труд, положенный на разработку степи. Ходок от имени однодеревцев ходатайствовал перед переселенческим управлением о предоставлении им участка. Получил ответ, что по закону все переселившиеся без установленных документов, самовольные переселенцы устраиваются на переселенческих участках в последнюю очередь в том случае, если останутся свободные земли по удовлетворении всех прибывших по ходаческим и проходным свидетельствам» [11].

Зауральские крестьяне не приветствовали переселенческое движение по ряду причин. Одной из главных причин являлась нехватка земли. «Прежде, когда в Сибирь народ шел постепенно, пришлым легко было приписаться к какому–нибудь обществу. Ныне (1909 г. – С.Ф.) старожилы

отказываются принимать новоселов». И в самом деле, если бы старожилы принимали пришельцев, то при землеустройстве пришлось всего бы по три десятины... Закон 1896 года о землеустройстве старожилов оберегал интересы крестьян, определял норму надела в 15 десятин, признавал наличие неудобных земель, которые в счет надела не вводились, а просто прирезались сверх нормы. Но с тех пор, как в Сибирь стали направлять сотни тысяч переселенцев, закон 1896 года о землеустройстве крестьян–старожилов оказался неудобным, он ставил слишком много препятствий для осуществления новой переселенческой политики.

Затем нарушается неприкосновенность прежних наделов, утвержденных министром, генерал-губернатором или казенной палатой. Чинам землеустроительных партий предоставляется широкое право определять в каждом частном случае норму надела, исходя не из 15–десятинной нормы (эта норма давно на практике была сужена), не из размера существующего землепользования, а из соображений о качестве почвы и местных условий. Отменяется условие оставления за крестьянами их пашен и сенокосов, земля отводится без определения рода угодий. Сужено понятие неудобных земель, теперь такими землями будут признаваться лишь «непригодные для ведения земледельческого, скотоводческого и лесного хозяйства места». Это определение дает широкое поле усмотрения для лиц, отводящих наделы, и при желании и солонцы, и пески можно признать удобными землями. По новому закону во всех селениях, даже неустроенных, за каждым хозяйством утверждается право собственности на состоящие в его владении «им освоенные угодья» в момент землеустройства. Укрепив надел, он может частями его продавать. Цель закона – дать возможность переселенцам покупать у старожилов земли. А что останется с обезземленными старожилами?» [12]. Кроме того, очень часто переселенцы «везли» с собою эпидемические болезни (тиф, холера и т.д.), которые в результате контактирования с коренным населением распространялись и среди него. Причем ситуация не улучшалась ни в конце XIX века, ни в начале XX. В качестве иллюстрации приведем высказывания публицистов того времени. Н.М. Ядринцев в 1892 году писал: «Беспорядок массового переселения, отсутствие помощи переселенцу, его требовательность, обусловленная нуждою, болезни переселенцев и зараза, распространяющаяся кругом, возбуждают ропот и негодование местного населения» [13]. В 1911 году Н. Скалозубов отмечает почти такую же ситуацию: «Еще во

вторую сессию Государственной Думы сибиряками внесен был вопрос о распространении тифа среди переселенцев... Ведомство делало разъяснение, в котором само нарисовало тяжелую картину безотрадного положения переселенцев в переселенческих пунктах, где местами от тифа вымирала половина населения» [14].

Таким образом, отношения между старожилами и переселенцами, в силу указанных выше причин, были далеко не всегда мирными, а напротив, довольно напряженными. Причем эта напряженность нередко перерастала в серьезные конфликты, заканчивавшиеся кровавыми столкновениями. Например, в Ишимском округе Тобольской губернии соседним с Курганским «между новоселами (воронежцами) и сибиряками было несколько серьезных столкновений, из которых одно кончилось даже смертельным случаем» [15].

Новая волна переселенцев направляется в Курганский и Шадринский уезды в годы проведения столыпинской аграрной реформы.

Один из главных специалистов по аграрной реформе - землеустроитель А.А. Кофод - вспоминал: «Когда разверстание пошло полным ходом, оно быстро распространилось и за пределами деятельности землеустроительных комиссий. На восток оно пришло вместе с переселенцами из Европейской России через Уральские горы в Сибирь, где оно распространилось по степям и лесам вплоть до Тихого океана... Так как фонд совершенно свободных земель, годных для переселения, в Сибири истощился, то землеотводные работы ведомства сосредоточились, главным образом, в районах, занятых уже старожилами. Начали у них искать излишки земель» [16].

Рост переселений в Южном Зауралье стал заметен после 1910 г., когда в юго-восточных волостях Курганского уезда в результате землеустроительных работ было заготовлено 3 переселенческих участка на 500 душевых долей, и особенно после 1911 г., когда было образовано уже 26 участков на 2 013 долей [17]. До 1912 г. в Курганский уезд переселилось 1 063 человек из южнорусских губерний [18]. Цифры эти не отличаются надежностью, т.к. собирались в Челябинском переселенческом пункте со слов самих крестьян-переселенцев.

Примечательно, что доли земельной собственности, принадлежащей крестьянам в Шадринском и Курганском уездах, существенно различались. Этим частично, на наш взгляд, объясняются и разные результаты

столыпинской реформы в двух уездах Тобольской губернии. В Шадринском уезде основной категорией частных землевладельцев являлись купцы, которым принадлежало 38,2% частных земель, затем мещане – 25,1%, дворяне – 11,4%, общества – 6,3%. Крестьянам принадлежало лишь 19% частных земель [19]. В Курганском уезде среди земельных собственников преобладали крестьяне, и их доля в связи с проведением столыпинской аграрной реформы все более увеличивалась: в 1913 г. было запланировано к продаже в частную собственность переселенцев только в трех юго-восточных волостях (Саломатовской, Лопатинской, Курейнской) 9 116 десятин бывшей казенной земли [20].

В Шадринском уезде в течение 1907-1913 гг. укрепило землю в «личную» собственность 948 хозяйств с 7 615 десятин земли, к 1916 г. из общины вышло 2 005 хозяйств (с 18 121 десятины) или 2,8% всех крестьянских хозяйств, причем из 5 773 поданных заявлений общиной было удовлетворено 5 (!) [21]. Данные цифры говорят о стремлении общины сохранить свою власть над крестьянином, с одной стороны, а с другой - о желании крестьян освободиться из-под опеки общины. Основным мотивом выхода из общины на хутора и отруба было желание крепче (формально-юридически) закрепить свои земельные права, которые в условиях роста общинного и государственного вмешательства в поземельные отношения становились все более неопределенными [22]. В «укреплении в личную собственность» видели альтернативный общинному механизм создания максимально сбалансированного хозяйства: ликвидацию чересполосицы, нежелание терять землю при грядущем переделе и т.д. [23]. Так, братья Григорий и Кирилл Шестаковы из Верх-Суерской волости подали ходатайство о выходе из общины, т.к. желали «вернуть свою родовую землю, отбираемую у них в настоящее время при переделе». Община в ходатайстве братьям отказала. Чиновники землеустроительных органов и крестьянские начальники часто отмечали «несознательность» многих крестьян, подававших заявления о выходе, т.к. те руководствовались соображениями не улучшения своего хозяйства на частной земле, а «просто желанием получить лучший надел, чем дает община» [24]. На наш взгляд, это также может свидетельствовать о росте индивидуализма в крестьянской среде.

Другим стимулом к выходу было желание оторвавшегося от земли или переселившегося крестьянина получить хоть какую-нибудь выгоду от

оставленной в общине земли. «Продают землю главным образом неспособные к труду или те из крестьян, хозяйство которых давно расстроилось и которые живут батраками, или же люди, кругом зажатые в долгах. Но печальнее всего то, что деньги, полученные от продажи земли, тут же пропиваются. Душевые наделы продаются за гроши. Например, в Першинской волости наделы от 5 до 9 десятин продаются за 70–100 руб. Предельная цена за такой надел – 150 руб., т.е. 15–20 руб. за десятину – почти те же деньги, что продавцы могли взять за 1-2 года от отдачи этой земли в аренду, считая арендную плату от 8 до 15 руб. за десятину» [25]. Из 312 крестьян Шадринского уезда, укрепивших к 1914 г. землю в «личную» собственность без сохранения доли в общинных владениях, 26,9% хозяев вышли с крохотным наделом менее 5 десятин, 48,3% - с наделом от 5 до 15 десятин и 24,8 % - с наделом свыше 15 десятин, т.е. более четверти вышедших крестьян не имели возможности вести самостоятельное хозяйство [26]. Кроме того, данная статистика свидетельствует о том, что выйти из общины в нашем регионе стремились зажиточные крестьяне и середняки. В то время как в целом в Европейской России стремились выйти кулаки и бедняки. На наш взгляд, беднейшие слои российского крестьянства в данном случае рассчитывали в дальнейшем в определенной мере получить земельный надел на сибирских просторах.

Отсутствие широкого крестьянского движения за выдел из общины на хутора и отруба, которое неоднократно отмечалось местными администраторами [27], объясняется, главным образом, фактической собственностью зауральских крестьян на их наделные земли и глубоко укоренившимся представлением о земле как «своей» и «Божьей» или «Государевой» [28]. В «Сибирском листке» за 1911 год писалось: «Наши крестьяне сибиряки-старожилы – больше индивидуалисты, кроме того, общинные порядки здесь еще недостаточно развились и окрепли, еще не так давно сибиряки расстались с формой семейно–захватнического владения землей» [29]. Таковы, на наш взгляд, причины «провала» столыпинской аграрной реформы в Южном Зауралье.

Среди форм заселения края можно выделить две основные: добровольное и вынужденное переселение. Несомненно, что в рассматриваемый нами период первая форма преобладала над второй. Кроме того, ссыльные обладали крайне низким переселенческим потенциалом, чаще всего хозяйства не создавали, многие из них не имели собственной семьи. Как уже

отмечалось выше, отношения между коренным и миграционным населением в Южном Зауралье были далеко не дружелюбными, особенно со ссыльнопоселенцами. Приведем несколько примеров.

Одним из распространенных видов уголовных преступлений в нашем регионе было конокрадство. При этом подозрения падали чаще всего на приезжих. Так, например, в деле 1897 г. Александра Афанасьева, крестьянина Лопатинской волости, о краже у него лошади первоначально подозрение падает на крестьянина из ссыльных деревни Варгашей Сычевской волости Ивана Безубцева. По ходу произведенного следствия оказалось, что Безубцев невиновен, т.к. он приобрел эту лошадь у крестьянина Михаила Васильева «через обмен на корову, при этом были свидетели». Свидетели подтвердили показания подозреваемого. Далее оказалось, что эта краденая лошадь была приобретена женой Васильева – Устиньей в Кургане от неизвестного лица. При этой покупке также были свидетели.

Интересны показания одного из свидетелей данной покупки Константина Шушарина, кандидата в старосты Малочаусовской волости из деревни Коробейниковой: «Во время лета, кажется, в 1896 г. при мне в городе Кургане, действительно, крестьянка Устинья Васильева купила у неизвестного мне человека – мужчины, похожего на хохла–переселенца лошадь» [30]. «Хохол-переселенец», подозревавшийся в краже, найден не был, лошадь была возвращена хозяину, а дело за необнаружением виновных было прекращено.

Совсем иная ситуация просматривается в другом уголовном деле о краже лошадей, делопроизводство которого длилось почти три года, с 25 июня 1895 г. по 18 апреля 1898 г.

16 июня 1895 г. крестьянин Лопатинской волости Степан Кайгородцев обратился к товарищу прокурору Курганского округа с заявлением о вымогательстве денег со стороны «киргиз», проживающих в деревне Воздвиженской и Привольной Курейинской волости. Кайгородцев нанялся у крестьян своего общества деревни Сухмень пасти скот, и киргизы стали требовать с него 45 рублей. «В случае же неуплаты таковых, угрожали мне (Кайгородцеву – С.Ф.) тем, что табун мой они украдут» [31]. Кайгородцев на вымогательство не поддался, в результате «из табуна уже потерялись две лошади. Кроме этого, киргизы эти начали требовать с хозяев уплаты им за лошадей. Крестьяне же нашего общества, хотя требования киргиз считали неправильными, но, боясь их мести или грабежа от уплаты

отказать им не осмелились. Пользуясь этим, киргизы начали в деревне нашей производить сбор, так что с разных лиц ими был собран порядочный воз хлеба» [32]. Обвинение Кайгородцева не было голословным, его подтвердил ряд свидетелей, опрошенных по ходу следствия. Первоначально это дело поступило к земскому заседателю 3-го участка Курганского округа. В ходе следствия выяснилось, что киргиз Чантемир Чапин Акмолинской области Петропавловского уезда Пресновской волости 51 года был судим 8 раз (последний суд происходил в Тобольском губернском суде 18 декабря 1895 г. Оставлен по суду свободным) за кражи лошадей и сборы с крестьян «денег, муки и мяса за розыскание и возвращение украденных у них лошадей» [33]. Интересно, что на восьми судебных процессах, происходивших в основном в Курганском окружном суде, шесть раз Чапин был оправдан. И лишь в 1887 г. и 1888 г., то есть в шестой и седьмой раз, этот «рецидивист» был подвергнут тюремному заключению. В 1887 г. на три месяца, в 1888 г. на шесть месяцев. Земский заседатель 3-го участка вел довольно длительную переписку с Петропавловским мировым судьей, Пресновским станичным правлением о представлении Чапина в распоряжение следствия. Но Чапин находился в бегах. В нескольких номерах областных Акмолинских ведомостей были опубликованы сыскные статьи о розыске киргиза Чапина. 1 октября 1895 г. со стороны Чапина последовало прошение товарищу Тобольского Губернского прокурора по Курганскому округу. В этом прошении Чапин излагал свою точку зрения на произошедшие события. Весной 1895 г. Чапин приехал в деревню Сухмень и предложил сельскому обществу пасти скот по более низкой цене, чем нанятый обществом Кайгородцев. Общество согласилось, тогда Кайгородцев начал проситься к Чапину в компаньоны. Чапин согласился. Деньги и хлеб Чапин брал с крестьян в задаток за будущую пастьбу. Позднее Кайгородцев изгнал Чапина из компаньонов и «взвел на него извет то, что будто бы он просил с Кайгородцева взятку 45 рублей» [34]. В этом же прошении Чапин обвинял земского заседателя в том, что следствие производилось неправильно: без опроса подозреваемого и свидетелей со стороны Чапина. Кроме того, Чапин утверждал, что его свидетели слышали будто бы разговор земского заседателя о стремлении любым способом заключить Чапина в тюрьму. Далее Чапин приводит интересные доводы в свою защиту. «По точному Нашему Разуму и по закону легче оправдать десять виновных, нежели одного невинного посадить в

тюрьму, а сорок пять рублей я просил с Кайгородцева, следующих мне за пастьбу, а не какую-либо взятку противозаконную. Прошу в этом деле аресту меня не подвергать, так как я имею оседлую жизнь и означенное дело, заведенное на меня Кайгородцевым от заседателя 3-го участка Курганского округа отобрать окончательно и передать другому следователю» [35]. Просьба обвиняемого была удовлетворена, постановлением от 15 июня 1897 г. председателя Тобольского окружного суда дело было передано от земского заседателя 3-го участка мировому судье 4-го участка. Но мировой судья нашел расследование земского заседателя правильным и вынес постановление от 16 декабря 1897 г. о тюремном заключении Чапина, так как Чапин уклонялся от суда, обязал Петропавловское уездное полицейское управление подвергнуть Чапина приводу в суд [36]. Обвиняемый был все же заключен под стражу 13 марта 1898 г. при Лебяжье-вском волостном правлении, в котором и содержался до 18 апреля 1898 г. до решения суда. Но постановление мирового судьи 4-го участка было следующее: «Суд, выслушав обвинения со стороны пастуха Кайгородцева, выслушав показания обвиняемого Чапина и показания свидетелей, нашел, что обвинение, возведенное на Чапина в том, что он украл лошадей из табуна Кайгородцева, является не вполне доказанным. Факт же, что он просил 45 рублей денег с пастуха Кайгородцева за целость табуна на суде подтвердился, но также подтвердилось, что Кайгородцев этих денег не дал Чапину. Таким образом, состава мошенничества, предусмотренного 2 ч. 174 ст. Устава о наказаниях в данном деле не было, и потому приговорил киргиза Пресновской волости Чантемира Чапина считать по суду оправданным» [37]. Как видим, мировой судья 4-го участка Курганского округа в очередной раз гуманно отнесся к обвиняемому и за недостаточностью улик вновь оправдал киргиза Чапина по делу, длившемся два года восемь месяцев.

Длительность проводившегося следствия и неудовлетворительное судебное решение вызвали негативную реакцию истца С. Кайгородцева, выразившуюся в организации самосуда. С. Кайгородцев, собрав «артель до десяти человек крестьян деревни Сухмень, приехал в юрту к Чапину и учинил в ней разбой с нанесением побоев Чапину и его сыну». В результате чего по факту самосуда Петропавловский мировой судья вынес решение о штрафе «линчевателей» на 25 рублей [38]. Таким образом, несмотря на трансформацию обычноправовых воззрений и правового пове-

дения в крестьянской среде в конце XIX в., из приведенного примера мы можем видеть, что традиции обычного права (самосуд) еще оставались довольно сильными в южнозауральской общине. В конкретном примере это объясняется длительностью официального судебного расследования, недоверием крестьян к решению суда, которое может, по их мнению, быть несправедливым. Кроме того, рассмотренный пример может в определенной мере характеризовать взаимоотношения крестьян-старожилов с людьми, не принадлежащими к их общинному миру.

Но наиболее яркий факт конфликта старожилов со ссыльными обнаружен нами в деле о драке между ссыльными сахалинцами и местными курганскими жителями. В связи с русско-японской войной произошла эвакуация ссыльных с острова Сахалин на Дальний Восток и Сибирь, в том числе и в Южное Зауралье. 23 августа 1906 г. пристав I стана Курганского уезда Кульмаментьев составил протокол о драке. После допроса городских г. Кургана и самих ссыльных выяснилось следующее: городские курганской полиции Нестеров и Гладков 22 августа 1906 г. в 6 часов утра были в разводе по г. Кургану, когда заметили, что восемь человек сахалинцев зашли в дом терпимости Перепелкиной, где стали «требовать бесплатного им отпуска пива и девок» [39]. Городские удалили ссыльных из дома терпимости, но ссыльные в 11 часов дня в числе трех человек явились на квартиру городского Лычагова и со словами «дай нам старшего Гладкова, мы его зарежем», начали силой в нее врываться. Городские Лычагов, Шишаков и Нестеров вышли к сахалинцам на улицу. В это же время на эту улицу явилась целая толпа народа (по разным данным от 300 до 500 человек), где были не только мужчины, но и женщины и дети, и хотя сахалинцы пытались уехать на извозчике, толпа сбегавшегося народа, вооруженная кто чем, начала бить сахалинцев. Сахалинцев этих задержали и отправили в полицию, причем дорогою один из них убежал. Затем около часа дня сахалинцы в числе нескольких человек в третий раз явились на Кладбищенскую улицу, где их встретила толпа народа и начала их бить. Городские Нестеров, Шишаков, Трубин, Менщиков и Белусов попытались воспрепятствовать драке, но их никто не послушал. В результате драки семеро ссыльных попали в Курганскую городскую больницу с травмами различной степени тяжести. Один из них Митрофан Антонов Риффа (35 лет) пострадал наиболее тяжело, врачи отметили, что у него «верхняя губа рассечена, в области левого плеча и левого бока значи-

тельные кровоподтеки темно-красного цвета, вся грудная клетка опухла, обильное кровохарканье, живот вздут, появляется рвота, дыхание часто с трудом, больной не может повернуться, пульс учащенный» [40]. Через несколько дней М.А. Риффа умер. Другой потерпевший, Иван Евстафьев Лихенко 26 лет, по описанию скорбного листа Курганской городской больницы «получил на волосистой части лба две раны величиною по одному вершку, края раны неровны, мяты, раны проникают до кости. Правая бровь рассечена, на лице ссадины и царапины. Все верхние конечности покрыты кровоподтеками, сильно опухли... На обеих ягодицах и спине огнестрельные ранки дробью. Обе ягодицы и нижняя часть спины опухли и покраснели, больной не может сидеть, а также с трудом двигается. Штук 10 дробинок вырезано» [41].

Каковы же причины столь яростного озлобления курганских жителей на ссыльных сахалинцев? Оказывается поведение ссыльных спровоцировало курганцев на действия самосуда. Вот лишь несколько показаний свидетелей.

Курганская мещанка Олька Кривошеина: «Я ходила в городской колодец за водой, мне навстречу попались четыре сахалинца, причем один из них кричал мне: "Бабы, дайте нам" (подлинных слов выражений не сказала, но понять можно, что слова сахалинца относились до совокупления)». Крестьянка Екатерина Хмарина: «Днем 22 августа ко мне в квартиру заходил какой-то сахалинец, который дерзко и нахально требовал дать ему денег, чаю и сахару, дерзость его доходила до того, что она уже хотела бежать из своей квартиры». Курганская мещанка Матрена Денисова: «22 августа ко мне в дом приходил какой-то сахалинец и дерзко требовал денег, чаю и сахару, говоря, что если нет мелких денег, то он берет и крупными. Когда кухарка подала ему кусок хлеба, сахалинец сказал: "Тебе спасибо, а у хозяйки в доме, чтобы что-нибудь случилось"». При этом Денисова добавила, что «сахалинец ворвался к ним в дом силою». Андрей Менщиков, старший городской 2-й полицейской части г. Кургана: «Сахалинцев били за то, что они не давали покоя ни днем, ни ночью и грабили мирных жителей. Народ был вообще озлоблен на сахалинцев, так как они насильничали и грабили народ» [42].

Такое девиантное поведение приезжих сахалинцев до того озлобило жителей г. Кургана, что представители власти – сами городовые, по показаниям потерпевших, не только не препятствовали избиению, но и сами

в нем участвовали. И участвовали довольно деятельно. Показания потерпевшего Николая Кирина: «Один из городских обнажил шашку и ею нанес мне рану в голову». Потерпевший Иван Диденкулов показал, что «его били также городские Лычагов и Нестеров, последний даже об его голову сломал ручку своей плетки». Потерпевший Иван Лихенко показал: «Остальные городские бездействовали. Городской Шишаков также бил нас, и когда уже все сахалинцы были побиты, то он сказал толпе: "Довольно братцы, хоть живыми дайте в полицию доставить"» [43]. Любопытно, что ни свидетели избиения, ни сами городские из толпы в 300 человек показать на конкретных лиц, избивавших сахалинцев, не смогли, мотивируя это тем, что «народу было так много, что нельзя было обнаружить виновных».

4 октября 1906 г. мировой судья 4-го участка Курганского уезда рассмотрел дознание пристава Кульмаментьева о нанесении ран и тяжких побоев в драке с сахалинцами, нашел, что в нем заключаются признаки преступления, и постановил приступить к производству предварительного следствия.

Предварительное следствие тянулось два года. После протокола осмотра трупа М.А. Риффа, произведенного 12 октября 1906 г., очередные повестки для допроса потерпевших и свидетелей были разосланы лишь 19 июня 1908 г. Оказалось, что большинство потерпевших в Кургане уже не проживало. Оставшиеся потерпевшие Иван Лихенко, причисленный к деревне Светловской Кривинской волости, и Павел Ноздрачев, причисленный к деревне Лопатиной Лопатинской волости, подтвердили свои показания. Рассмотрев все обстоятельства дела, 24 августа 1908 г. мировой судья 4-го участка Курганского уезда, «принимая во внимание, во-первых, что ни полицейским дознанием, ни розыском, ни предварительным следствием виновные не обнаружены, во-вторых, что потерпевшие никакого подозрения не заявили, постановил войти в Тобольский окружной суд с ходатайством о прекращении настоящего дела» [44].

Примечательна судьба двоих потерпевших, оставшихся проживать в Курганском уезде. По сообщению Лопатинского волостного правления, Павел Ноздрачев выехал из деревни Лопатино в неизвестном направлении. А по ответу Кривинского волостного правления мировому судье 4-го участка «Иван Лихенко в настоящее время (4 сентября 1908 г.) содержится в Курганской тюрьме» [45].

Рассмотренное дело показательно во многих отношениях.

Во-первых, одной из основных причин совершения правонарушений и преступлений приезжими в Южном Зауралье является их маргинальность, то есть оторванность от прежних социально-экономических корней и затрудненность слияния мигрантов с коренным населением.

Во-вторых, во многих рассмотренных случаях причина девиантного поведения переходила в следствие. Местное население потому недружелюбно относилось к приезжим, потому что ожидало от них противоправных действий, которые очень часто и случались.

В-третьих, миграционное население наступало на экономические права старожилов, вносило в устоявшийся быт местных жителей свои «новые» традиции и обычаи, свою отличную систему менталитета. И это во многих случаях приводило к конфликтам между миграционным и коренным населением, часто выходящим за законные рамки.

В-четвертых, модернизационные процессы, происходившие в зауральской деревне, носили и обратный характер. Несомненно, город оказывал разлагающее влияние на сельскую общину. Но и движение крестьянства в город тоже имело важное значение. Внушительная часть городского населения в Южном Зауралье состояла либо из бывших крестьян, либо крестьян, проживающих в городе временно или постоянно. Крестьянство несло в город свои традиции, привычки, менталитет, которые также оказывали существенное влияние на городскую культуру. Случай самосуда над сахалинцами в г. Кургане – пример сохранившегося обычного права не только в деревне, но и в городе. Следовательно, обычное право хотя и изживало себя в правовом поведении крестьянства в Южном Зауралье под влиянием модернизационных процессов, но еще сохраняло довольно сильные позиции.

3.2 Модернизационные процессы и трансформация обычноправовых традиций крестьян Южного Зауралья

Переселенческое движение способствовало модернизационным процессам в Южном Зауралье. Миграционные потоки, двигавшиеся из Европейской России по нашему региону, в своей основной массе представляли беднейшее крестьянство. Именно этот социальный слой являлся весьма легкой добычей для местного кулачества. Следовательно, трудовые отно-

шения в крестьянском обществе, содержащие под собой и правовую основу, также подвергались существенной трансформации в нашем регионе в конце XIX–начале XX века.

Отечественная историография дореволюционного периода, в целом, характеризовала развитие Сибири в конце XIX века как буржуазное [46].

Советская и постсоветская историография представлена трудами Л.М.Горюшкина, Н.М. Дружинина, И.А. Асалханова, М.М. Громыко, Н.А. Миненко, В.В. Прусса, М.И. Чернышева, В.А. Зверева, В.Н. Худякова и др. [47]. Многие из вышеперечисленных авторов сделали вывод, что в конце XIX–начале XX века, особенно после постройки Сибирской железной дороги, в зауральской деревне быстро развивались капиталистические отношения, а экстенсивная экономическая модель под влиянием вторгающегося капитализма находилась в упадке и подверглась существенной трансформации.

Капитализация трудовых отношений в зауральской деревне нами усматривается, прежде всего, в развитии найма, когда наниматель и нанимаемый вступали и в экономические, и в правовые отношения, заключая между собой юридическую сделку (чаще всего устную, реже письменную). В Южном Зауралье в конце XIX–начале XX века существовали такие формы найма, как, во-первых, годовой наем. При такой форме найма крестьянин целый год работал в хозяйстве своего нанимателя. Оплата труда годового работника производилась в конце года, обычно деньгами, так как «уплаты натурой по местному обычаю не существовало» [48].

Во-вторых, сезонный наем, то есть при такой форме найма крестьянин работал по найму какой-то сезон: весенний, летний, реже осенний или зимний, а иногда и два–три сезона. Например, в 1914 г. в с. Глядянском крестьянин Евгений Сидоров Пазников нанимался к Зотею Иванову Худякову в работники, они заключили соответствующий договор, в котором указан срок работы «с 17 апреля с.г. по 14 ноября с.г. ...» [49]. Наиболее часто такие сделки заключались на период весенне-летних работ. В летний период крестьяне нанимались пасти скот. «... Проситель Константин Менщиков... объясняет, что летом настоящего года они с Павлом Менщиковым вместе нанимались пасти скот за 7 рублей...» [50]. «Крестьянин с. Глядянского Павел Васильев Рябцов жалуется на крестьянина Федора Николаева Воденникова и Егора Николаева Ботникова, что летом настоящего года они подрядились пасти лошадей» [51]. Примеров сезон-

ного найма достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что этот вид найма был довольно распространенным в южнозауральской деревне.

Помесячный найм исчислялся 30 рабочими днями, которые могли быть растянуты и на несколько месяцев. Понедельный наем (время от понедельника до субботы) практиковался во все времена года. Поденный наем использовался в наиболее горячие дни сенокоса, жатвы или молотьбы [52].

Соотношение форм найма у переселенцев и старожилов было неодинаковым. Различия состояли в том, что переселенцы чаще прибегали к поденному и сроковому найму и реже – к сдельному, кроме того, переселенцы чаще выступали в роли нанимаемых, а старожилы в роли нанимателей. Вообще источники о степени применения наемного труда отражают, на наш взгляд, неполную картину его распространения на территории Сибири (обследования 1911-1912 гг.) и содержат сведения только о сроковых и годовых рабочих или лишь переселенцев. И все же имеющиеся материалы свидетельствуют о сравнительно широком применении наемного труда в сибирской деревне [53].

При оплате найма использовались как натуральная, так и денежная формы. Например, в Новокусковской и Ишимской волостях Томского уезда и Зырянской волости Мариинского уезда переселенцы, нанимавшиеся на сельскохозяйственные работы к старожилам, нередко получали плату зерном. В некоторых случаях, проводя вспашку и боронование поля хозяина, они выговаривали себе право в счет оплаты с помощью хозяйских лошадей и орудий обработать и свой участок. Иногда рабочий в западносибирских лесостепных районах в качестве оплаты своего труда получал посев в 1-2 десятины на земле нанимателя с его обработкой [54]. Экономика Южного Зауралья была довольно тесно связана с товарно-денежными отношениями, но переплетение денежной и натуральной платы встречается очень часто. Распространен был найм на «харчах» хозяина или хозяйском содержании. «Разница платы в хороший и дурной урожай состоит в том, что в хороший урожай работник получает деньгами, а в дурной пользуется одними лишь харчами» [55].

Как уже было отмечено выше, годовой работник натурой платы не получает, а берет деньгами, самая низшая плата зафиксирована в Черемуховской, Кривинской, Башкирской волостях – 20 рублей. Самая высокая в Плотниковской – 60 рублей. Но надо учитывать и тот факт, что часто ра-

ботник жил на «хозяйском содержании» или на «хозяйском продовольствии и верхнем платье», при этом он получал меньше [56].

В отношении годовых работников основное условие договора найма (произведенная работа и ее оплата) чаще всего соблюдалось, но материалы южнозауральской деревни содержат такие сведения, которые свидетельствуют о довольно частом нарушении условий найма. Например, в Менщиковской волости «годовой работник получал от 30 до 40 рублей деньгами, а что забирал у хозяина: жизненные продукты и одежду, то это по цене забираемого вычиталось из жалованья, при чем кулаки–хозяева подобные заборы работников обращали в свою пользу, не говоря о дороговизне выдаваемых продуктов, но и закабалили работников под свое иго: "лошадь де дал в рассрочку платежей, отслуживать, парень, года два надуть"» [57].

Если договор найма заключался в письменной форме, то в нем обязательно указывались плата и срок выполнения работ. Например, Ялымское общество Глядянской волости нанимало ямщика ценою за 8 рублей и 8 копеек с 12 февраля по 12 марта 1893 г. [58]. Иногда другие условия или требования указывались в договоре: крестьяне с. Глядянского Федул Николаев Воденников и Егор Николаев Ботников нанимались летом 1887 г. пасти лошадей Павла Васильева Рубцова «с условием в случае потери лошадей платить половину стоимости» [59]. Еще один пример заключения договора найма: крестьяне деревни Дубровка, Глядянской волости Лазарь Семенов Пазников и села Куртамышша Куртамышской волости Челябинского уезда Николай Филиппов Галкин и Дмитрий Николаев Галкин 28 марта 1913 г. заключили сделку о том, что «Мы Галкины подрядились изготовить Пазникову пятнадцать тысяч каменного кирпича ценою по 5 рублей за каждую тысячу на сумму семьдесят пять рублей и десять пудов пшеничной муки, кирпич должен быть не меньше 10 фунтов веса, хорошего качества. Выделку начать с Троицы с.г. и кончить работу не позже 20 июля с.г. ...» [60]. Условия, указанные в договоре часто нарушались как нанимателями, так и нанимаемыми, вследствие чего возбуждалась масса гражданских дел. Например, Глядянский волостной суд в 1911 году слушал гражданское дело по иску крестьянина с. Вонявинского Глядянской волости Матвея Евграфова Чиркова, который просил судью взыскать 12 рублей 30 копеек, «недополученные за службу работника» с Чиркова–ответчика, поскольку он вместе с женой нанимался к нему в работники «сроком с 10 апреля по

14 ноября с.г. за 50 рублей...», но проработав 2 месяца и получив с Матвея Чиркова 25 руб. 90 копеек, далее работать отказались, поэтому ему пришлось нанимать другого работника, которому он заплатил 12 руб. 30 копеек. Волостной суд иск Чиркова удовлетворил [61]. В этом случае условия договора нарушались нанимаемыми работниками. Надо отметить, что, изучая архивные документы, мы обнаружили, что гораздо больше встречается дел, ответчиками по которым являлись именно наемные работники [62].

В Южном Зауралье в конце XIX–начале XX века найм тесно переплетался с ростовщичеством, в форме задельного найма, что также свидетельствует о развитии капиталистических, модернизационных отношений. В литературе можно встретить другие названия этого явления, такие как «задашный наем», «задача под работу», «задача денег под будущую работу», «работа в забор» [63]. Независимо от названия, сущность этого рода сделок заключается в том, что кредитор, давая должнику деньги (обычно зимой на покупку хлеба или на уплату податей), выговаривает себе уплату не деньгами, а трудом. Например, наиболее обычные виды такого рода сделок: «задача в десятины», «в сенокосные дни», «в сотни» и «в дрова». Взавший займы деньги взамен уплаты обязуется: в первом случае – выжать известное количество десятин, во втором – проработать известное число дней при уборке травы, в третьем и четвертом – заготовить известное количество сажень дров. Нанимаясь зимой или весной на предстоящую уборку сена и хлеба с выплатой денег вперед, работники получали на одну треть меньше, чем за ту же работу во время страды при обыкновенном найме или при работе «на волю». Примеров такого рода найма достаточно для того, чтобы сделать вывод, что задельный наем в Южном Зауралье носил массовый характер. В 1913 г. 16 апреля крестьяне с. Глядянского Дарья Андреева Морковских и Александр Григорьев Безносков по обоюдному между собой согласию заключили следующую сделку: «Дарья Андреева Морковских должна Александру Григорьеву Безносову 15 рублей, каковые обязывалась выплатить к 15 мая с.г. Кроме того, обязывалась Безносову заборонить одну десятину паров, не меньше как 12 борон по месту» [64]. Есть примеры задельного найма, относящиеся к концу XIX века. Так, крестьяне Михаил Михайлов Кононов и Николай Васильев Найданов заключили в 1892 году 31 января договор: «Я, нижеподписавшийся, крестьянин Глядянской волости участка Вонявинского Михайло Михайлов Кононов дал настоящую долговую подписку крестьянину Николаю Васильеву Най-

данову в том, что состою должным восемь рублей, за которые обязуюсь выжать одну десятину ценою по два рубля, а остальные шесть рублей заработать в страдное время по существующим ценам в том и подписываюсь» [65]. В решениях волостных судов много доказательств того, что задельный наем был одной из распространенных форм применения наемного труда. «Крестьянин с. Глядянского Михаил Иванов Усцелемов взыскивает с Григория Степанова Слобцова 4 рубля 20 копеек. Проситель заявил, что взял 12 рублей, из них заработал 7 рублей 80 копеек, а остальные 4 рубля 20 копеек не зарабатывая ушел, поэтому он и просит взыскать эти деньги» [66]. «... Чирков объясняет, что Липихин брал у него деньги и пшеницу в работу, но не заработал и обратно не отдает» [67]. «... Проситель Кузнецов объяснил, что деньги 3 рубля 16 копеек он Харитонову давал в работу, но последний их не зарабатывал» [68]. «... Проситель Степан Чирков объясняет, что Евдоким Чирков нанимался к нему в работники, забрал 8 рублей, но деньги не заработал» [69]. Этот список можно продолжать и дальше. Но в данном случае необходимо обратить внимание на условия задельного найма. Из этих примеров видно, что те, кто нанимали и давали деньги в работу, часто обращались в суд либо для возвращения своих денег, либо для привлечения должников к работе. Часто должники признавали себя таковыми и либо отдавали долг, либо отработывали его. Но бывали случаи, когда должник не имел возможности отдать или отработать свой долг, в таких случаях деньги возвращались хозяину путем продажи имущества «на торгах» [70]. «... Бобров объяснил, что Чиркову он давал в работу 3 рубля, но он этот долг не заработал и не отдает... Деньги возвращены через опись и протокол его имущества... » [71].

Другим примером обремененности найма различными формами зависимости можно считать найм с пережитками патриархальных отношений. Например, когда в работники отдается один из сыновей или за мужа отработывает жена, за брата – брат. «... Проситель Менщиков объяснил, что Гусев отдавал в работники своего сына, забрал вперед 1 рубль 47 копеек, а деньги эти не заработал и отобрал сына» [72].

Еще пример традиционных отношений в найме работников: «Крестьянин участка Вонявинского Иван Ильин Федотов заявил, что односельчанин его крестьянин Семен Лукьянов Осипов состоит ему должным 1 рубль 66 копеек, заданных ему за служение в работниках сына Осипова, Семена и, кроме того, не отдает ему 7 пудов овса и 3 пуда пшеницы, взя-

тые Осиповым взаимоотношением, посему, просит как деньги и хлеб взыскать с Осипова» [73]. Интересны на этот счет воспоминания батрака Ивана Михайлова Ухалова: «... денег за работу я не получал, все забирал отец» [74].

Одним из показателей развития капиталистических отношений в деревне является число наемных рабочих. Специальных исследований по количеству наемных рабочих в южнозауральской деревне нет, но в общих работах по истории сибирского крестьянства приводятся сведения о количестве сельских пролетариев. М.М. Шорников определил это количество в 500 тыс. человек [75]. В.Г. Тюкавкин – в 370-375 тысяч [76]. Л.М. Горюшкин определил численность сельскохозяйственных наемных рабочих в Западной Сибири в 185-190 тысяч человек [77].

Численность годовых и сроковых в Курганском округе составляла 47 811 человек, что составляет 24% общего числа населения волостей Курганского округа. Большинство дворов, использовавших наемный труд (около 15 тысяч), имели по одному–двум работников, два двора в Могилевской волости имели по 11 наемных работников. А в Введенской волости, по имеющимся данным, был двор, который использовал труд 61 срочного работника [78].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Найм в системе социально-экономических и правовых отношений в зауральской деревне имел важное значение. Степень применения наемного труда в хозяйствах крестьян различных категорий является показателем развития модернизационных процессов. В то же время обремененность найма различными формами зависимости показывает большую роль сохранившихся традиционных ценностей в южнозауральской крестьянской общине на рубеже XIX-XX веков. Наемный труд в сельском хозяйстве Курганского округа был довольно распространенным явлением, примерно треть всех дворов использовала труд наемных работников. Развитие отношений найма влияло на правовое поведение крестьян, заставляло их заключать между собой юридические сделки. Нарушение такого рода сделок вело к гражданским судебным разбирательствам. Массовый характер исковых заявлений о нарушениях условий найма как со стороны нанимателей, так и нанимаемых свидетельствует о том, что крестьяне предпочитали уже не традиционный предварительный суд мирской сходки (где часто главную роль уже играло кулачество), а именно «официальный» низший волостной суд. При этом количество исковых заявлений о нарушении

условий найма в начале XX века гораздо больше, чем, например, в 70-е годы XIX века. Данный показатель, несомненно, свидетельствует о развитии правового поведения крестьянства Южного Зауралья, разрушении традиционного общинно-правового мировоззрения в сельской общине под влиянием модернизационных процессов на рубеже веков.

Другим примером воздействия модернизационных процессов на развитие правового поведения зауральского крестьянства является сибирское маслоделие и участие в нем общины.

Как только была построена Великая Сибирская железная дорога в 1894 году, началась «масленная горячка». Быстро стали возникать маслозаводы, которые открывали местные купцы, деревенские торговцы (священники, волостные писари, «капиталисты» крестьяне) и иностранные фирмы. В одном только Курганском уезде к 1900 г. насчитывалось 60 маслодельных заводов. Частные предприниматели были одновременно и лавочниками. Они принимали молоко у крестьян по более высокой цене, зато расплачивались товаром из своей лавки, и крестьяне в других лавках уже не покупали. Таким же образом возникали и маслозаводы крестьянских кооперативных артелей. Маслодельные артели, подобно владельцам частных маслозаводов, вступали в договорные юридические отношения с экспортными фирмами, получая от них в кредит машины и оборудование для маслозаводов, обязывались продавать масло только данной фирме по заранее обусловленной цене. В 1904 году в Тобольской губернии действовали 723 маслодельных завода с 1254 паровыми, конными и ручными сепараторами, производящих масла на 6 003 261 рублей. О быстрых темпах производства экспорта масла можно судить по следующим данным железнодорожной статистики. Вывоз масла из Сибири в 1898 году составлял 150 тысяч пудов, а в 1902 году уже 1 609 980 пудов, то есть за 5 лет увеличился более чем в 10 раз [79]. Разбросанные разрозненные маслодельные артели находились в зависимости от иностранных экспортных фирм, которые диктовали им условия сбыта. И артели начали объединяться в такую организацию, которая дала бы им возможность самостоятельно выйти на европейский рынок.

В 1907 году был основан Союз маслодельных артелей, правление его было в Кургане. На наш взгляд, создание этого союза было ярким проявлением и результатом процессов модернизации, происходящих в Западной Сибири. Во-первых, в маслодельное производство вовлекались тысячи

крестьянских хозяйств по всей Западной Сибири. Формировался мелкий товаропроизводитель – член кооперативной крестьянской артели. Этот мелкий производитель сам участвовал в производстве и получал доход. Во-вторых, на рубеже XIX–начала XX века происходил рост сельскохозяйственного производства, одной из главных причин которого была заинтересованность мелкого товаропроизводителя в повышении своих доходов. В-третьих, после возникновения Союза сибирских маслодельных артелей распространился (и довольно широко) прогрессивный метод хозяйствования, кооперация способствовала развитию капиталистических отношений в деревне, хотя идеологами «кооперативного социализма», или иначе «кооперативизма», кооперация отделялась от капитализма. В-четвертых, деятельность Союза отражалась как на социально-экономической жизни целого региона, так и на быте (в том числе и правовом) крестьянства.

В историографии довольно дискуссионным остается вопрос: «Каких составных больше в кооперативном движении: социалистических или капиталистических?» В начале XX века на страницах кооперативных газет, журналов начинает проповедоваться идея кооперации, которая должна была поднять благосостояние сибирского крестьянства и ликвидировать нищету в корне.

Это, по замыслам апологетов «кооперативного социализма», исключило бы в будущем любые классовые противоречия в деревне. Так, томский профессор М.Н. Соболев писал: «Путем кооперации перестраивается экономическая мотивация и подготавливаются элементы более совершенного экономического строя на началах общественности» [80].

Эсер Н.В. Фомин писал в журнале «Сибирская кооперация»: «Кооперация это, прежде всего, определенный своеобразный метод социализации народного хозяйства» [81].

Однако противоречивость идеологов «кооперативного социализма» проявилась в том, что они были вынуждены признать в некоторых сторонах деятельности кооперативов их капиталистический характер и природу.

М.И. Туган-Барановский утверждал, что доход кооперативного предприятия принципиально глубоко отличен от капиталистической прибыли: «Правда, элементы прибыли могут примешиваться к доходу кооперативов, но они являются инородными в природе этого дохода, явлением ненормальным, препятствующим кооперативу достигать своих основных целей, началом капиталистического выражения кооператива» [82]. В другой ра-

боте «Экономическая природа кооперативов и их классификация» М.И. Туган-Барановский заявляет: «Мелкобуржуазная кооперация тяготеет к чисто капиталистической организации и нередко при благоприятных условиях испытывает капиталистическую метаморфозу – превращается в капиталистическое предприятие... И помимо юридической формы и внутренней экономической природы кооператива имеет много общего с капиталистическими предприятиями» [83].

И наконец, в 1918 году этот же автор писал: «Современная кооперация лишь в принципе является свободным хозяйственным союзом, в реальной действительности опирается на насилие, подобно капиталистическому предприятию... В основе кооператива лежит не только частная собственность, но и капиталистическая эксплуатация труда. Так, проценты на капитал, наемный труд, - что это, как не элементы капитализма?» [84].

Приведем наглядный пример. В 1907 году Глядянская маслодельная артель обратилась в волостной суд с иском к крестьянину села Дубровное Петру Семенову Черепанову. Иск на сумму в 50 рублей заключался в следующем: «Петр Черепанов самовольно отошел от Глядянской маслодельной артели в другой завод вместе со своим хозяйством».

Ответчик имел десять коров, оцененные истцами в 5 рублей каждая. Волостной суд иск утвердил, ответчик пытался обжаловать решение суда. Но уездный съезд крестьянских начальников подтвердил решение волостного суда [85].

Очень часто крестьяне-кооператоры не могли расплатиться за взятые кредиты и становились ответчиками в волостных судах по исковым заявлениям кредиторов–лавочников [86].

Вовлечение крестьян Южного Зауралья в кооперативное движение в конце XIX–начале XX века одновременно втягивало их в сферу новых правоотношений. В волостных судах Курганского и Шадринского уездов, где находились маслодельные артели, начиная с 1907 года появляется довольно большое количество исковых заявлений, связанных с кооперативной деятельностью. В этих судебных разбирательствах ответчиками и истцами выступают и маслодельные артели, и крестьянские общества, и сами крестьяне-кооператоры. Приведем несколько примеров.

20 июня 1907 года Глядянский волостной суд рассматривал исковое заявление на сумму 27 рублей 73 копейки к крестьянину села Глядянского Василию Лукину Вахромееву под сдачу молока. Истцом выступал меща-

нин Иван Терешин, доверенный Санкт-Петербургского купца первой гильдии Волкова, владельца молочного завода. Ответчик на суде признался, что брал деньги, но не под сдачу молока, а в счет жалованья за службу рабочим на Глядянском заводе Волкова. Ответчик не отработал взятые деньги на заводе и не сдавал молока, поэтому иск истца волостной суд удовлетворил [87].

25 июня 1907 года этот же истец вновь обратился в суд с иском заявлением на сумму 5 рублей 62 копейки к крестьянину Павлу Семенову Воденникову, который занимал деньги у завода в счет службы сына на маслодельном заводе рабочим, но не отслужившим. Ответчик показал, что оплатил долг сданным молоком, что было записано в приходно-расходной заводской книжке. Волостной суд в иске отказал [88].

14 октября 1907 года в волостной суд обратился крестьянин деревни Межборной Иван Федотов Гладышев с иском на сумму 18 рублей к Глядянскому маслодельному заводу. Гладышев подрядился поставлять молоко маслозаводу, покупая его у своих однодеревцев. Но затем завод нанял «другого человека на сбор молока», вследствие чего истец Гладышев понес убытки. Свидетели подтвердили показания просителя. Волостной суд удовлетворил иск истца [89].

18 декабря 1907 года крестьяне Петр и Федот Фатеевы Колташевы обратились в волостной суд с иском на сумму в 10 рублей, которые им не додал Глядянский артельный завод за сданное молоко. Ответчик - доверенный от Глядянского артельного завода - показал, что истцы сдали на завод испорченное молоко. Свидетели подтвердили показания ответчика. Просителям в иске было отказано. Однако Курганский съезд крестьянских начальников после обжалования Колташевыми отменил решение волостного суда и отправил его на пересмотр в другом составе судей [90].

20 февраля 1910 года волостной суд рассматривал гражданское дело между Разломайским и Глядянским маслодельными товариществами, с одной стороны, и Глядянским маслодельным заводом, с другой. Завод оказался должным товариществам «за маслодельные инструменты» 80 рублей. Иск истцами был доказан и утвержден в пользу маслодельных товариществ [91].

22 сентября 1910 года крестьянин села Ялымского Павел Андреев Карташов предъявил иск на 9 рублей 29 копеек, удержанных за молоко, к доверенному Ялымского маслодельного завода. Иск был признан неосно-

вательным, так как ответчик (Ялымский маслодельный завод) уплатил истцу 4 рубля 86 копеек, а за остальное молоко платить отказывается, потому что Карташов молоко разбавлял. Свидетели подтвердили показания ответчика [92].

Как уже указывалось выше, это лишь незначительная часть примеров дел «о кооперации», рассмотренных в волостных судах за 1907–1914 гг. Дела «о кооперации» в волостных судах имели довольно массовый характер и позволяют сделать определенные выводы.

Во-первых, кооперация, как и любой модернизационный процесс, носила довольно противоречивый характер. На одно крестьянское хозяйство, вступившее в кооперативную маслодельную артель, приходилось в среднем 5 коров [93]. Это говорит, что имущественное положение крестьян, занимавшихся кооперацией, было достаточно высоким. Естественно, кооперация не создала, да и создать не могла классового мира в деревне. Есть основание полагать, что «беднота» (1-2 коровы) была выброшена за борт более крупными хозяевами. Последних устраивали более низкие цены на молоко, чего не желали малоимущие крестьяне. Возникали на этой почве и открытые стычки между членами артелей, что отмечают в своих отчетах инструкторы Союза, посещавшие артели [94]. «Крестьяне увидели, что маслоделие приносит им не только одну выгоду, но и вред, истощая их семьи. Недовольство крестьян доходило даже до открытого бунта, во время которого было разбито несколько "молоканок" (сепараторов – С.Ф.)», - утверждал известный противник кооперации М.М. Петров [95].

Во-вторых, развитие новых форм хозяйствования в Южном Зауралье заставляло вступать крестьян в новые правоотношения, что, несомненно, приводило к росту правосознания крестьянства Западной Сибири. Гражданские хозяйственные споры уже не решались крестьянами на традиционно-бытовом уровне с помощью обычаев и норм. Разрешение своих хозяйственных споров крестьяне теперь стремятся перенести в сферу официально-нормативного права. И хотя гражданские иски крестьян первоначально рассматривались низшей судебной инстанцией – волостными судами, специально созданными для крестьянства, крестьяне всегда имели возможность опротестовать решение волостных судов в более высоких судебных инстанциях.

В-третьих, вовлечение крестьянства в кооперативное производство есть огромный шаг вперед, есть развитие капиталистических отношений,

которые являлись несравненно более прогрессивными, чем традиционно-патриархальные, и способствовали резкому рывку вперед. В 1912 году в состав Союза сибирских маслодельных артелей входили 390 артелей, объединяющих 60 000 крестьянских хозяйств. Курганская контора Союза объединяла 106 артелей [96]. И хотя для артельных форм организации труда, бытовавших в Зауралье, характерно наличие патриархальных форм эксплуатации «чужаков» и неполноправных членов артели [97], на наш взгляд, утверждения, что кооперация была «областью добуржуазных отношений» или представляла собой «крестьянский социализм при капитализме» являются не вполне обоснованными [98]. В условиях капитализма кооперативы представляют собой коллективные капиталистические предприятия, так как главный источник их прибыли и формирования кооперативной собственности – часть прибавочной стоимости. Капиталистическая кооперация была одним из способов вовлечения мелких товаропроизводителей или потребителей в систему рыночных капиталистических отношений и одновременно одной из форм их борьбы против эксплуатации торговых посредников, перекупщиков, ростовщиков и промышленных капиталистов.

Модернизационные процессы в Южном Зауралье повлияли и на возникновение на рубеже XIX–XX веков новых видов преступлений в крестьянской среде. Прежде всего, среди таких преступлений можно назвать самогоноварение, беспатентную продажу какого-либо товара, невозврат взятых в кредитном товариществе ссуд, растраты и мошенничества.

Самогоноварение или беспатентная торговля вином связаны с введением постепенной государственной водочной монополии в 1894-1896 гг. и установлением государственного эталона на водку. «Положение о казенной продаже питей» было утверждено 6 июня 1894 года. Сначала реформа касалась лишь 4 восточных российских губерний: Пермской, Оренбургской, Уфимской и Самарской. Затем последовательно на протяжении 10 лет она была проведена по всем регионам России. Однако акцизной политике и вино-водочному производству и торговле в таком обширном регионе, как Сибирь, центральная власть уделяла серьезное внимание и в предшествующие годы. Например, в 1863 г. был решен вопрос о передаче казенных винокуренных заводов Сибири «в ведение губернских акцизных управлений». 13 февраля этого года на имя Александра II поступила «Всеподданнейшая докладная записка» министра финансов М.Х. Рейтерна, в которой упоминалось о том, что Уставом о питейном сборе предусмотрен

надзор акцизных управлений за казенными винокуренными заводами. В Сибири казенные винокуренные заводы управлялись казенными палатами и состояли под особым надзором генерал-губернаторов. Всего заводов было три: два – Успенский и Екатерининский – в Западной Сибири и один – Александровский – в Восточной Сибири. Из них «первые два отданы разным лицам в арендное содержание,... а Александровский завод, по неявке желающих снять его в аренду – оставлен недействующим». Министр финансов считал, что управление этими заводами обременительно для местных казенных палат, в то время как акцизные чиновники «могли бы с большей пользой для дела принять на себя обязанности... Казенных Палат». Вследствие этого Рейтерн предлагал казенные винокуренные заводы Сибири «ныне же передать из ведомства Казенных Палат: Тобольской и Иркутской в заведывание... акцизных управлений Западной и Восточной Сибири» [99].

С 1895 г. в Западной Сибири, как и в других регионах Российской империи, еще не вошедших в районы казенной винной монополии, шла определенная подготовительная работа к введению казенной продажи питей, но именно в 1898 г. были приняты конкретные меры по проведению питейной реформы в Тобольской, Томской губерниях и в Акмолинской, Семипалатинской областях. 28 февраля 1898 г. на совещании в Министерстве финансов было выработано заключение по вопросу об установлении казенной продажи питей в Западной Сибири, где определялись территории и сроки введения винной монополии в Западной Сибири, рассматривались особенности проведения здесь питейной реформы и принимались решения по ее подготовке [100].

В ходе работы совещания было рассмотрено предложение о разделении Акцизного управления Западной Сибири «на Тобольское и Акмолинское и на Томское и Семипалатинское» и об открытии казенных очистных складов «в первом из вновь образованных управлений в городах Тобольске, Тюмени, Кургане, Ишиме, Таре, Петропавловске и Омске с ежегодной производительностью каждого от 100–200 000 ведер», а во втором управлении «предположено открыть девять очистных складов в городах Томске, Мариинске, Каинске, Барнауле, Бийске, Кузнецке, Семипалатинске, в селе Камень Барнаульской округи и в селе Белоглазове Змеиногорской округи с ежегодной производительностью от 60–200 000 ведер» [101].

На совещании был определен конкретный срок введения питейной монополии: «... в виду особенности края, дальности расстояний и других

неблагоприятных условий, на подготовительные работы необходимо предоставить около трех лет, считая с будущего 1899 г. и что введение казенной продажи могло бы воспоследовать с 1 июля 1902 г.» [102].

Окончательное решение о введении питейной монополии в Западной Сибири было принято на Общем собрании Государственного совета, состоявшемся 29 мая 1899 г. На нем же было выработано и мнение Государственного совета по этому вопросу, утвержденное Николаем II в Петергофе и обретшее силу закона 4 июня 1899 г. [103].

Достаточно длительный процесс подготовки к введению питейной монополии в Западной Сибири логически завершился законодательным оформлением всех вопросов, связанных с установлением казенной продажи питей в Тобольской и Томской губерниях, в Акмолинской и Семипалатинской областях. 8 марта 1902 г. в Государственном совете Соединенными департаментами промышленности, наук и торговли, законов и государственной экономики было рассмотрено представление С.Ю. Витте «О распространении на губернии и области, в которых казенная продажа питей учреждается с 1 июля 1902 г., узаконений по означенной продаже...» [104].

По итогам рассмотрения представления Витте Соединенные департаменты приняли постановление, легшее в основу мнения Государственного совета, которое было выработано на его Общем собрании 29 апреля 1902 г. и носило название «Об установлении казенной продажи питей во всей Дагестанской области и о распространении узаконений по означенной продаже на губернии: Тобольскую и Томскую и области: Кубанскую, Терскую, Дагестанскую, Акмолинскую и Семипалатинскую» [105].

Мнение указывало на распространение всех постановлений свода уставов об акцизных сборах издания 1901 г., касающихся казенной продажи питей на Тобольскую и Томскую губернии, за исключением уездов Березовского и Сургутского, Нарымского края и прилегающих к этим местностям частей соседних уездов этих губерний. При этом следовало соблюдать определенные правила, применявшиеся на данных территориях. Так, в губерниях Тобольской и Томской и в областях Акмолинской и Семипалатинской разрешалась продажа питей «в лавках, содержимых сельскими или станичными обществами...», но при следующих условиях: спиртные напитки продавались только на вынос и в запечатанной посуде; в случаях нарушения правил о торговле крепкими напитками разрешение на содержание лавки отбиралось; допускалась торговля, кроме питей, предметами

сельского обихода; за продажу пива, меда и виноградных вин взимался патентный сбор. На золотые прииски в губерниях Тобольской и Томской спирт и вино должны были привозиться «в посуде, опечатанной печатью казенного склада, и каждый транспорт ввозимого на прииски спирта и вина должен сопровождаться удостоверением администрации прииска о приобретении ею спирта и вина для приисковых рабочих» [106].

Анализируя мнение Государственного совета, можно прийти к следующим выводам: во-первых, царское правительство учло при введении питейной монополии в Западной Сибири особенности этого региона (огромные пространства, состояние экономики и неоднородный состав населения); во-вторых, казенная продажа питей не была сразу введена в северных районах Тобольской и Томской губерний; в-третьих, казенная винная монополия, вводимая в Российской Империи с 1895 г., заменяла акцизную систему взимания питейного дохода, которая стала неэффективной как в фискальном, так и в социальном отношении. Питейный доход падал, а население все больше спаивалось кабатчиками. Примечательно, что и до реформы пьянство в России, в том числе и в Сибири, достигло колоссальных размеров. Об этом могут свидетельствовать доходы в казну государства с производства вина, торговли им и нарушений правил такой торговли в Западной Сибири. По отчету Акцизного управления Западной Сибири за 1896 г., от региона в бюджет страны поступило 10 481 043 руб., в том числе акциза по винокурненным заводам – 7 450 063 руб., акциза по оптовым складам – 2 333 454 руб., патентного сбора – 550 671 руб., за проданное казенное имущество – 549 руб., взысканий за нарушение питейного устава – 8 283 руб. [107]. Кроме того, в Западной Сибири собираемость акциза с водочных изделий, пива и меда в исследуемое время выглядела следующим образом: в 1896 г. в бюджет страны от региона поступило акциза с водочных изделий 34 590 руб. 73 коп., акциза с пивоварения - 92 542 руб. 80 коп., акциза с медоварения - 529 руб. [108].

Наблюдать за неукоснительным выполнением «Положения о казенной продаже питей» на местах должна была полиция, в сельской местности – волостная и общинная администрация [109].

В южнозауральском регионе крестьянство довольно скоро отреагировало на акцизную политику и казенную монополию и начало по своему «бороться» с ней, занявшись самогонварением и беспатентной продажей вина. Источниками по данному вопросу в нашем исследовании явились решения и определения Курганского суда. Эти документы позволяют вы-

явить правонарушения, по которым были вынесены судебные решения. Однако значительно сужает возможности применения этих документов ограниченность самих источников. Самые поздние дела в ГАКО датируются 1896 годом, да и за этот год дела имеются только за два месяца. В то же время определенную картину о борьбе с самогоноварением в Курганском уезде составить, на наш взгляд, вполне можно. При этом весьма интересной была процедура борьбы с таким явлением. По всем имеющимся делам информация в соответствующие органы была предоставлена односельчанами осужденных. Должностные лица (сельские старосты) выявляли подобные действия не чаще других. Приговор обычно содержал в себе решения суда о выплате штрафа в пользу открывателя, а также взыскание патентного сбора за торговлю вином в размере пятидесяти рублей. Размер собственно штрафа колебался от пяти до ста рублей, при чем основания для такого различия в делах не указаны. Денежная выплата могла заменяться арестом на срок от одного до десяти дней, а в одном случае, когда нарушителями являлись ссыльные крестьяне, приговор требовал уплаты патентного сбора и двух месяцев ареста. Например, 3 октября 1896 года в Курганском окружном суде рассматривалось дело крестьянки Дарьи Кокориной, осужденной за беспошлинную торговлю вином. Из всех сохранившихся в архиве дел это имеет наиболее мягкое решение. Осужденная была приговорена к штрафу размером в пять рублей в пользу открывателя сельского старосты Кискина либо одному дню ареста [110].

8 октября того же года рассматривалось дело крестьянки Евдокии Дубровиной. Она также была осуждена за беспошлинную торговлю вином. Однако приговор суда был на этот раз не в пример строже. Крестьянку обязали уплатить штраф в размере 25 рублей в пользу открывателя крестьянина Шабалина и взысканию патентного сбора в размере 50 рублей, либо она должна была отбыть десять суток ареста. По причине отсутствия средств осужденной был избран арест [111].

Всего подобных дел за месяц октябрь 1896 г. через Курганский окружной суд прошло двенадцать. Самогоноварение и беспатентная торговля вином не являлись характерной особенностью только южнозауральского региона, ими занимались представители разных сословий в различных регионах Сибири. Приведем несколько примеров.

9 января 1888 г. кандидатом в старосты Тундринского волостного правления Сургутского округа Федуловым были найдены в амбаре дома кре-

стьянина Г. Замятина принадлежавшие мещанину И. Тетюцкому «две лагуны вина около пяти ведер и бочонок с вином в 1 ведро». Управляющий акцизными сборами Западной Сибири по этому факту подготовил постановление из 2-х пунктов: «1. Проживающего в деревне Тундриной Сургутского округа мещанина И.И. Тетюцкого, за беспатентную торговлю вином подвергнуть денежному взысканию, равному цене годового патента на питейное заведение в местности 3 разряда, т.е. 140 руб., из которых одну половину обратить в доход казны, а другую выдать открывателю нарушения, кандидату старосты Федулову. Сверх этого, Тетюцкого обязать взять годовой патент на питейное заведение или уплатить его стоимость со всеми сборами, соединенными со взятием патента, всего 181 руб. 75 коп., из которых 145 руб. обратить в доход казны, 35 руб. 50 коп. в земский сбор и 1 руб. 25 коп. в квартирную повинность; 2. Если Тетюцкий присужденного взыскания не уплатит в течение 2-х недель по прошествии срока на обжалование сего постановления, то взыскание обратить на имущество Тетюцкого, а при несостоятельности его передать дело в Тобольско-Сургутский окружной суд» [112].

Тетюцкий подал жалобу по объявленному ему постановлению в Департамент неокладных сборов, в которой главным аргументом было то, что акцизные чиновники Западной Сибири «не привели свидетелей к присяге». Департамент не удовлетворил жалобу Тетюцкого, а руководителю акцизного Управления Западной Сибири 26 августа 1889 г. отправил такое решение по жалобе: «Принимая во внимание, что лица акцизного надзора при производстве дознания по надлежащим административному разрешению делам о нарушениях Устава о питейном сборе издания 1887 г. не вправе приводить свидетелей к присяге, ... заявление Тетюцкого о несправедливости свидетельских показаний как голословное не заслуживает внимания, и что означенными показаниями вполне удостоверяется произведенная Тетюцким беспатентная продажа вина, Департамент неокладных сборов находит Ваше постановление по настоящему делу правильным, а потому определяет: жалобу на оное обвиняемого оставить без последствия». Когда Тетюцкий обратился с жалобой в высшую судебную инстанцию Империи – Правительствующий Сенат, то получил от него следующее решение «Правительствующий Сенат признает жалобу Тетюцкого на определение Департамента Неокладных сборов принесенной по истечению установленного законом месячного срока, а потому определяет: оставить её без рассмотрения» [113].

18 октября 1888 г. в г. Мариинске контролер акцизного Управления Западной Сибири Зверев составил протокол в отношении А. Фроловой, продававшей вино в портерной лавке (в таких лавках разрешалась продажа только портера и мёда – С.Ф.). 14 декабря управляющий питейными сборами вынес постановление: «Содержательницу портерной лавки в г. Мариинске, крестьянку А. Фролову за несогласную с патентом продажу вина... подвергнуть денежному взысканию, равному половине цены годового патента на питейное заведение в местности 3-го разряда, т.е. 70 руб., которые обратить в доход казны. Сверх этого, обязать Фролову взять годовой патент на питейное заведение или уплатить его стоимость... всего 224 руб. 85 коп., из которых 145 руб. обратить в доход казны, 49 руб. в земский сбор, 28 руб. в доход г. Мариинска, 1 руб. 25 коп. в квартирную повинность, 1 руб. 60 коп. в гербовый сбор» [114].

Фролова, не согласившись с постановлением акцизного управляющего, подала жалобу в Департамент неокладных сборов, где 30 октября 1889 г. постановление было признано «правильным» по следующим обстоятельствам: протокол Зверева «имел силу полного доказательства», и продажа вина Фроловой «вполне удостоверена» была «тремя свидетельскими показаниями и найденными... двумя бутылками вина». Но Правительствующий Сенат, куда обратилась Фролова с жалобой, принял совершенно другое решение. В его Указе от 12 ноября 1890 г. было обращено внимание на то, что Фролова отказалась от подписания протокола и в таком случае акцизный контролер Зверев обязан был в соответствии с законом «пригласить местную полицию для засвидетельствования протокола»; бутылки вина были найдены не «в смежной с портерной комнате», а в комнате, отделенной от лавки коридором. В результате «Правительствующий Сенат находит, что при таких обстоятельствах, крестьянка Фролова не может быть признана изобличенной в продаже вина из содержимой ей портерной, а потому определяет: утвержденное Департаментом Неокладных Сборов Министерства Финансов постановление Управляющего акцизными сборами Западной Сибири по настоящему делу отменить» [115].

В том же 1888 г. акцизным надсмотрщиком Любимовым в г. Томске был составлен протокол по содержанию мешанами Б. Фуксманом и М. Перскиным портерной лавки по чужому патенту и продаже вина Перскиным из этой же лавки. 5 октября 1888 г. акцизный управляющий по данным нарушениям составил постановление следующего содержания:

«1. Евреев мещан Б. Фуксмана и М. Перскина подвергнуть по равной части, денежному взысканию, равной цене годового патента на портерную лавку в местности 2-го разряда, т.е. 20 руб., из которых одну половину обратить в доход казны, а другую выдать открывателю нарушения надсмотрщику Любимову; сверх того, обязать Фуксмана и Перскина уплатить стоимость годового патента на портерную лавку... всего 35 руб., из которых 30 руб. обратить в доход казны и 5 руб. в губернский земский сбор; 2. Мещанина М. Перскина, за продажу вина из портерной лавки подвергнуть денежному взысканию равному половине цены патента на питейные заведения в местности 2-го разряда, т.е. 140 руб., из коих одну половину обратить в доход казны, а другую выдать надсмотрщику Любимову. Кроме сего, обязать М. Перскина уплатить стоимость годового патента на питейное заведение... всего 362 руб. 50 коп., из которых 290 руб. обратить в доход казны, а 72 руб. 50 коп. в земский сбор» [116].

Перскин опротестовал решение акцизного надзора Западной Сибири в Департаменте неокладных сборов, но Департамент утвердил постановление акцизного управляющего. Тогда Перскин обращается с жалобой в Правительствующий Сенат, который в своём указе от 20 марта 1892 г. выносит следующее решение: «Принимая во внимание, что торговля по чужому патенту составляет нарушение, предусмотренное 596 ст. Устава о питейном сборе издания 1887 г. и что ответственными лицами за таковое в данном случае являются Фуксман и Перскин, что Перскин, как отпустивший вино из портерной лавки, является также виновным в нарушении 597 ст. Устава... Правительствующий Сенат признает жалобу Перскина не заслуживающей уважения, а потому определяет: объявить её без последствий» [117].

Другим видом преступлений, связанных с модернизационными процессами в Южном Зауралье, были растрата и мошенничество. Конечно, данный вид преступлений существовал в России и раньше, однако изменились условия и методы их совершения, а также форма таких преступлений. В частности, в протоколе от 23 октября 1896 г. говорится об осуждении крестьян Ушакова, Смирных и Иванова по статье 173 Мирового устава за мошенничество и вынесения им приговора, гласящего, что данные крестьяне должны отбыть наказание в форме 20 дней ареста [118]. 31 октября 1896 г. рассматривалось дело крестьянина Утятской волости Сысоева, получившего два месяца заключения за «растрату лошади» (правда, чью лошадь и как растратил Сысоев в деле не сообщается) [119].

Рассмотрим теперь, как обстояли дела с соблюдением законности в кредитно-финансовой сфере. В начале XX века в Южном Зауралье появляется значительное количество кредитных товариществ. Основанием для их возникновения служили решения сельских сходов, после чего в отделение Государственного банка направлялось соответствующее прошение. Все вопросы, связанные с открытием и деятельностью подобного рода учреждений, контролировались инспекцией по делам мелкого кредита Петропавловского отделения Государственного банка. Кредитное товарищество занималось кредитованием хозяйственных надобностей крестьян, в него входивших. При этом налоги с данных операций не взимались. Необходимым условием подобных операций выступал также относительно небольшой размер суммы, на которую могло производиться кредитование [120].

Кроме кредитования крестьян-единоличников кредитные товарищества могли заниматься и более серьезными финансовыми проектами. К примеру, в 1913-1914 годах сразу три кредитных товарищества: Лебяжье-ское, Кабаковское и Арлагульское – объединили свои усилия с целью постройки элеватора [121]. Работа кредитных товариществ руководилась выборным правлением и контролировалась инспекцией по делам мелкого кредита, последняя контролировала также и крупные вложения денег.

Наиболее распространенным видом правонарушений крестьянами в кредитно-финансовой сфере являлось невозвращение кредита в установленный срок. Такие случаи происходили достаточно регулярно во всех учреждениях, которые занимались мелким кредитованием на территории региона. Приведем примеры. Согласно отчету Половинского кредитного товарищества Курганского уезда Тобольской губернии за 1913 год, в нем имелось на конец года девять просроченных ссуд на общую сумму 120 рублей. Из всех просроченных ссуд шесть на сумму 90 рублей либо были признаны ненадежными, либо были просрочены на срок более одного года, а три ссуды на сумму 30 рублей были поданы к взысканию [122].

Учитывая, что прибыль Половинского кредитного товарищества за этот же 1913 год составила 1 180 рублей, потери от невозвращения ссуженных денег составили не более 10% от прибыли.

В Лебяжье-ском кредитном товариществе Курганского уезда Тобольской губернии за период с декабря 1913 года по июль 1915 года было просрочено 26 ссуд на сумму 536 рублей 90 копеек, а на 22 апреля 1914 года просроченными значились 57 ссуд на сумму 1 153 рубля, из чего можно

сделать вывод о том, что крестьяне–должники старались вернуть просроченные ссуды [123].

Причинами невыплаты кредита могли быть различные факторы: неурожай, падение цен на зерно, неурядицы в хозяйстве, а также неудобные сроки выплаты по взятым ссудам. Последняя причина упоминается в посланиях инспектора по делам мелкого кредита вместе с предложением назначать более удобные для кредитруемых сроки выплат [124]. Дела против лиц, оказавшихся не в состоянии вовремя расплатиться с кредитным учреждением, возбуждались достаточно редко. При этом, очевидно, первоначально оценивались и шансы получить что-либо с заемщика.

Следующим видом правонарушений, отмеченных в деятельности кредитных товариществ, являлось уклонение от уплаты налога с финансовой деятельности. Некоторые кредитные товарищества выдавали кредиты лицам, которые не являлись членами этих товариществ, что согласно действовавшему законодательству должно было повлечь за собой уплату соответствующего налога. Однако и в этом случае каких-либо карательных мер со стороны государства не следовало. Мерой воздействия в данном случае являлось напоминание со стороны инспекции по делам мелкого кредита отделения Государственного банка о недопустимости подобного рода действий. Оценивая деятельность мелких кредитных крестьянских учреждений в целом, можно сделать вывод, что она в большинстве случаев проходила в соответствии с требованиями законодательства. В то же время некоторые отклонения от предписанных законодателем правил зачастую устранялись в процессе работы без обращения в судебные органы. Такая практика приводила к положительным результатам, давала возможность людям, не имевшим обычно достаточного опыта работы в таких финансовых учреждениях, исправить свои ошибки.

Таким образом, процессы модернизации неизменно влекли за собой трансформацию общеправовых воззрений в крестьянской среде, а вместе с ними вели к возникновению новых видов преступлений и правонарушений, в том числе и в Южном Зауралье в конце XIX–начале XX века. В то же время количество новых видов преступлений (судя по архивным материалам) не позволяет говорить об их широком распространении в зауральской деревне, однако их наличие свидетельствует об определенной «модернизации» крестьянского правового поведения, его все большего «сдвига» в сферу официально-нормативного права и стремлении крестьянства выйти из-под диктата устаревших патриархальных традиций в деревне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги монографического исследования можно сформулировать следующие выводы.

1 В определенной мере на формирование и развитие южнозауральской общины оказали влияние ссыльнопоселенческое и переселенческое движения. На разных этапах своего развития ссылка в Сибирь имела различную динамику, при этом на протяжении XIX века наблюдался ее неуклонный рост.

В то же время, хотя ссылка и сыграла определенную роль в формировании южнозауральского населения и его общины, ссыльные по отношению к добровольным переселенцам и их потомкам, сформировавшим старожильческое население края, во все периоды составляли лишь незначительную часть населения, которая была неравномерно расселена по разным волостям Южного Зауралья вследствие чисто механической процедуры распределения ссыльных Тюменским приказом. Во второй половине XIX в. в Южное Зауралье в основном направлялись административные ссыльные и сосланные на жительство, то есть преступники, совершившие «незначительные» уголовные и административные преступления (кражи, грабежи, мошенничество, «плохое поведение» в прежней общине и т.д.), а также политические ссыльные. Однако местная администрация стремилась к ограничению наплыва и этих категорий ссыльных из-за недостатка плодородной земли. Прибывшие ссыльные в основной своей массе не могли обустроиться в Южном Зауралье в силу ряда социально-экономических, психологических и других причин. Многие ссыльные некрестьянских сословий не имели навыка к земледельческому труду и хозяйственного опыта. Ссыльные из крестьянского сословия очень часто не имели средств для устройства хозяйства. Поэтому ссыльнопоселенцы очень часто были вынуждены сдавать полученный надел в аренду, а сами подавались в батраки к местным кулакам. Бесправные, беззащитные батраки из ссыльных подвергались эксплуатации со стороны богатого старожильческого крестьянства.

В результате тяжелого положения и эксплуатации ссыльных в Сибири следовала ответная реакция со стороны ссыльнопоселенцев, совершавших различные преступления и правонарушения в местах поселения. Однако в целом в Курганском уезде Тобольской губернии роль ссыльно-

поселенцев в росте преступности в крестьянском сословии была незначительной. На наш взгляд, это объясняется как небольшим количеством ссыльнопоселенцев в крестьянской общине, так и определенными правовыми традициями крестьянского мира, следование которым со стороны вновь прибывших было необходимым условием их дальнейшего проживания в деревне. Об этом свидетельствуют материалы волостных судов Южного Зауралья. Наибольшее количество исков с участием ссыльнопоселенцев, рассмотренных волостными судами, составили различные виды долговых исков и исков по земельным спорам. А наиболее распространенными видами уголовных преступлений в ссыльнопоселенческой среде были незаконные порубки леса, как казенного, так и наделного, а также заурядные обычные кражи. Преступления против мира, а также против односельчан (оскорбления на словах и оскорбление действием) среди ссыльнопоселенцев были довольно редким явлением. Таким образом, во второй половине XIX–начале XX века ссыльнопоселенцы в Южном Зауралье, хотя и оказывали определенное влияние на традиционные нормы южнозауральской общины и рост преступности внутри нее, но это влияние было малозначительным.

2 Гораздо сложнее складывались взаимоотношения крестьян Южного Зауралья с переселенцами. Переселенческая политика правительства в Сибирь и на Дальний Восток вызвала проблему «земельного голода» в более или менее обжитых районах Западной Сибири, в том числе и в Южном Зауралье. Эта проблема в свою очередь приводила не только к земельным конфликтам между переселенцами и старожилами, но и к внутриобщинным земельным спорам. Причем данная проблема возникла не в конце XIX–начале XX в., а гораздо раньше: в 60-е годы XIX века. Это ускорило процесс перехода от совместного общественного владения несколькими общинами земельных, лесных и других угодий к раздельному. Но переход к раздельному владению землей отдельными обществами и поземельное устройство крестьян путем «полюбовного соглашения» были практически невозможным, так как среди государственных крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX в. не было четкого юридического представления о понятии земельной частной собственности. В Сибири, в том числе и в Южном Зауралье, в рассматриваемый период было распространено индивидуально-подворное землевладение, предполагавшее захватную форму землепользования внутри волостей и передачу земель по

наследству. Земля в подавляющем большинстве оставалась государственной собственностью, поэтому на административные органы ложилась вся ответственность за решение проблемы наделения землей каждого сельского общества. Проводившиеся межевания государственными чиновниками отнюдь не снимали остроту земельной проблемы между старожилами и переселенцами, напротив, конфликтные ситуации в ходе межеваний только учащались, так как многие сибирские земледельцы воспринимали межевание как нарушение их традиционных прав, приводившее к частичному обезземеливанию местного населения. Наряду с обезземеливанием южнозауральский крестьянин все больше ощущал себя в ситуации социального неравенства. Наплыв мигрантов создавал излишек рабочей силы в деревне, ставил в невыгодные условия местных крестьян-старожилов, лишая их заработка в традиционных размерах.

Нехватка земли привела в конце XIX века к тому, что в Южном Зауралье наблюдается стремление крестьянства, как старожильского, так и переселенческого, приобрести землю в частную собственность, о чем свидетельствует рост числа владенных записей в волостных правлениях. В то же время количество земель, находящихся в частной собственности у крестьян, было значительно меньше, чем у других сословий.

В начале XX в. с проведением столыпинской аграрной реформы переселенческое движение в Южное Зауралье усиливается. Несомненно, что переселенческая политика и само движение способствовали существенной трансформации социально-экономических и правовых отношений в южнозауральской деревне.

Во-первых, в данном регионе значительно возросла социальная мобильность, особенно горизонтальная. Эта мобильность проявилась в движении крестьянства из деревни в город. Более того, функционирование Сибирской железной дороги позволило южнозауральским крестьянам из-за нехватки земли переселяться дальше на Восток, хотя, на наш взгляд, данные миграционные потоки были незначительными.

Во-вторых, переселенческое движение вместе со столыпинскими реформами способствовало росту частного землевладения в южнозауральской деревне. Основной причиной выхода из общины на хутора и отруба было желание формально-юридически закрепить свои земельные права, которые в условиях роста общинного и государственного вмешательства в поземельные отношения становились все более неопределен-

ными. В то же время в Южном Зауралье не было широкого крестьянского движения за выдел из общины на хутора и отруба. Это объясняется, главным образом, фактической собственностью зауральских крестьян на их наделные земли и глубоко укоренившимся представлением о земле как «своей». Таковы, на наш взгляд, главные причины «провала» столыпинской аграрной реформы в Южном Зауралье.

В-третьих, в начале XX в. в южнозауральской общине разрушаются традиционные корпоративные отношения, что было связано как с развитием отходничества, так и влиянием «чужих» традиций и обычаев, вносившихся в устоявшийся быт местных жителей переселенцами.

В целом, зауральские крестьяне не приветствовали переселенческое движение по ряду причин. Одной из главных причин являлась нехватка земли. Кроме того, плохая организация массовых переселений, слабая помощь переселенцу со стороны государства, плохое медицинское обслуживание приводили к тому, что переселенцы на новых местах оказывались не только в тяжелых материальных, но и плохих санитарных условиях. Что в свою очередь приводило к возникновению тяжелых эпидемических болезней в переселенческой среде, что также приводило к недовольству среди местного населения. Таким образом, отношения между старожилами и переселенцами, в силу указанных выше причин, были далеко не всегда мирными, а напротив, довольно напряженными. Причем эта напряженность нередко перерастала в серьезные конфликты.

3 Южнозауральская крестьянская община и семья во второй половине XIX века имели свои социально-экономические и правовые особенности, отличавшие их от общин других регионов России. В первую очередь серьезные отличия были в переделах и чересполосице. Переделы в зауральской общине производились через очень продолжительный срок (десять лет), а чересполосица в земельных наделах крестьян была довольно редким явлением. Данные отличия объясняются тем, что землепользование в южнозауральской общине было основано на так называемом принципе «старозаимочности». Этот принцип в правовом мировоззрении зауральского крестьянина превращал землепользование в землевладение и распространялся не только на землю, но и на лесные и рыбные угодья. В результате чего частнособственнические настроения в южнозауральской крестьянской общине, на наш взгляд, были довольно сильными. Государство во многих случаях лишь декларировало себя в качестве «верховного

собственника» зауральских земель, не имея даже разработанного законодательства, содержащего четкое представление о праве собственности и позволяющего эффективно вмешиваться в практику землевладения и землепользования. А случаи нарушения общиной принципа старозаимочности рассматривались крестьянами как посягательства на свои права. Принцип старозаимочности позволял зауральским крестьянам оставаться на наделах их отцов и дедов. Основанием для наследования было родство с главой семьи и степень трудового участия в общем хозяйстве.

Южнозауральская община регулировала семейные разделы и выделение усадебных мест, но архивный материал Курганского уезда дает основание считать, что и здесь вмешательство общинных органов было минимальным и ограничивалось регистрацией свершившихся фактов.

Большую роль играла община в регулировании непахотных угодий: моховников, ягодников, торфяников, рыбных ловлей и т.д. Однако с разложением общины в Южном Зауралье в волостных судах имеется довольно большое число исковых заявлений как от всей общины, так и от самих общинников по поводу незаконной ловли рыбы в «надельных» водоемах или охоты в охотничьих угодьях.

Уже во второй половине XIX в. во многих волостях Южного Зауралья даже лесные угодья были разделены на подворно-душевые участки. Поэтому нам кажется весьма спорным утверждение многих историков и юристов, что примером обычного права в крестьянской среде является взгляд крестьян на лес как на «дар божий», «ничейный». Это опровергают многочисленные дела в волостных судах, касающиеся споров о лесных пайках, незаконных вырубках и т.д.

Таким образом, во второй половине XIX в. с развитием модернизационных процессов в южнозауральской общине просматривается тенденция замены общинных традиций частнособственническими настроениями и взглядами у определенной части крестьянства. Эта замена сопровождалась как дальнейшим ростом социально-экономического расслоения в деревне, так и трансформацией обычного правового мировоззрения зауральского крестьянства.

Модернизационные процессы также оказывали влияние на такой традиционный институт крестьянского мира, как патриархальная семья. Благодаря улучшению сообщения между городом и деревней, росту отходничества, проведению военной реформы существенно возросло влия-

ние городской культуры на деревенскую. В результате этого влияния большая патриархальная семья во второй половине, и особенно в конце XIX в., начинает уступать место малой, которая в большей мере соответствовала новым социально-экономическим условиям, была лучше приспособлена к развивающемуся товарному хозяйству, ориентированному на рынок, связанному с неземледельческими занятиями, к колебаниям экономической конъюнктуры.

Экономическое и юридическое положение женщины в южнозауральской общине конца XIX–начала XX в. довольно существенно отличалось от положения женщины центральных российских губерний. Южнозауральская женщина была более эмансипированной. Она нередко вступала в правовые сделки по движимому и недвижимому имуществу, а после смерти мужа часто наследовала значительную часть всего нажитого семейного имущества. Очень часто женщина в зауральской общине выступает как ее полноправный член после смерти своего мужа или сына, владеет выделенным надельным участком, несет за него различные оброчные статьи. Таким образом, специфика сибирского региона способствовала формированию особенностей жизни зауральской женщины-крестьянки, ее менталитета и социального положения. По многочисленным отзывам современников южнозауральские женщины-крестьянки были более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, чем женщины центральной части России, а семейные отношения более демократичными.

4 Большую роль в юридическом быте южнозауральского крестьянства играли сословные волостные суды. Деятельность волостных судов регулировала взаимоотношения внутри крестьянского мира (межличностные и хозяйственные отношения крестьян одного сельского общества, между членами разных сельских обществ); суд выступал арбитром между требованиями волостной и сельской администрации и интересами сельского общества, отдельных крестьян. Систематизация решений волостных судов позволяет говорить, что сословные суды выполняли гражданско-правовую, административно-фискальную и нотариальную функции в жизни крестьянского мира.

В решениях волостного суда отразились и юридическое поведение крестьянства, и влияние обычного права на это поведение, постепенная трансформация этого поведения, а также фиксировались наиболее распро-

страненные правонарушения, мелкие уголовные преступления и имущественные споры и тяжбы в крестьянской среде (до 100 рублей). Часто одной из сторон выступало все сельское общество в делах о потравах, в межевых спорах, исках по раскладу повинностей, через специальных «доверенных».

Сословность волостного суда, по замыслу правительства, должна была, оградить крестьянство от вмешательства коронной администрации в решение мелких крестьянских тяжб и конфликтов. Фактически волостные суды должны были соединить в себе элементы традиционно существовавшего «обычного» крестьянского суда и волостных расправ государственных крестьян.

В конце XIX в. состав волостных судей в Южном Зауралье ежегодно сменялся, так как должность судьи не считалась престижной, к ее исполнению крестьяне относились как к государственной повинности, кроме того, эта должность нередко «обеспечивала» недругов как со стороны однообщинников, так и со стороны сельской администрации. Неграмотность и частая смена судей приводила их к зависимости от сельской администрации.

В самой процедуре судопроизводства волостных судов переплетались традиции обычного права с установлениями государственной администрации. Примерами действия обычного права в волостном суде, на наш взгляд, являются: подача исковых заявлений в основной своей массе в устной форме, обязанность истца представить доказательства вины ответчика и подтверждения их (жалоба без доказательств расценивалась как клевета и наказывалась), неявка ответчика признавалась доказательством его вины, отмена искового заявления в случае неявки истца, обязательная процедура примирения сторон. Кроме того, в волостных судах практиковалась «божба» в качестве доказательства или примирения сторон, причем «божба от хорошего человека» вызывала безусловное доверие судей. Был распространен также такой архаичный способ решения тяжб, как обычай «грех пополам», когда взыскивали только половину указанной в иске суммы из-за отсутствия ясных доказательств. Иногда виновный в суде даже определялся жребием. В волостном суде не было строгой взаимосвязи между проступком и мерой наказания; судьи определяли наказание «смотря по человеку», т.е. учитывали репутацию крестьянина (умеет ли он вести хозяйство, не был ли замечен в

предосудительных поступках ранее, не имеет ли задолженности по платежам, не пьянствует ли и т.д.).

Для наказания виновных волостные суды могли применять штраф, арест и общественные работы, телесные наказания. При чем преобладающим видом наказаний в 60-90-е годы XIX в. были розги. Наказание розгами было нормой обычного права, это было непосредственным наказанием для провинившегося, кроме того, розги широко применялись из-за низкого уровня жизни крестьянства, крестьяне очень часто не были в состоянии заплатить штраф. Но уже в начале XX века данный вид наказания в волостных судах Южного Зауралья уступает место штрафам и содержанию под арестом.

Таким образом, влияние обычноеправовых традиций и представлений в волостных судах Южного Зауралья во второй половине XIX в. было довольно значительным. Изучение практики волостных судов в первые пореформенные десятилетия показывает, что волостные суды функционировали как вторая, более высокая, инстанция традиционного (обычного) крестьянского суда. На волостном суде разрешались тяжбы и конфликты, которые не удавалось разрешить на обычном крестьянском суде (так называемом суде стариков, суде старосты с добросовестными и др.).

Однако, на наш взгляд, примеры такого действия обычного права характерны только для начального периода существования волостных судов. В решениях волостных судов Курганского уезда 80-90-х годов XIX века мы нашли лишь несколько примеров приговора по обычаю «грех пополам» и не обнаружили ни одного решения суда по жребью. Конец 70-х годов XIX в. фиксирует некий рубеж в юридических представлениях крестьян: включаясь в новые формы производственной и коммерческой деятельности, крестьяне осознают архаичность норм обычного права, критически к ним относятся, все большее распространение в волостных судах получают письменные документы, особенно в денежных и имущественных тяжбах. С развитием товарно-рыночных отношений, с постепенным отмиранием традиций крестьянской общины, развитием модернизационных процессов суд стариков терял свое значение в правовом быту крестьянского сословия. Участие значительного количества крестьян в судопроизводстве в рамках самоуправления, гласное разбирательство в суде имели большое значение в утверждении элементарных правовых знаний в среде крестьянства. В волостных судах крестьянство обретало социальный

опыт, изменялись его юридические представления, отмирали нормы обычного права, постепенно утверждались нормы буржуазных правовых отношений.

Кроме того, архивные данные свидетельствуют, что ко второй половине 90-х годов XIX в. каждое четвертое решение волостного суда обжаловалось в вышестоящей инстанции. На наш взгляд, в данном случае значительную роль сыграли модернизационные процессы, происходившие в Южном Зауралье и повлиявшие на развитие правовой культуры в крестьянской среде, на стремление крестьянства выйти из-под юрисдикции обычного права в сферу права нормативно-официального.

5 В начале XX в. наблюдаются существенные изменения в южнозауральской общине. Социально-экономическое, политическое и правовое развитие российского крестьянства в послереформенное время привело к существенной трансформации традиционных воззрений и взглядов этого сословия. Община перестала быть самодостаточной организацией. Неспособность общины обеспечить всем своим членам достойное существование в условиях товарно-рыночного производства приводила к тому, что многие крестьяне теряли веру в общинный строй жизни как единственно возможный или лучший.

Значительное влияние на разложение крестьянской общины оказала урбанизация и городская культура. Это влияние проявлялось в падении нравственности, дисциплины, в неуважении к родителям, участвовавшим в семейных разделах, росте пьянства, ослаблении уважения к церкви и религии. В менталитете южнозауральского крестьянства в начале XX в. наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма. Однако влияние городской культуры на сельскую было взаимообразным: одновременно с урбанизацией Южного Зауралья происходила рурализация городских центров. Большую роль в развитии урбанизации в Южном Зауралье сыграло строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, с помощью которой крестьянство активно втягивалось в товарно-денежные и рыночные отношения со всеми вытекающими последствиями: расслоением, разорением его значительной части, развитием кооперативного движения в крестьянской среде (Союз сибирских маслодельных артелей).

Трудовые отношения в крестьянском обществе, содержащие под собой и правовую основу, также подвергались существенной трансформации.

ции в нашем регионе в конце XIX–начале XX века, происходит их капитализация.

Капитализация трудовых отношений в зауральской деревне нами усматривается, прежде всего, в развитии найма, когда наниматель и нанимаемый вступали и в экономические, и в правовые отношения. Найм в системе социально-экономических и правовых отношений в зауральской деревне имел важное значение. Примерно треть всех дворов Курганского уезда использовала труд наемных работников в начале XX в. Растет и количество судебных исков в волостных судах о нарушении условий найма, что свидетельствует о развитии правосознания южнозауральского крестьянства, предпочитавшего в таких спорах не традиционный суд мирской сходки (где часто главную роль играло кулачество), а низовое звено официальной судебной системы – волостной суд. В то же время обремененность найма различными формами зависимости доказывает довольно значительную роль сохранившихся традиционных ценностей в южнозауральской крестьянской общине на рубеже XIX-XX веков.

Другим примером воздействия модернизационных процессов на трансформацию правосознания крестьянства является сибирское маслоделие и участие в нем южнозауральской общины. В конце XIX–начале XX в. в маслодельное производство вовлекались тысячи крестьянских хозяйств по всей Западной Сибири. Формировалось мелкое товарное производство, кооперация способствовала развитию капиталистических отношений в деревне.

В историографии довольно спорным остается вопрос: социалистический или капиталистический характер носила кооперация? Мы склоняемся к точке зрения тех историков, которые считают, что кооперация тяготела к капиталистической организации, так как в основе кооперации лежала частная собственность, в ней использовался наемный труд, деление производственной прибыли также имело капиталистические черты. Вовлечение крестьян Южного Зауралья в кооперативное движение в конце XIX–начале XX века одновременно втягивало их в сферу новых правоотношений, а в волостных судах появляется довольно большое количество исковых заявлений, связанных с кооперативной деятельностью.

Модернизационные процессы в Южном Зауралье повлияли и на возникновение на рубеже XIX-XX веков, новых видов преступлений в крестьянской среде. Прежде всего, среди таких преступлений можно назвать

самогоноварение, беспатентную продажу алкогольных напитков, невозврат взятых в кредитном товариществе ссуд, растраты и мошенничества в финансовой сфере.

В то же время архивные материалы не позволяют говорить об их широком распространении в зауральской деревне, но их наличие свидетельствует об определенной трансформации крестьянского правосознания, его все большего «сдвига» в сферу официально-нормативного права и стремления крестьянства выйти из-под диктата устаревших патриархальных традиций в деревне.

6 В начале XX в. в южнозауральской деревне происходят существенные изменения в культурно-духовной сфере жизни крестьянского общества. В первую очередь это коснулось секуляризации общественного сознания крестьян. Под ее влиянием авторитет церкви в крестьянской среде понижается, религиозные, духовные «скрепы» слабеют. В определенной мере на падение церковного авторитета оказало влияние и поведение местного клира. В его среде происходят не только аморальные проступки, но и случаются правонарушения и уголовные преступления, более того, в местных архивных документах можно обнаружить факты отступничества священнослужителей от православия. Девиантное поведение духовных лиц вызывало в обществе сомнение в церкви как в религиозно-государственном учреждении и, более того, сомнение в истинности самих религиозных православных догматов. В то же время крестьянство с большим упорством стремилось сохранить религиозно-православные устои и институты в деревне.

Таким образом, секуляризация массового сознания крестьян в пореформенный период происходила, но не так быстро, как считают одни исследователи, и не так медленно, как утверждают другие.

Во второй половине XIX-начале XX века в России, в том числе в Зауралье, многие формы традиционного образа жизни и традиционной культуры начали изживать себя, они не поспевали за динамизмом нового времени.

Но далеко не всегда инновации носили положительный характер. Вытеснение традиционных форм поведения и норм общения, ослабление роли общины и ее контрольных функций, а также семьи привели к появлению и развитию норм поведения, очень часто имеющего девиантные черты. Такое отклоняющееся, девиантное поведение выразилось, прежде все-

го, в чрезмерном пьянстве и тесно связанном с ним хулиганстве. Развитию пьянства в деревне способствовала и государственная политика: введение акцизной торговли на алкогольные напитки, а затем казенная винная монополия. Питейные заведения в конце XIX–начале XX в. открывались во многих селах и деревнях Южного Зауралья. А продажа алкогольной продукции в Тобольской губернии с 1902 по 1906 год возросла в три раза: с 3 млн руб. до 10 млн руб. С наступлением XX века пьянство приобрело весьма широкий размах и привело к новому явлению в зауральской деревне – хулиганству. Наблюдается рост количества дел, связанных с пьянством в волостных судах Южного Зауралья. Причем это количество существенно возрастает в начале XX века по сравнению со второй половиной XIX века.

Таким образом, в начале XX в. в южнозауральской общине можно наблюдать значительные модификации в культурно-духовной области, что естественно отразилось на трансформации правосознания зауральского крестьянства и оказало влияние на рост преступности в его среде.

Анализ дел волостных судов в начале XX в. показывает картину изменений, произошедших в правовых отношениях зауральских крестьян по сравнению со второй половиной XIX в. В целом наблюдается внушительный рост исковых заявлений в волостных судах Южного Зауралья. Возрастает количество дел по земельным спорам и аренде земельных участков, что в значительной мере связано с ростом переселенческого движения и реализацией столыпинской аграрной реформы. О капитализации и развитии товарно-денежных отношений в зауральской деревне в начале XX в. свидетельствуют дела, связанные с нарушением условий найма и кооперативной деятельностью крестьян. Эти дела к 1913 году составили существенную часть от общего количества исковых заявлений.

Количество дел с уголовными преступлениями, которые рассматривал волостной суд, с 1890 по 1913 гг. составляло довольно значительный процент и колебалось от 39 до 20% от общего количества дел в разные годы. Причем наибольший пик дел, связанных с хулиганством в деревне (оскорбление действием и оскорбление на словах), приходится на 1900 год. Однако и в другие годы такие дела составляли примерно половину всех уголовных волостных дел. Рост количества уголовных дел в волостных судах Южного Зауралья объясняется целым комплексом причин. Немаловажную роль в этом росте сыграл как естественный и искусственный

прирост населения региона, так и происходившие социально-экономические и морально-правовые изменения в зауральской общине на рубеже XIX–XX вв.

В начале XX века крестьяне в Южном Зауралье постепенно освобождаются от опеки общины. В волостных судах область обычного права существенно сужается в гражданских делах, а в делах уголовных судьи должны были руководствоваться только общими уголовными законами в пределах их компетентности. Начиная с 1889 г. с изданием «Временных правил» для волостных судов российское законодательство стремилось вывести крестьянство из сферы действия обычного права в сферу официально-нормативного. Законодательство дало крестьянам равные с другими сословиями права, сделав их полноправными субъектами гражданско-правовых отношений. Но новые социально-экономические условия, а также несформированность до конца новой правовой культуры привели к неопределённости в сознании и психологии крестьянства, что сыграло свою роль в росте преступности среди крестьянского сословия, в том числе и южнозауральского.

ВВЕДЕНИЕ

- 1 Российская модернизация проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. №7; Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994; Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994; Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995; Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Поляков Л. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. №3; Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: историко-культурный аспект. М., 1998; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т.1,2; Андреева Т.А. Особенности российской модернизации в свете современного исторического знания // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Опыт российских модернизаций XVII-XX вв. М., 2000; Алексеев В.В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Екатеринбург, 2000; Алексеева Е.В. Государственная власть и модернизация Российской империи: детерминанты и константы // История отечественного государства и права: Методология изучения и методика преподавания. Екатеринбург, 2001; и др.
- 2 Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Опыт российских модернизаций XVII-XX вв. М., 2000. С.3.
- 3 Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н.Новгород, 1996.
- 4 Миньковский Г.М., Сахаров А.Б. Преступность // Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т.25.
- 5 Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004; Алеврас Н.Н. Уральский регион: историко-культурное единство или многообразие? // Урал в контексте российской модернизации: сборник научных трудов. Челябинск, 2005. С.38-44 и др.

- 6 Право обычное // Большой юридический словарь / сост. М.Е. Волосов, В.Н. Додонов и др. М., 2006.
- 7 Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней Руси // Современник. 1847. Т.1; Он же. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования// Современник. 1860. № 2.
- 8 Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней Руси. С.47.
- 9 Кавелин К.Д. Государственное крепостное право в России // Голоса из России: сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1974. Кн.3; Сергеевич В.И. Крестьянское право и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII в. // Журнал Министерства Юстиции. 1907. №2; Он же. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1900; Самоквасов Д.В. Семейная община в Курском уезде // Записки РГО по отделению этнографии. 1878. Т.8. Отд.3; Снегирев И.М. Обзорение юридического быта в продолжение древних и средних периодов русской народной жизни // Юридические записки, изданные П.Т. Редкиным. М., 1842. Т.2; Веригин И. Начала русского народного права и судопроизводства // Русская речь. 1879. №3; Оршанский И.Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.
- 10 Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып.1. Обычное право. М., 1884. С.171.
- 11 Тютрюмов И.М. Крестьянский суд и начала народно-обычного права // Русское богатство. 1883. №9. С.196; Леонтьев А.А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914. С. 4, 15, 20.
- 12 Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906. С. 251.
- 13 Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1879. Т.1, 2.
- 14 Пахман С.В. Указ. соч. Т.1. С.12, 389-394.
- 15 Ефименко А.Я. Указ. соч. С.180; Муллов П.А. Несколько слов о материалах для объяснения народного юридического быта // Журнал Гражданского и Уголовного права. 1877. №4. С.184.
- 16 Фойницкий И.Я. Программа для собирания народных юридических обычаев. Уголовное право // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1878. Т.8.

- 17 Фойницкий И.Я. Указ. соч. С.1.
- 18 Билимович А.Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Киев, 1904. С. 53-54.
- 19 Евреинов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб., 1903. С.59-60; Он же. Самобытность или отсталость. СПб., 1905. С. 41.
- 20 Дружинин Н.П. Крестьяне и общее гражданское право // Журнал Юридического общества. 1896. №6. С.28.
- 21 Барац С.М. О чужеземном происхождении большинства русских гражданских законов // Журнал Гражданского и Уголовного права. 1884. №8. С. 4-5.
- 22 Титов А.А. Правовое положение пореформенного крестьянства // Крепостное право в России и реформа 19 июля. М., 1911. С.383-399; Постников В.Е. Освобождение крестьян // Освобождение крестьян. СПб., 1911. С.275-284; Мануилов А.А. Реформа 19 февраля и общинное землевладение // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т.6. С. 54-76.
- 23 Титов А.А. Указ. соч. С. 390.
- 24 Постников В.Е. Указ. соч. С. 282.
- 25 Мануилов А.А. Указ. соч. С. 73.
- 26 Качоровский К.Р. Русская община. М., 1906; Николаев А.А. История русского крестьянства. СПб., 1909; Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири по местным исследованиям 1886-1892 гг. СПб., 1897; Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т.1; 1892. Т. II.
- 27 Качоровский К.Р. Указ. соч. С. 59.
- 28 Николаев А.А. Указ. соч. С. 72-75.
- 29 Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т.1. С.20; 1892. Т. II. С.22-25, 344; Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886-1892 гг. СПб., 1897. С. 10,39-42,144.
- 30 Соболев М.Н. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. №1. С.35-48; Головачев Д.М. Частное землевладение в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. №1. С.133-134.

- 31 Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. М., 1917; Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924; Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1925; Гурвич И.А. Экономическое положение русской деревни. М., 1941 и др.
- 32 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1947. Т.1; 1958. Т.2; Он же. Русская деревня на переломе 1861-1880 гг. М., 1978.
- 33 Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1960; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. М., 1972; Он же. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856-1861 гг. М., 1984; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России (конец XIX-начало XX в.). М., 1980; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1993; Кабытов П.С. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988 и др.
- 34 Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С.438.
- 35 Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 57-77.
- 36 Анфимов А.М. Указ. соч. С.57.
- 37 Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1984. С.116.
- 38 Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996; Он же. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1993.
- 39 Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. №2. С.35.
- 40 Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861-1914 гг.) // История СССР. 1980. №4; Александров В.А. Сельская община в России (XVII-начало XIX в.). М., 1976; Он же. Обычное право крепостной деревни России, XVIII-начало XIX в. М., 1984; Он же. Обычное право в России в отечественной науке XIX-начала XX в. // Вопросы истории. 1981. №11; Пушкаренко А.А. Обычное право позднефеодальной эпохи // Социально-

политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России / отв. ред. В.Т. Пашуто. Воронеж, 1983.

- 41 Зырянов П.Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып.6. С. 100-101.
- 42 Александров В.А. Отечественная наука XIX–начала XX века об обычном праве в России // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в пореформенной России. Воронеж, 1983. С. 16-17.
- 43 Александров В.А. Обычное право в России в отечественной науке XIX–начала XX в. // Вопросы истории. 1981. №11. С. 55.
- 44 Ленин В.И. Аграрный вопрос России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т.17. С. 57-137.
- 45 Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. №5; 1993. №2, 6; 1994. № 2, 4-5; 1995. № 3, 4, 6; 1994. №4; 1997. №2; 1998. №1 и т.д.; Медушевский А.Н. Реформы в России XIX–XX веков: западные модели и русский опыт. Конференция во Франкфурте-на-Майне // Отечественная история. 1996. №2; Воронин В.Е. Всероссийская научная конференция «Реформы и революции в России: XIX–XX вв. // Отечественная история. 2007. №1. С. 206-210.
- 46 Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996; Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России от сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; Российская модернизация XIX–XX веков: индустриальные, социальные, экономические перемены: сборник научных статей. Уфа, 1997; Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право. Отечественная история. 2001. №2–3; Ковалев Д.В. Из истории модернизационных процессов в крестьянском хозяйстве России конца XIX–первой четверти XX в. (на материалах Подмосковья) // Отечественная история. 2002. №2; Бородкин Л.И. Опыт российской модернизации XVIII–XX вв. // Отечественная история. 2003. №5; Козлов С.А. Аграрная модернизация Центральной Нечерноземной России в конце XVIII–начале XX в. (основные этапы) // Отечественная история. 2004. №2; Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х гг.: поворотный пункт российской истории // Отечественная история. 2005. №4; Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России XVIII–XX вв. М., 2007.

- 47 Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононорматика и начальное право // Государство и право. 2000. №1; 2001. №9; Семенов Ю.И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. №4; Он же. Основные понятия обычного права. Возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000; Нагих С.И. Нормативная система догосударственного общества и переход к государству // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000; Токарев С.А. Обычаи и обряды как объект этнографического изучения // Советская этнография. 1980. №3; Бгажнок Б.Х. Адыгейская этика. Нальчик, 1999.
- 48 Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права. Возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 15-17.
- 49 Нагих С.И. Указ. соч. С.40.
- 50 Токарев С.А. Указ. соч. С.54.
- 51 Бгажнок Б.Х. Указ. соч. С.29, 88.
- 52 Думанов Х.М., Першиц А.И. Указ. соч. С.85.
- 53 Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. Исследования по общей этнографии. М., 1979; Он же. Нормативное сознание // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988.
- 54 Думанов Х.М., Першиц А.И. Указ. соч. С. 89; Дружинин Н.П. Юридическое положение крестьян. СПб., 1897. С.76; Фойницкий И.Я. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1909. С. 27-28; Евреинов Г.А. Самобытность или отсталость. СПб., 1905. С. 12-14; Якушкин Е.И. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1909. Вып.4. С.58.
- 55 История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т.3. Сибирь в эпоху капитализма / гл. ред. А.П. Окладников и др. Л., 1968.
- 56 Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970.
- 57 Шейнфельд М.В. Историография Сибири (конец XIX–начало XX в.). Красноярск, 1972.
- 58 Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (XVI–XIX вв.). Новосибирск, 1964.
- 59 Громько М.М. Культура русского крестьянства XVII–XX веков как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. №3. С. 39-60.

- 60 Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 270.
- 61 Она же. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII–первая половина XIX в.) Новосибирск, 1975; Она же. Труд в представлении сибирских крестьян XVIII–первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1975; Она же. Трудовые традиции XVII–XIX веков и проблема современного сельского хозяйства // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. Тезисы докладов и сообщений. М., 1984. С. 160-170; Она же. Мир русской деревни. М., 1991.
- 62 Миненко Н.А. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII–первой половине XIX в. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1978; Она же. Русская крестьянская семья Западной Сибири (XVII–первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979; Она же. О влиянии социального расслоения на материальную культуру русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX века // Культурная жизнь Сибири XVIII–XX веков. Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1981. С.106-113; Она же. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни XVIII–первой половины XIX века. Новосибирск, 1989; Она же. Культура русских крестьян Зауралья XVII–первой половины XIX в. М., 1991.
- 63 Горьковская З.П. Источники для изучения трудовой деятельности русских крестьян периода капитализма // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма: сборник научных трудов. Новосибирск, 1983. С.76-72; Она же. Влияние переселенцев на трудовые традиции крестьянства Сибири в эпоху капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: сборник научных трудов. Новосибирск, 1986. С.110-125.
- 64 Мамсик Т.С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне (по материалам судебных дел первой половины XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских в Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1985. С.105-120; Она же. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987; Она же. Общинное самоуправление и взгляд крестьян на мирскую должность // Крестьян-

- ская община в Сибири XVII–начала XX вв. Новосибирск, 1997. С.171-172.
- 65 Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / под ред. Горюшкина Л.М. Новосибирск, 1983.
- 66 Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.Р. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). М., 1983.
- 67 Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (на материалах восточных регионов России XVIII–XIX вв.) Екатеринбург, 1995; Островская Л.В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVII–начала XX вв. (классовая борьба, общественное сознание, культура). Новосибирск, 1975. С. 172-186; Она же. Прощения в консисторию и Синод как источники для изучения социальной психологии пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С.165-188; Она же. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 135-149.
- 68 Зверев В.А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993; Он же. Красен человек уменьем. Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1995.
- 69 Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях в 1861–февраль 1917 г. Екатеринбург, 2004.
- 70 Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII–начале XX в. / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. М., 2003.
- 71 Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII–начале XIX в. Омск, 1973. С.379.
- 72 Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1975; Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978; Политические ссыльные в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1983; Политическая ссылка в Сибири (XIX–начало XX в.): историография и источники / отв. ред.

Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1987; Источники по истории освоения Сибири в период капитализма: сборник научных трудов / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1989.

- 73 Марголис А.Д. Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995; Он же. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1975. С. 223-237; Он же. Система Сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978. С. 126-140; Кошель П. Ссылка и каторга в России // История. 2003. №2. С.7-15; Бортникова О.Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX–начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 1998; Она же. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень, 1999; Никитина И.В. Формирование и развитие пенитенциарной системы на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2007.
- 74 Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Сибири во второй половине XVIII–первой половине XIX вв. Курган, 1999; Он же. Сельскохозяйственный опыт русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX в. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири XVII–начала XX века. Новосибирск, 1985. С. 69-76; Он же. Связь государственных крестьян с рынком во второй половине XVIII–первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII–XX вв.). Свердловск, 1990. С.19-33; Емельянов Н.Ф. Состав населения Кургана при капитализме // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991; Он же. Город Курган (1782-1917). Социально-экономическая история. Курган, 1992; Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семёнова О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994; Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004; Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Освоение Южного Зауралья в XVII–XIX вв.: к 50-летию Курганской области. Курган, 1993; Никитин В.А. Южное Зауралье во второй половине XIX века // История Курганской области. Курган, 1996. Т.2.; Менщиков И.С. Культура Южного Зауралья во второй половине XIX–начале XX

века. Курган, 2006; Свищёв П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX–начала XX века // Земля Курганская. Курган, 1997. Вып. 20. С.193-219; Он же. Южное Зауралье в конце XIX–начале XX в. // История Курганской области. Курган, 1996. Т.2.

75. Parson T. Transformation Russian society. Change after 1861. Some main features industrial society // The Slavic Review. 1989. Vol. 47. №2. P. 77.
76. Hristian D. Vodka and corruption in Russia in age of Emancipation // The Slavic Review. 1992. Vol. 45. №3. P.34.
77. Frierson C. Crime and Punishment in the Russian village: Rural concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // The Slavic Review. 1987. Vol. 46. №1.
78. Frierson C. Op. Cit. P. 65.

Глава 1

- 1 Зверев В.А. Дети – отцам населения Сибири (1861–1917). Новосибирск, 1993. С. 187.
- 2 Там же.
- 3 Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 6.
- 4 Там же. С. 3.
- 5 Там же. С. 7.
- 6 Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 176.
- 7 Зверев В.А. Указ. соч. С. 188.
- 8 Там же. С. 190.
- 9 Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрения русского народа. М., 2007. С. 95.
- 10 Деви П. Картофельный бунт в Пермской губернии в 1842 г. Рассказ крестьянина Гурина // Русская старина. 1874. Май. С. 98.
- 11 Там же. С. 93.
- 12 Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 240.
- 13 Александров В.А. Сельская община в России (XVII–начало XIX в.) М., 1976. С. 72–186. Он же. Обычное право крепостной деревни России XVII–начала XIX в. М., 1984.
- 14 Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 244.
- 15 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- 16 Зверев В.А. Указ. соч. С. 194.

- 17 Парфёнов И. «Сами не знаем, так заведено» // ТЕВ. 1892. №5.
- 18 Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 382.
- 19 Там же. С. 385.
- 20 Абрамов Н.А. Город Ялуторовск с его округом // ТГВ. 1864. №27.
- 21 Терещенко А. Быт русского народа. М., 1848. Т.1. Ч.4. С. 1-124.
- 22 Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.2 Пермская губерния. СПб., 1864. С. 540; Кыштымов П. Этнографические сведения о жителях Пермской губернии Шадринского уезда Песчанского сельского общества Верхтеченской волости // Шадринская старина. Шадринск, 1998. С. 57.
- 23 Абрамов Н.А. Город Ялуторовск // ТГВ. 1864. №27.
- 24 Мозель Х. Указ. соч. С. 540-541.
- 25 Трофимов И.Я. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и города Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895. Приложения. С. 26-27. (Далее цитируются только приложения данной работы, в которых отдельная нумерация страниц.)
- 26 Федорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997. С. 63-64.
- 27 Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 409–410.
- 28 Федорова В.П. Указ. соч. С. 75.
- 29 Громыко М.М. Традиционные нормы... С. 33-35.
- 30 Там же. С. 37.
- 31 ГАГШ. Ф.1060. Оп.1. Д.10. Л.36-37.
- 32 Громыко М.М. Традиционные нормы... С. 38-58.
- 33 ГАГШ. Ф.1060. Оп.1. Д.10. Л.24-37.
- 34 Абрамов Н.А. Город Ялуторовск // ТГВ. 1864. №24.
- 35 Успенский Т.И. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Шадринская старина. Шадринск, 1997. С. 31.
- 36 Мозель Х. Указ. соч. С.538-540; ГАГШ.Ф.1060. Оп.1. Д.10. Л.23-24.
- 37 Костюрина М.Н. Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях около Тобольска летом 1894 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1896. Вып. III. С. 5.
- 38 Там же. С. 4-5.
- 39 Там же.

- 40 Бирюков М.П. Краткая Першинская летопись. Курганская областная научная библиотека имени Югова, отдел рукописей. С. 96-97; ГАГШ. Ф.1060. Оп.1. Д10. Л.36.
- 41 Громыко М.М. Традиционные нормы... С.63.
- 42 Там же. С. 222.
- 43 Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX в. М., 1988. С. 243, 258.
- 44 ГАГШ Ф. 1045. Оп. 1. Д. 311. Л. 39.
- 45 Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 422–423.
- 46 Трофимов И.Я. Указ. соч. С. 25.
- 47 ГАГШ Ф 1045. Оп. 1. Д. 134. Л. 41.
- 48 ГАКО Ф. 129. Оп.1. Д. 4. Л. 9 – 10.
- 49 ГАКО Ф. 129. Оп.1. Д. 4. Л. 10.
- 50 ТГВ. 1881. №3.
- 51 Трофимов И.Я. Указ. соч. С. 25-26.
- 52 Кыштымов П. Указ. соч. С. 57.
- 53 Успенский Т. Указ. соч. С. 28-29; Мозель Х. Указ. соч. С. 538.
- 54 ТЕВ. 1892. №9-10.
- 55 Мозель Х. Указ. соч. С. 539.
- 56 Громыко М.М. Традиционные нормы... С. 223-225.
- 57 А. Смирнов. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С. 17; Мозель Х. Указ. соч. С. 539.
- 58 А. Смирнов. Указ. соч. С. 17.
- 59 Там же. С. 17-18.
- 60 Там же. С. 18.
- 61 Громыко М.М. Традиционные формы поведения... С. 241.
- 62 Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 258.
- 63 Семенов Ю.К. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX-начала XX в. //Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 32-48.
- 64 Там же. С. 42–43.
- 65 Там же. С. 43.
- 66 Там же. С. 44.
- 67 Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 241-243, 256-258.
- 68 Громыко М.М. Традиционные нормы... С. 230.
- 69 Там же. С. 231.

- 70 Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 425.
- 71 М.М. Громыко, Буганов А.В. О воззрениях русского народа. С. 326-329.
- 72 Громыко М.М. Традиционные нормы... С. 232.
- 73 Касьянова Кс. О русском национальном характере. М., 1994. С. 33-36, 85-88, 155.
- 74 ТЕВ. 1885. №23.
- 75 Федорова В.П. Указ. соч. С. 89-90.
- 76 Там же. С. 90.
- 77 Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. С. 96.
- 78 Громыко М.М. Традиционные нормы... С. 222.
- 79 Кыштымков П. Указ. соч. С. 57.
- 80 Громыко М.М. Традиционные нормы... С. 250-259.
- 81 ТГВ. 1864. № 27; Городцов Н.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // ЕТГМ. Тобольск, 1915. Вып. XXVI. С. 16-17.
- 82 Городцов Н.А. Указ. соч. С. 16.
- 83 ТГВ. 1864. №. 27.
- 84 Громыко М.М. Традиционные нормы... С. 258.
- 85 Трофимов И.Я. Указ. соч. С. 27.
- 86 Трофимов И.Я. Указ. соч. С. 27; ГАГШ. Ф.1045. Оп.1. Д.134. Л.41.
- 87 ТГВ. 1894. № 11.
- 88 ТГВ. 1859. №14; ТГВ. 1894. №11.
- 89 Там же. №.13.
- 90 Там же. №11.
- 91 Семенов Ю.К. Указ соч. С. 4.
- 92 Там же. 41–42.
- 93 Смирнов А. Указ соч. С. 69.
- 94 Семенов Ю. К. Указ соч. С. 42.
- 95 Зверев В.А. Дети - отцам замена. С. 192.
- 96 Трофимов. И.Я. Указ соч. С. 3.
- 97 Там же. С. 47.
- 98 Громыко М. М. Мир русской деревни. С. 391.
- 99 Смирнов А. Указ. соч. С. 211–212.
- 100 Трофимов. И.Я. Указ. соч. С. 19–20.
- 101 Там же. С. 20.
- 102 Федорова В.П. Указ. соч. С. 185.

- 103 Быт великорусских крестьян землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева / авторы-составители Б.В. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993. С. 73.
- 104 Там же. С. 74.
- 105 Там же.
- 106 Абрамов П.А. Слобода Царёво городище // ТГВ. 1860. №6.
- 107 Андрианов В. Как проводят праздники крестьяне Курганского округа слободы Белозерской // ТГВ. 1858. №48.
- 108 Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Тюмень, 1997. С. 95-97.
- 109 Костюрина М.Н. Указ. соч. С. 3-4.
- 110 Трофимов И.Я. Указ. соч. С. 19.
- 111 Успенский Т. Указ. соч. С. 12; ГАГШ. Ф.1045. Оп.1. Д.134. Л.40; Мозель Х. Указ. соч. С. 555-556.
- 112 Литвинцев И. О съезжих праздниках // ТЕВ. 1882. №17.
- 113 ТГВ. 1894. №13.
- 114 ГАКО. Ф.307. Оп.1. Д.21. Л.15-16. Л.62.
- 115 Трофимов И.Я. Указ. соч. С. 17-19, 31.
- 116 КОКМ. Ф.2. Оп.1. Д.155. Л.8.
- 117 ТЕВ. 1892. №9, 10, 15-16.
- 118 Кауфман А.Н. Земельный вопрос и переселенцы // Сибирь, её современное состояние и нужды: сборник статей / под ред. И.С. Мельникова. СПб., 1908. С. 97.
- 119 ТГВ. 1694. №26.
- 120 ОЕВ. 1898. №5.
- 121 Петропавловский П.Е. По Ишиму и Тоболу // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. УШ. Вып. 1. Омск, 1886. С. 37-38.
- 122 Анучин Е. Статистика несчастных смертельных случаев в Тобольской губернии // ТГВ. 1864. №50.
- 123 Там же // ТГВ. №51.
- 124 Там же // 1865. №25.
- 125 Там же.
- 126 ТГВ. 1879. №7.
- 127 ТГВ. 1880. №52.
- 128 ТГВ. 1881. №8.
- 129 Там же.
- 130 ТГВ. 1881. №15.

- 131 ТГВ. 1880. №37.
- 132 ТГВ. 1880. №39.
- 133 ТГВ. 1881. №2.
- 134 ГАЧО. Ф. 627. Оп. 3. Д. 68. Л.24.; ЕЕВ. 1901. №5.
- 135 Протопопов И. Село Белоярское Челябинского уезда. Исторический очерк // ОЕВ. 1903. №22.
- 136 ОЕВ. 1898. № 4.
- 137 ГАКО. Ф. 235. Оп. 1. Л.18.
- 138 Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело». Очерки питейной политики и традиций в России М., 2005. С. 172.
- 139 Там же. С.173.
- 140 Третьяков А. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении // Шадринская старина. Шадринск, 1997. С. 200.
- 141 Село Алабуга, Оренбургской губернии Челябинского уезда // ОЕВ 1875. №7.
- 142 Зверев В.А. Указ. соч. С. 201.
- 143 Быт русских крестьян... С. 445.
- 144 Смирнов А. Указ. соч. С. 210-211.
- 145 Мозель Х. Указ. соч. С. 554.
- 146 Успенский Т. Указ. соч. С. 25.
- 147 Громько М.М., Буганов А.В. Указ соч. С. 230.
- 148 Там же. С. 332.
- 149 Трофимов И.Я. Указ. соч. С. 32.
- 150 Громько М.М., Буганов А.В. Указ соч. С. 97
- 151 Там же. С. 346.
- 152 Там же. С. 330.
- 153 Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 152.
- 154 Громько М.М., Буганов А.В. Указ соч. С. 347.
- 155 Зверев В.А. Дети – отцам замена. С. 193; Зверев В.В. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991. С. 30–34.
- 156 Богаевский П.М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. М., 1889. Вып. I. С. 5.

- 157 ГАКО. Ф. 187. Оп.1. Д.53. Л. 50-51.
- 158 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.68. Л. 44-45.
- 159 ГАКО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 48. Л. 75.
- 160 ОЕВ. 1898. №.24.
- 161 ГАКО. Ф. 307. Оп.1. Д.21. Л. 54.
- 162 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 51. Л. 28–30.
- 163 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 27. Л. 2–3.
- 164 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 4. Л. 9.
- 165 Смирнов А. Указ. соч. С. 70.
- 166 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 4. Л. 10.
- 167 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 53. Л. 15.
- 168 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 53. Л. 6–7.
- 169 Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. С. 156.
- 170 Быт русских крестьян... С. 461.
- 171 Там же. С. 276.
- 172 Смирнов А. Указ. соч. С. 44-45.
- 173 Там же.
- 174 Там же С. 46.
- 175 Традиционная культура С. 156.
- 176 Традиционная культура С. 156-157.
- 177 Зверев В.А. Дети – отцам замена. С. 192.
- 178 Там же.
- 179 Быт русских крестьян. С. 460.
- 180 Там же. С. 240-241, 275–276.
- 181 Курганский вестник. 1914. №15.
- 182 Зверев В.А. Дети – отцам замена. С. 200.
- 183 Громько М.М., Буганов В.А. Указ соч. С. 343.
- 184 ГАГШ. Ф 16. Оп. 1. Д. 656. Л. 1.
- 185 ГАКО Ф. 189. Оп. 1. Д. 363. Л. 127-128.
- 186 Кыштымов П. Указ. соч. С. 55.
- 187 Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т.1. С. 195–196.
- 188 Игнатов Р. Обряды при свадьбах у бывших казенных горнозаводских крестьян Троицкого уезда. Этнографический очерк // ОГВ. 1881. №43.
- 189 Как жена из дому уходила. Сказки Шадринского края /сост. В.Б. Бекетова и В.П. Трофимов. Шадринск, 1995. С. 99-100.

- 190 ГАКО. Ф.203. Оп.1, Д. 17. Л.18
- 191 ГАКО. Ф.203. Оп.1, Д. 17. Л. 19-20.
- 192 ГАКО. Ф.203. Оп.1, Д. 17. Л.18.
- 193 Зверев В.А. Дети – отцам замена. С. 202.
- 194 Там же. С. 204.
- 195 ГАКО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 72. Л. 11.
- 196 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.331. Л. 39-40.
- 197 Тобольская речь. 1907. №5.
- 198 ГАГШ. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 311. Л. 18.
- 199 ГАКО. Ф. 307. Оп.1. Д.17. Л. 51.
- 200 Русские / под ред. В.А. Александрова. М., 1999. С. 557.
- 201 Там же. С. 560.
- 202 Швецов С.П. Молочные бунты в Сибири. Доклад на заседании Западносибирского общества сельского хозяйства // Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 4 С. 111.
- 203 Там же. С. 112.
- 204 Швецов С.П. Молочные бунты в Сибири и их причины. Письмо из Алтая // Русское богатство. 1902. № 3. Отдел II. С. 92-118, 108-109.
- 205 Швецов С.П. Молочные бунты в Сибири. С. 113.
- 206 Там же. С. 96.
- 207 Там же. С. 115.
- 208 Швецов С. Молочные бунты в Сибири и их причины. Письмо из Алтая. С. 114.
- 209 Зверев В.А. Дети – отцам замена. С. 191–192.
- 210 ГАКО. Ф. 267. Оп. 1. Д.11. Л.1-16.
- 211 Касьянова Кс. Указ. соч. С. 155.
- 212 Касьянова Кс. Указ. соч. С. 155-156.
- 213 Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотики культуры // Собрание соч.: в 3-х т. Таллинн, 1992. Т.1. С. 113-114. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. М., 1986 . С. 109-113.
- 214 Курукин И.В., Никулина Е. Указ. соч. С. 175.
- 215 ГАКО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 204. Л. 1-4.
- 216 ГАКО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 80. Л. 88-89.
- 217 Чукмалдин Н. Указ. соч. С. 162-163.
- 218 РГИА. Ф.575. Оп.2. Д. 1243. Л.12.
- 219 ГАКО. Ф.189. Оп.1. Д.80. Л.88-89. 101-103.

- 220 Там же. Д.204, Л. 1-4.
- 221 Там же.
- 222 ОЕВ. 1875. №2.
- 223 Село Алабуга, Оренбургской губернии Челяб. уезд. Белояр. вол. // ОЕВ. 1875. №7.
- 224 ОЕВ. 1875. №2.
- 225 Село Алабуга // ОЕВ. 1875. №7.
- 226 ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 114. Л. 10, 80, 82, 93, 94, 98 и др.
- 227 Макки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России // Материалы международного научного коллоквиума «Россия и Первая мировая война» СПб., 1999. С. 147–156.
- 228 Кротков С. Начальная школа как проводник трезвости в народе // ТЕВ. 1910. №24.
- 229 Касьянова Кс. Указ. соч. С. 167-168.
- 230 Кротков С. Начальная школа как проводник трезвости в народе // ТЕВ. 1910. №24.
- 231 Мимоходом // Сибирские вопросы. 1911. №35-36. С. 87.
- 232 Зверев В.А. Дети – отцам замена населения. С. 94.
- 233 Там же. С. 197.
- 234 Там же. С. 197-198.
- 235 ОЕВ. 1912. №15, 17, 18, 36.
- 236 ЕЕВ. 1912. №12.
- 237 ЕЕВ. 1912. №18, 22, 36.
- 238 ЕЕВ. 1912. №42.
- 239 ЕЕВ. 1912. №15.
- 240 ЕЕВ. 1912. №50.
- 241 ГАКО . Ф.307. Оп.1. Д.105. Л.28.
- 242 К празднику трезвости в Тобольской епархии // ТЕВ. 1913. №11. Приложение.
- 243 ТГВ. 1896. №15.
- 244 Курганские известия. 1907. 7 октября.
- 245 Соколов А. Мысли и чувства по поводу разгула в прощёный день // ТЕВ. 1908. №2.
- 246 ТЕВ. 1912. №3.
- 247 ТГВ 1894 №12.

- 248 ГАГШ . Ф.5. Оп.1. Д.267. Л.1-10.
- 249 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.203. Л.127-128.
- 250 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.357. Л.127-128.
- 251 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.68. Л. 5-6.
- 252 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.255. Л.119-120.
- 253 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.255. Л.322-323.
- 254 ГАГШ . Ф.5. Оп.1. Д.267. Л.32.
- 255 ГАГШ . Ф.5. Оп.1. Д.267. Л.76 -77. 153-154.
- 256 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.331. Л.29.
- 257 ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.298. Л.14-16.
- 258 Курганский вестник. 1914. №51.
- 259 Парфенов И. К сопастырям-трезвенникам // Школьный листок. 1912. №19.
- 260 Курганский вестник. 1914. №21.
- 261 Тихомиров Н. Поучение против разнузданности и разгула деревенской молодежи села Чинеевского // ТЕВ. 1913. №1; Он же. Поучение по поводу несчастной кончины одного из прихожан // Там же. 1913. №8.
- 262 Болезни деревни // ОЕВ. 1910. №46.
- 263 Немчин М. Значение народных школ в борьбе с пьянством // ОЕВ. 1910. № 26-27.
- 264 Народная газета. 1914. №7.
- 265 Булдыгин Н. Письмо к трезвенникам // ТЕВ. 1907. №19.
- 266 ГАКО. Ф.235. Оп.1. Д.143. Л. 9-11.
- 267 Сибирские хулиганы // Сибирские вопросы. 1911. №20-21, С. 61, 65.
- 268 Курукин И.В., Никулина Е. Указ. соч. С. 177.
- 269 Народная газета. 1914. №9.
- 270 Курганский вестник. 1914. №28.
- 271 Константинов Д. Общество трезвости в селе Дубровское Могилевской волости// ТЕВ. 1902. №22.
- 272 Парфенов И. К сопастырям-трезвенникам // Школьный листок. 1912. № 19.
- 273 Парфенов И. Чай от запоя // Школьный листок. 1912. №22.
- 274 ТЕВ. 1910. №4.
- 275 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 28. Л. 9–10.
- 276 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 68. Л. 21-22.

- 277 ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 331. Л. 30–31.
- 278 ТЕВ. 1906. №4, 23
- 279 Игнатов Р. Обряды при // ОГВ. 1881. №43.
- 280 ТЕВ. 1906. №4.
- 281 ТЕВ. 1906. №23.
- 282 Закомельский П. Нечто о предбрачных предосторожностях // ТЕВ. 1908. №2.
- 283 Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX-начала XX века). М.; Тамбов, 2004. Безгин В.Б. История сельской повседневности. Тамбов, 2008. Безгин В.Б. Скрытая повседневность (половые отношения в русской деревне конца XIX-начала XX века) // Клио. 2004. № 3(26). С 103-108. Безгин В.Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян (вторая половина XIX-начало XX века) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2011. № 1. С. 32-47.

Глава 2

- 1 Подробнее см.: Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142-156.
- 2 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892; Потанин Г.Н. Областнические тенденции в Сибири. Томск, 1917.
- 3 Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.
- 4 Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 364.
- 5 Богданович Н.М. Записки исполняющего дела Тобольского губернатора Н.М. Богдановича. СПб., 1893. С. 5.
- 6 Соловьева Е.И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 217.
- 7 Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. II. Вып. 2. С. 259.
- 8 Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М., 1897. Т. I. С. 801-812.
- 9 Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М.,

1897. Т. I; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1889. Вып. II. С. 13; Вып. III. С. 32; СПб., 1892. Вып. XVII. С. 89.
- 10 Чудновский С. Колонизационное значение сибирской ссылки // Русская мысль. М., 1886. Кн. X. С. 48.
 - 11 Зуев А. С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999.
 - 12 Зуев А. С. Указ. соч. С. 131.
 - 13 Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987; Пундани В. В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII–первой половине XIX в. Курган, 1999; Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004.
 - 14 Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1892. Т. IV. С. 86.
 - 15 Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII–начале XIX в. Омск, 1973. С. 379; Колесников А. Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XIX в.) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1975. С. 58.
 - 16 Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. Приложение. № 1. С. 2.
 - 17 Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 33.
 - 18 Никитин В. А. Южное Зауралье во второй половине XIX века // История Курганской области. Курган, 1996. Т. 2. С. 32, 49.
 - 19 ГУ ГАКО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 3. Л. 34, 1-2.
 - 20 Миненко Н. А. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII–первой половине XIX века // Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири XVIII–начала XX в. / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1978. С. 285-286.
 - 21 Миненко Н. А. Указ. соч. С. 284-285.
 - 22 Список населенных мест Тобольской губернии СПб., 1871. С. XX-XXI, CXCVI.
 - 23 Никитин В. А. Указ. соч. С. 36; ГУ ГАГШ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 221. Л. 27-30; Ф. 16. Оп. 1. Д. 424. Л. 38-43.

- 24 Никитин В.А. Указ. соч. С. 34.
- 25 Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 57.
- 26 Губский М. Ссылка // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т.XXXI. С.380.
- 27 Никитин В.А. Указ. соч. С. 37.
- 28 Губский М. Указ. соч. С. 384.
- 29 Ссылка в Сибирь. С. 126.
- 30 ГУ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 51. 28 Л.Об. - 30 Л. Об.
- 31 ГУ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д.303. Л. 20.
- 32 ГУ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д.303. Л.47.
- 33 ГУ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д.433. Л.1-12.
- 34 Соловьева Е.И. Указ. соч. С. 220-222.
- 35 Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М., 1897. Т.I. С. 164.
- 36 Тюремный вестник. 1899. №6. С. 248.
- 37 Там же. С. 248.
- 38 ГУ ГАКО. Ф. 129. Оп.1.Д. 3. Л.33 об.
- 39 ГУ ГАКО. Ф. 239. Оп.1. Д.11. Л.5.
- 40 ГУ ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д.5. Л.29.
- 41 Там же. Л.29. Об. - 31.
- 42 Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. С. 3-23.
- 43 ГУ ГАКО. Ф. 245. Оп. 1. Д.34. Л.5-8.
- 44 Там же. Л.21.
- 45 Там же. Л.74-75.
- 46 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.1990. Л.259.
- 47 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.122. Л.1-2.
- 48 Там же. Л.14-15.
- 49 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.1353. Л.6-9.
- 50 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.114. Л.6-7.
- 51 Там же. Л.38-39.
- 52 Там же. Л.114.
- 53 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.960. Л.85.
- 54 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.638. Л.185-186.

- 55 Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 45-46.
- 56 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.1126. Л.4-6.
- 57 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.99. Л.81-82.
- 58 Там же. Л.92.
- 59 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.1226. Л.96-97.
- 60 Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки ЗСОИГРО. Омск, 1880. Кн.2. С. 16-17.
- 61 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.1688. Л.19-22.
- 62 ГУ ГАПО. Ф.39. Оп.1. Д.94. Л.3-4.
- 63 Там же. Л. 1.
- 64 ГУ ГАПО. Ф.285. Оп.1. Д.3. Л.7-10.
- 65 Там же. Л. 3-6.
- 66 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.1698. Л.1-4.
- 67 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.1. Д.1702. Л.2-3.
- 68 Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т. I. С.20; 1892. Т. II. С. 22-25, 344.
- 69 Мамсик Т.С. Указ. соч. С. 162.
- 70 Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб., 1897. С. 12-17.
- 71 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.43. Л.40-42, 44-46, 50-51; Д. 51. Л. 23-25, 31-32; Д.53. Л.17-18, Л. 30-32; Д.54. Л.10-12, 44-46; ГУ ГАГШ. Ф.27. Оп.1. Д.53. Л.17-19; ГУТО ГА г. Тобольска Ф.164. Оп.1. Д.48. Л.18-24; Ф.579. Оп.1. Д.10. Л. 36-40; Д.12. Л.9-12.
- 72 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3. Л.2-3.
- 73 Кауфман А.А. Указ. соч. С.39-42.
- 74 Осипов Н.О. Указ. соч. Т. I. С. 112.
- 75 Кауфман А.А. Указ. соч. С. 144, 152, 154-157, 166-168, 176-177, 207-208, 214-215, 218-219, 222-223.
- 76 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.203. Л.104-106, 120-122; Д.207. Л.30-32, 41-42; Д.212. Л.30, Л.48; Д.568. Л.7,8-10, 33-34; ГУ ГАГШ. Ф.16. Оп.1. Д.439. Л.18-24; Д. 542. Л. 34-36; Ф. 23. Оп.1. Д.287. Л.17-20, 40-43; Ф.25. Оп.1. Д.391. Л.83-85.
- 77 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.51. Л.16.
- 78 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3. Л.1-2.

- 79 Кауфман А.А. Указ. соч. С. 185.
- 80 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т.2. С. 328, 343, 440, 452; Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. №11–12. С.100; Frayerson K. Crime and Punishment in the Russian village : Rural concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // The Slavic Review. 1987. Vol .46. №1. P. 59.
- 81 Кауфман А.А. Указ. соч. С. 194, 196-197.
- 82 Кауфман А.А. Указ. соч. С. 234.
- 83 Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906. С. 134-162.
- 84 Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1879. Т.1. С.5; ГУ ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 28. Л.48-49, Д. 3. Л.11-12; ГУ ГАГШ. Ф.23. Оп 1.Д.289. Л.34-37. Д. 278. Л. 15-18; Ф. 27. Оп.1. Д.65. Л.40-42; Ф.5. Оп.1. Д.398. Л. 75-80. Д. 410. Л.56-59.
- 85 Земельные захваты и межевое дело (Особое совещание. Свод трудов)/ сост. С.И. Шидловский. СПб., 1904. С. 7.
- 86 Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 1, 139-146.
- 87 Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII–первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 11.
- 88 Зуев А.С. Некоторые методологические аспекты изучения землевладения в Сибири // Методологические проблемы изучения Сибири. Новосибирск, 1988. С. 94; Сафронов Ф.Г. Вопрос о собственности на землю в сибирской исторической литературе // Крестьянская община в Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 269; Он же. О землепользовании крестьян дореволюционной Сибири (вопросы терминологии) // Крестьянство Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 150.
- 89 Малахинов П.И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962. С. 3-15.
- 90 Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1914). Новосибирск, 1976. С. 251-252, 258; Русакова Л.М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1976. С. 140-141; Сухотина Л.Г. К вопросу о феодальных пережитках в сибирской деревне накануне первой русской революции //

- Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 129; Она же. О правовом положении крестьян Сибири пореформенного периода (вторая половина XIX–начало XX вв.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып.2. С. 87-90; Тюкавкин В.Г. Характер аграрных отношений в Сибири в начале XX в. // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861-1917 гг. Вып.3. Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1967. С. 174-175; Худяков В.Н. К вопросу о собственности на землю в Сибири в XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 46-48.
- 91 Сборник узаконений и распоряжений по земельному устройству крестьян и инородцев. СПб., 1911.
- 92 Осипов Н.О. Указ. соч. Т. I. С. 20; 1892. Т. II. С. 22-25, 344.
- 93 Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1909. С. 9, 14, 325.
- 94 Пермские губернские ведомости (г. Пермь). Часть официальная. 1899. 29 июля. №30; ГУ ГАПО. Ф.1. Оп.1. Д.1511. Л.1; Д.1527. Л.14. ГУТО ГА г. Тобольска Ф.333. Оп.1. Д.48. Л.27-29; Д.54. Л.14-16, 57-60. Ф.236. Оп.1 Д.11. Л.34-36, 40-41; Д.15. Л.18-20, 55-57.
- 95 Голубев П.П. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1904. №6. Отд. III. С. 42.
- 96 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.408. Л.1-2; Ф. 166. Оп.1. Д.533. Л. 8, 69; Д.548. Л.5, 44-45; Ф.285. Оп.1. Д.3. Л.4; ГУ ГАГШ. Ф.475. Оп.1. Д.1161. Л.3-5; ГУТО ГА г. Тобольска Ф.579. Оп. 1. Д.8. Л.12-16; Д.14. Л.38-40.
- 97 Кауфман А.А. Земельная община Курганского округа Тобольской губернии // Сибирский вестник на 1895 г. Иркутск, 1895. Вып.2. С. 64. См. также: Кауфман А.А. Очерк общинных порядков Ишимского округа Тобольской губернии // Русская мысль. М., 1890. Кн. XI.; Осипов Н.О. Указ. соч. Т. II. С. 37, 64-65; Ушаков А.Н. Судьба волостных владений Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. XIV. С. 19-21; Грауздин Ф.Х. Чересполосность крестьянских наделов в Шадринском уезде и меры к ее устранению // Сборник Пермского земства. Пермь, 1902. №5-6; ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.438. Л.131; Ф.166. Оп.1. Д.579. Л.9; Оп.2. Д.17. Л.16; Ф.187. Оп.1. Д.1. Л.3; Д.69. Л.12.

- 98 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.298. Л.7. Ф.135; Оп.1. Д.18. Л.22, 44; Д.25. Л.1; Д.28. Л.18; Ф.254. Оп.1. Д.9. Л.17; ГУ ГАГШ. Ф.475. Оп.1. Д.998. Л.2; Д.1057. Л.2,4; Д.1058. Л.3-4; ГУТО ГА г. Тобольска Ф.579. Оп.1. Д.14. Л.27-30,44-48; Осипов Н.О. Указ. соч. Т. II. С. 3; Котович Л.В. Роль сельских обществ в закреплении переселенцев в Сибири эпохи капитализма // Социально-демографическое развитие сибирской деревни досоветского периода. Новосибирск, 1987. С. 109.
- 99 ГУ ГАКО. Ф.227. Оп.1. Д.2. Л. 26,41; Ф.129. Оп.1. Д.570. Л.2-3.
- 100 ГУ ГАГШ. Ф. 489. Оп.1. Д.15. Л.12; Ф.495. Оп.1. Д.2096. Л.1-9; Ф.27. Оп.1. Д.50. Л.11-13; Ф. 23. Оп.1. Д. 301. Л. 34-35, 43-45; ГУ ГАКО. Ф.227. Оп.1. Д.4. Л.18; Д.6. Л.1-6; Ф.135. Оп.1. Д.17. Л.28, 30; Д.23. Л.42; Д.25. Л.55; Д.27. Л.49; Д.28. Л.92; Д.33. Л.88; Ф.166. Оп.1. Д.275. Л.10; Осипов Н.О. Указ. соч. Т. II. С.279; Изергина Е.А. Роль общины в регулировании добывающих промыслов крестьянства Сибири пореформенного периода // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1983. С. 105.
- 101 ГУ ГАКО. Ф.135. Оп.1. Д.25. Л.37; Ф.154. Оп.1. Д.32. Л.24; ГУ ГАГШ. Ф.489. Оп.1. Д.1. Л.14; Осипов Н.О. Указ. соч. Т. II. С. 80.
- 102 Тюкавкин В.Г. Характер аграрных отношений... С.175.
- 103 ГУ ГАГШ. Ф.492. Оп.1. Д.636. Л.15-75; Ф.495. Оп.1. Д.512. Л.3-16; ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.459. Л.64-65; Ф.4. Оп.1. Д.5. Л.1; Ф.227. Оп.1. Д.6. Л.4, 9-21; Ф.135. Оп.1. Д.28. Л.38; ГУ ГАПО. Ф.39. Оп.1. Д.72. Л.37-42; Осипов Н.О. Указ. соч. Т. II. С. 366; Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии. Пермь, 1880. Вып.2. Шадринский уезд. С. 62-79; Зверев В.А. Численность и структура русской крестьянской семьи в Сибири периода империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980. С. 43-47.
- 104 Миненко Н.А. О наследовании у сибирских крестьян в XVIII–первой половине XIX в. // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1974. С. 132; Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII–первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 313; Гордон А.В. Тип хозяйствования – образ жизни – личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 118-119.

- 105 ГУ ГАГШ. Ф.475. Оп.1. Д.92. Л.1-19; Ф.597. Оп.1. Д.55. Л.1-6; ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.298. Л.48-49; Ф.251. Оп.1. Д.17. Л.11; Ф.236. Оп.1. Д.84. Л.1; Д.89. Л.1-8; Д.91. Л.1; Д.107. Л.1-10; Оп.2. Д.100. Л.1-31; Ф.237. Оп.1. Д.3. Л.1; Д.52. Л.1-5; Д.72. Л.1; Оп.2. Д.117. Л.4.
- 106 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.298. Л.33-34; см. также ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.459. Л.38; Ф.235. Оп.1. Д.183. Л.1.
- 107 ГУ ГАКО. Ф.227. Оп.1. Д.3. Л.5, 14, 23; Д.4. Л.46-51; Ф.129. Оп.1. Д.494. Л.25,69; Д.560. Л.2-3; Ф.135. Оп.1, Д.1. Л.51; Ф.187. Оп.1. Д.48. Л.23; Ф.251. Оп.1. Д.17. Л.20., 45; ГУ ГАГШ. Ф.475. Оп.1. Д. 1080. Л.3.
- 108 ГУ ГАКО. Ф.227. Оп.1. Д.5. Л.10-13.
- 109 ГУ ГАГШ. Ф.495. Оп.1. Д.512. Л.117; ГУ ГАКО. Ф.166. Оп.1. Д.548. Л.44; Ф.285. Оп.1. Д.1. Л.123.
- 110 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.2. Д.56. Л.8.
- 111 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.2. Д.56. Л.3.
- 112 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.2. Д.56. Л.9.
- 113 ГУ ГАКО. Ф.245. Оп.2. Д.23. Л.1.
- 114 Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895. С. 103, 114; ГАКО. Ф.245. Оп.2. Д.111. Л.1.
- 115 Богаевский П.М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. М., 1889. Вып. I. С. 5-23; Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып.1. Обычное право. М., 1884. С. 12-47; Звонков А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. М., 1889. Вып. I.; Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877; Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. 1896. Вып.3-4. Отд.1. С.460; Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. №3; Ганцкая О.А. Семья, структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. №6; Власова И.В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII–первой половине XIX в. // Советская

- этнография. 1980. №3; Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII–первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979; Она же. Крестьянская семья в Западной Сибири в первой половине XIX в. (численность и структура) // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVIII–начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 12-25; Голикова С.В. Проблемы исторической типологии семьи // Уральский исторический вестник. 2001. №7. С. 216-231.
- 116 Первая Всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Т. XXXVIII. Тобольская губерния. СПб., 1904. С. 6-7; Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1904; Бирюков М.П. Население села Першинского Далматовского района Курганской области. Досоветский период. Свердловск, 1975. С. 16; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / под ред. М.М. Громыко. Новосибирск, 1983. С. 317-318; Ганцкая О.А. Семья: общие понятия, принципы типологизации // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М. 1987. С. 7; Зверев В.А. Внутрисемейные отношения у русских крестьян Сибири конца XIX–начала XX века // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981. С. 89; Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. М., 1982. С. 165.
- 117 Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа Тобольской губернии. Курган, 1895. Приложение IV. С. 32.
- 118 Богаевский П.М. Указ. соч. С. 1-2.
- 119 Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889. С. 3-4.
- 120 Богаевский П.М. Указ. соч. С. 5.
- 121 ГУ ГАКО. Ф.Р. - 1. Оп.1. Д.11а. Л.16; Ф.121. Оп.1. Д.1. Л.90; Ф.236. Оп.1. Д.88. Л.6,7; Оп.2. Д.97. Л.114; Д.103. Л.1,7; Ф.129. Оп.1. Д.298. Л.1; Д.494. Л.63,69; Ф.195. Оп.1. Д.1. Л.15; ГУТО ГА. г. Тобольска Ф.376. Оп.1. Д.28. Л.34-36, Л.54; Д.34.Л.18-20; ГУ ГАГШ Ф. 16. Оп.1. Д.542. Л.23-27, Д. 560. Л.39-43; Ф.25. Оп.1.Д.361. Л.48-50, Л.63-68.
- 122 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.4. Л. 10-11.
- 123 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.4. Л. 12.
- 124 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.27. Л. 7-8.
- 125 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.27. Л. 5-6.
- 126 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3. Л. 17-18.

- 127 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.43. Л. 69-70.
- 128 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.53. Л. 37-38.
- 129 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.11. Л. 2-3.
- 130 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.2. Л. 11-12.
- 131 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3. Л. 18.
- 132 ГУ ГАКО. ф.129. Оп.1. ДД.3,27,28,34,43,298,438,494,530,560,570.
- 133 ГУ ГАКО. ф.129. Оп.1. Д.51. Л. 4-5.
- 134 ГУ ГАКО. ф.129. Оп.1. Д.51. Л. 9-11.
- 135 В.В. Семейные разделы и крестьянское хозяйство // Отечественные записки. 1883. №1. С. 20-22; ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.298. Л.48-49; Д.51. Л.45, Л.9-11; Ф.251. Оп.1. Д.17. Л.11; Ф.236. Оп.1. Д.84. Л.1; Д.89. Л.1-8; Ф.237. Оп.1. ДЗ. Л.1; ГУ ГАГШ. Ф.25. Оп.1. Д.179. Л.69-73; Ф.475. Оп.1. Д.92. Л.1-19; Ф.597. Оп.1. Д.55. Л.1-6; ГУТО ГА г. Тобольска Ф.164. Оп.1. Д.26. Л.34-46.
- 136 Мозель Х. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. (Материалы для географии...). С. 533-534.
- 137 В.В. Семейные разделы и крестьянское хозяйство // Отечественные записки. 1883. №1. С. 1-22; №2. С. 137-161; Ефименко П.С. К истории семейных разделов // Киевская старина. 1883. Т. 14. №3. Март. С. 593-598; Тютчев А.П. Семейные разделы у крестьян. СПб., 1912; Федоров В.А. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Сельское хозяйство и крестьянство Северо-Запада РСФСР в дореволюционный период: материалы межвузовской научной конференции / под ред. А.А. Кондрашенкова. Смоленск, 1972.
- 138 Исаев А.А. Значение семейных разделов крестьян (по личным наблюдениям) // Вестник Европы. 1883. Июль. №7. С. 333-349; Милогорова И.Н. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Вестник МУ. 1987. Сер. 8. История. №6. С. 37-46.
- 139 ГУ ГАКО. Ф.242. Оп.1. Д.13; Ф.129. Оп.1. Д.460. Л.8; Ф.135. Оп.1. Д.23. Л.5; Д.28. Л.4; Народная газета (Курган). 1914. №39. 5 октября. С. 19.
- 140 Дружинин Н.П. Юридическое положение крестьян. СПб., 1897. С. 371-375.
- 141 Якушкин Е.Н. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. 1891. Кн.9. №2. С. 1-19.

- 142 Дружинин Н.П. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912. С. 298-370.
- 143 Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т. 41. Отд.1. 1866. СПб., 1868. №42899. С. 34-37.
- 144 РГИА. Ф.1291. Оп.66. Д.81. Л.18-19.
- 145 Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т. 54. Отд.2. 1879. СПб., 1881. №60210. С. 258-259.
- 146 РГИА.Ф.1219. Оп.66. Д.19. Л.59.
- 147 РГИА.Ф.1219. Оп.66. Д.19. Л.63-64.
- 148 РГИА.Ф.1219. Оп.66. Д.81. Л.4-5.
- 149 Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895; Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1877-1879. Т. 1, 2; Чепурной. Устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии // Известия Киевского университета. 1874. Октябрь; Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии. М., 1872; Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1914; Крестьянский правопорядок (Особое совещание. Свод трудов) / сост. А.А. Риттих. СПб., 1904; Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907.
- 150 Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1864-1914) // Исторические записки. 1982. Т.107. С. 226-303; Тарабанова Т.А. Волостной суд в пореформенной России (по материалам Ярославской губернии) // Некоторые проблемы современной науки. Ярославль, 1992; Она же. Состав волостных судов // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1993. №2. С. 45-54; Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях. 1861 г.–февраль 1917 г. Екатеринбург, 2004.
- 151 ГУ ГАКО. Ф.185. Оп.1. Д.8. Л.3-5.
- 152 Труды комиссии по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий): в VII т. СПб., 1873. Т.I. С. 57-65.
- 153 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3, 4, 27, 28.
- 154 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т.I. С. 17-19.

- 155 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. I. С. 4.
- 156 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.44. Л.1-2.
- 157 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. III. С. 234.
- 158 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. II. С. 46.
- 159 Тройницкий В.А. Неурожай в Тобольской губернии 1891 года // Исторический вестник. 1913. Вып.83. Август. С. 542.
- 160 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.53. Л. 20.
- 161 Духовский М.В. Имущественные проступки крестьян по решениям волостных судов. М.,1891. С. 186-200; Дружинин Н.П. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912. С. 190-195; Якушкин Е.И. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Ярославль. 1896. Вып.2. С. XXXII-XXXV.
- 162 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3. Л.45-47; Д.53. Л.1-2; Д.27. Л.15, 23-24.
- 163 Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. I. С. 25-27.
- 164 Полное собрание законов Российской империи. Собр.3. Т.3. 1883. СПб., 1886. №1412. С. 56-57.
- 165 Полное собрание законов Российской империи. Собр.3. Т.18. Отд. 1. 1898. СПб., 1901. № 15505. С. 403-416.
- 166 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1958. Т.2. С. 567-568; Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 21-26.
- 167 Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII-первой половине XIX в. Курган, 1999. С. 257.

Глава 3

- 1 Побережников В.И. Социальные изменения в теоретических проекциях // Уральский исторический вестник. 2001. №7. С. 58-65.
- 2 Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992. С. 234; Соколовский А.П. Очерк истории общины на Севере России. СПб., 1877. С. 167; Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908. С. 54-59, 92-114.
- 3 Новомбергский Н. По Сибири: сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903. С. 201.

- 4 Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Урале последней трети XIX–начала XX века в историографии // Уральский исторический вестник. №7. 2001. С. 187.
- 5 Сборник материалов для изучения русской поземельной общины. СПб., 1980. Т.1. С. 175; Качоровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1906. Т.1. С. 290-300; Пругавин В.С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888. С. 268.
- 6 Богаевский П.М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. М., 1889. Вып.1. С. 1-2; См. также: Звонков А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Там же. С. 70; Весин Л.П. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1886. №7. С. 127-155; 1887. №2. С. 102-124; №5. С. 161-204; Плющевский Б.Г. Воздействие отхожих промыслов на социально-психологический склад русского крестьянства // Социально-экономическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России / под ред. В.Т. Пашуто. Воронеж, 1983. С. 173-177; Он же. Разработка вопроса о крестьянских отхожих промыслах периода разложения крепостничества в советской историографической науке // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917-1967 / под ред. М.Я. Сюзюмова. Свердловск, 1967. Вып.1. С. 59-64.
- 7 Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 72-79; Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры // Из истории русской культуры. Т.5. XIX век. М., 1996. С. 51-79, 351-382; Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаических обычаев у русских // Русский семейный и общественный быт / под ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М., 1989. С. 248-264, 323-484.
- 8 Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы. СПб., 1911. С. 69.
- 9 Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 170-172; Переселение за Урал. СПб., 1906. С. 15.
- 10 ГУТО ГА г. Тобольска. Ф. 152. Оп. 36. Д.360. Л.46-47.
- 11 Сибирский листок. 1909. №54. 10 мая. С. 2.

- 12 Сибирский листок. 1911. №98. 15 сентября. С. 1-2; №110. 18 сентября. С. 2.
- 13 Сибирский листок. 1892. №98. 17 декабря. С. 2.
- 14 Сибирский листок. 1911. №115. 29 сентября. С. 2.
- 15 Сибирский листок. 1893. №39. 30 мая. С. 2.
- 16 Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: Документы, переписка, мемуары / сост. предисл. и коммент. А.В. Гутерца. М., 2003. С. 635.
- 17 Обзор Тобольской губернии за 1897–1899 гг.; Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. СПб., 1911. С. 67; Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб., 1912. С. 145.
- 18 Краткий обзор Курганского округа Уральской области: Курган, 1925. С. 30, 32; Переселение в Сибирь из восьми губерний, входящих в состав Южно-Русской Областной земской переселенческой организации за 1906-1912 гг. Учет семейного переселения. Текст и сводные таблицы. Б.М., 1913. Вып. 1. С. 76, 86.
- 19 Статистика землевладения. 1905. СПб., 1906. Вып. XI. Пермская губерния. С. 40.
- 20 ГУ ГАКО. Ф.166. Оп.1. Д.423. Л.62.
- 21 ГУ ГАГШ. Ф.475. Оп.1. Д.908. Л.1-198; Д.990. Л.1-93; Д.1043. Л.31-32; ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.431. Л.3-12; Ф.245. Оп.2. Д.14.
- 22 ГУ ГАГШ. Ф.495. Оп.1. Д.43. Л.34-35; ГУ ГАКО. Ф.166. Оп.1. Д.580. Л.66-68.
- 23 ГУ ГАГШ. Ф.475. Оп.1. Д.962. Л.3-4; Д.1156. Л.1-15; ГУ ГАКО. Ф.166. Оп.1. Д.548. Л.24; Д.580. Л.46; Варгин В.Н. По аграрному вопросу. Пермь, 1917. С. 4; Першин П.Н. По хуторам Пермской губернии. Пермь, 1912. С. 26.
- 24 ГУ ГАГШ. Ф.495. Оп.1. Д.624. Л.88-227; ГУ ГАКО. Ф.166. Оп.1. Д.548. Л.44-45; Д.533. Л.3-13.
- 25 Исеть (г. Шадринск). 1914. 5 января.
- 26 ГУ ГАГШ. Ф.492. Оп.1. Д.1857. Л.1-35.
- 27 ГУ ГАГШ. Ф.495. Оп.1. Д.1041. Л.2.
- 28 Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII–первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 313.
- 29 Сибирский листок. 1911. №111. С. 2.
- 30 ГУ ГАКО. Ф.239. Оп.1. Д.2. Л.26-40.

- 31 ГУ ГАКО. Ф.239. Оп.1. Д.1. Л.1-2.
- 32 Там же. Л. 10-14.
- 33 Там же. Л. 25-26.
- 34 Там же. Л. 28-29.
- 35 Там же. Л. 30-31.
- 36 Там же. Л.48.
- 37 Там же. Л. 63.
- 38 Там же. Л. 56-57.
- 39 ГУ ГАКО. Ф. 239. Оп.1. Д.12. Л.10-11.
- 40 Там же. Л. 20.
- 41 Там же. Л. 21.
- 42 Там же. Л. 14, 46.
- 43 Там же. Л. 8, 41.
- 44 ГУ ГАКО. Ф. 239. Оп.1. Д.12. Л.66.
- 45 Там же. Л. 78-80.
- 46 Кауфман А.А. Очерк общинных порядков Ишимского округа Тобольской губернии // Русская мысль. Кн. XI. М., 1890; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892; Грауздin Ф.Х. Чересполосность крестьянских наделов в Шадринском уезде и меры к ее устранению // Сборник Пермского земства. 1902. №5-6; Новомбергский Н. По Сибири: сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903; Потанин Г.Н. Областные тенденции в Сибири. Томск, 1917.
- 47 Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1914 гг.). Новосибирск, 1976; Он же. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне: об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. Новосибирск, 1962; Он же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1967; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861-1890 гг. М., 1978; Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в. Новосибирск, 1975; Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII–первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Она же. Мир русской деревни. М., 1991; Миненко Н.А. Живая старина. Будни и праздники сибирской

деревни в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск, 1989; Она же. Русская крестьянская семья в Западной Сибири в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск, 1979; Прусс В.В. Сельское хозяйство Шадринского уезда во второй половине XIX–начале XX в. // Ученые записки, посвященные 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662-1962). Курган, 1962. Вып.4; Чернышев М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959; Зверев В.А. Хозяйственная деятельность русской крестьянской семьи в Сибири (конец XIX–начало XX в.) // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1982; Худяков В.Н. К вопросу о классовом разложении крестьянства Тобольской губернии во второй половине XIX в. // Из истории Западной Сибири. Омск, 1973; Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983; Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII–начала XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. М., 1996.

- 48 Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895. С. 93.
- 49 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.494. Л.51.
- 50 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.34. Л.81.
- 51 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3. Л.42.
- 52 Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1967. С. 79.
- 53 Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 79-83.
- 54 Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С. 220.
- 55 Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895. С. 153; ГУ ГАГШ. Ф.р. – 1060. Оп.1. Д.10. Л.65.
- 56 Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния... С. 143.
- 57 Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния... С. 238.
- 58 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.51. Л.17-18.
- 59 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.3. Л. 4.

- 60 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.28. Л. 5.
- 61 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.388. Л. 63.
- 62 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д. 34. Л. 1, 9, 15, 31, 40, 54, 81.
- 63 Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне: об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. Новосибирск, 1962. С. 51.
- 64 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.494. Л. 50.
- 65 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.79. Л. 5.
- 66 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.34. Л. 1.
- 67 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.34. Л. 9.
- 68 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.34. Л. 15.
- 69 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.34. Л. 31.
- 70 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.265. Л. 17.
- 71 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.34. Л. 54.
- 72 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.34. Л. 40.
- 73 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.61. Л. 35.
- 74 Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган, 1995. С. 232.
- 75 Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 229.
- 76 Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 276.
- 77 Горюшкин Л.М. Аграрные отношения... С. 230.
- 78 Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния... С. 222.
- 79 Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX–начала XX в. Томск, 1975. С. 46.
- 80 Вестник кооперации. 1911. №3. С. 60.
- 81 Сибирская кооперация. 1919. №1. С. 6.
- 82 Вестник кооперации. 1912. №1. С. 5-6.
- 83 Туган-Барановский М.И. Экономическая природа кооперативов и их классификация. М., 1914. С. 502.
- 84 Туган-Барановский М.И. О кооперативном идеале. М., 1918. С. 3, 9.
- 85 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.255. Л.274-278.
- 86 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.255. Л.2, 5, 8-12, 27-29, 109-110, 235-239, 307-309; Д.331. Л.77-78, 120-121, 143, 144-145, 159, 171, 173, 187; ГУ

- ГАГШ Ф.25. Оп.1.Д.451. Л.23-25, 73-74, 115-117; Ф.16. Оп.1. Д. 571. Л.62-64, 83-85.
- 87 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.255. Л.110-113.
- 88 Там же. Л.120-123.
- 89 Там же. Л. 73-74.
- 90 Там же. Л. 113-115.
- 91 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.332. Л.53.
- 92 ГУ ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д.357. Л.130-133.
- 93 ГУ ГАКО. Ф.154. Оп.1. Д.4. Л.26.
- 94 ГУ ГАКО. Ф.154. Оп.1. Д.19. Л.51.
- 95 Западная Сибирь, Тобольская губерния и Томск / под ред. М.М. Петрова. Томск, 1908. С. 64.
- 96 Годовой отчет Союза Сибирских Маслодельных Артелей за 1912. Курган, 1913. С. 142-143.
- 97 ГУ ГАГШ. Ф.Р. – 1060. Оп.1. Д.10. Л.34; ГУ ГАКО. Ф.149. Оп.1. Д.67. Л.19-20; Ф.154. Оп.1. Д.41. Л.17; Зиновьев В.П. Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX–начало XX в.). Омск, 1994. С. 29-30.
- 98 Свищев П.А. Южное Зауралье в конце XIX–начале XX в. // История Курганской области. Курган, 1996. Т.2. С. 190; Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семенова О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994.
- 99 РГИА. Ф.574. Оп. 2. Д.151. Л.1-2.
- 100 РГИА. Ф.575. Оп.2. Д.1243. Л.11-15.
- 101 Там же. Л.14.
- 102 Там же. Л.15.
- 103 РГИА. Ф.575. Оп.6. Д.552. Л.2.
- 104 РГИА. Ф.575. Оп.6. Д.561.Л.5.
- 105 Там же. Л.2.
- 106 Там же. Л.2-3.
- 107 РГИА. Ф.575. Оп.1. Д.916. Л.10-11.
- 108 Там же. Л.11.
- 109 Такала И.Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 190.
- 110 ГУ ГАКО. Ф.236. Оп.1. Д.114. Л.9.
- 111 ГУ ГАКО. Ф.236. Оп.1. Д.114. Л.26.

- 112 РГИА. Ф.574.Оп.2. Д.1560. Л.9-10.
113 Там же. Л.10-11,16.
114 РГИА. Ф.574.Оп.2. Д.1567. Л.10-11.
115 Там же. Л.12,29,31,32.
116 РГИА. Ф.574. Оп.2.Д.1594. Л.4,5.
117 Там же. Л.18,19.
118 ГУ ГАКО. Ф.237. Оп.1. Д.114. Л. 110.
119 ГУ ГАКО. Ф.237. Оп.1. Д.114. Л. 169.
120 ГУ ГАКО. Ф.И -170. Оп.1. Д.152. Л. 72.
121 ГУ ГАКО. Ф.И -170. Оп.1. Д.152. Л. 79.
122 ГУ ГАКО. Ф.И -170. Оп.1. Д.91.
123 ГУ ГАКО. Ф.И -170. Оп.1. Д.152. Л. 30.
124 Там же. Л.75.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГУ ГАКО – Государственный архив Курганской области.

ГУ ГАЧО – Государственный архив Челябинской области.

ГУ ГАГШ - Государственный архив города Шадринска.

ЕЕВ - Екатеринбургские епархиальные ведомости.

ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея.

ИРГО – Императорское русское географическое общество.

ЗСО ИРГО – Западно-Сибирское отделение Императорского русского географического общества.

КВ – Курганский вестник.

КОКМ – Курганский областной краеведческий музей.

МОСХ – Московское общество сельского хозяйства.

ОЕВ – Оренбургские епархиальные ведомости.

ОГВ – Оренбургские губернские ведомости.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ССМА – Союз сибирских маслодельческих артелей.

ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости.

ТГВ – Тобольские губернские ведомости.

ТГМ – Тобольский губернский музей.

УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания.

ШГКМ – Шадринский городской краеведческий музей.

Дер. – деревня.

С. – село.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Абрамов Н.А. Город Ялуторовск с его округом // ТГВ. 1864. №27.
- 2 Абрамов Н.А. Слобода Царёво городище // ТГВ. 1860. №6.
- 3 Андрианов В. Как проводят праздники крестьяне Курганского округа слободы Белозерской // ТГВ. 1858. №48.
- 4 Анучин Е. Статистика несчастных смертельных случаев в Тобольской губернии // ТГВ. 1864. №50.
- 5 Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.
- 6 Алеврас Н.Н. Уральский регион: историко-культурное единство или многообразие? // Урал в контексте российской модернизации: сборник научных трудов. Челябинск, 2005.
- 7 Александров В.А. Обычное право в России в Отечественной науке XIX–начала XX в. // Вопросы истории. 1981. №11.
- 8 Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII–начало XIX в. М., 1984.
- 9 Александров В.А. Отечественная наука XIX–начала XX века об обычном праве в России // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в пореформенной России. Воронеж, 1983.
- 10 Александров В.А. Сельская община в России (XVII–начало XIX в.). М., 1976.
- 11 Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. №3.
- 12 Алексеев В.В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Екатеринбург, 2000.
- 13 Алексеева Е.В. Государственная власть и модернизация Российской империи: детерминанты и константы // История отечественного государства и права: методология изучения и методика преподавания. Екатеринбург, 2001.
- 14 Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России XVIII–XX вв. М., 2007.
- 15 Андреева Т.А. Особенности российской модернизации в свете современного исторического знания // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Опыт российских модернизаций XVII–XX вв. М., 2000.

- 16 Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России (конец XIX–начало XX в.). М., 1980.
- 17 Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1984.
- 18 Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Урале последней трети XIX–начала XX века в историографии // Уральский исторический вестник. №7. 2001.
- 19 Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в. Новосибирск, 1975.
- 21 Барац Г. О чужеземном происхождении большинства русских гражданских законов // Журнал Гражданского и Уголовного права. 1884. №8.
- 22 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- 23 Бгажнок Б.Х. Адыгейская этика. Нальчик, 1999.
- 24 Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX в. М., 1988.
- 25 Билимович А.Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Киев, 1904.
- 26 Бирюков М.П. Краткая Першинская летопись. Курганская областная научная библиотека имени Югова, отдел рукописей.
- 27 Бирюков М.П. Население села Першинского Далматовского района Курганской области. Досоветский период. Свердловск, 1975.
- 28 Богаевский П.М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. М., 1889. Вып. I.
- 29 Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях в 1861–феврале 1917 г. Екатеринбург, 2004.
- 30 Богданович Н.М. Записки исполняющего дела Тобольского губернатора Н.М. Богдановича. СПб., 1893.
- 31 Болезни деревни // ОЕВ. 1910. №46.
- 32 Бородкин Л.И. Опыт российской модернизации XVIII–XX вв. // Отечественная история. 2003. №5.
- 33 Бортникова О.Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX–начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 1998.
- 34 Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень, 1999.

- 35 Булдыгин Н. Письмо к трезвенникам // ТЕВ. 1907. №19.
- 36 Быт великорусских крестьян землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева / авторы-составители Б.В. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993.
- 37 Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. М., 1917.
- 38 В.В. Семейные разделы и крестьянское хозяйство // Отечественные записки. 1883. №1.
- 39 Варгин В.Н. По аграрному вопросу. Пермь, 1917.
- 40 Веригин И. Начала народного права и судопроизводства // Русская речь. 1879. №3.
- 41 Весин Л.П. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1886. №7; 1887. №2, №5.
- 42 Вестник кооперации. 1911. №3.
- 43 Вестник кооперации. 1912. №1.
- 44 Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. М., 1982.
- 45 Владимирский-Буданов В.И. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1900.
- 46 Власова И.В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII–первой половине XIX в. // Советская этнография. 1980. №3.
- 47 Воронин В.Е. Всероссийская научная конференция «Реформы и революции в России: XIX–XX вв.» // Отечественная история. 2007. №1. С.206-210.
- 48 Ганцкая О.А. Семья, структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. №6.
- 49 Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994.
- 50 Годовой отчет Союза сибирских маслодельных артелей за 1912. Курган, 1913.
- 51 Голикова С.В. Проблемы исторической типологии семьи // Уральский исторический вестник. 2001. №7.
- 52 Головачев Д.М. Частное землевладение в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. №1.
- 53 Голубев П.П. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1904. №6. Отд. III.
- 54 Гордон А.В. Тип хозяйствования – образ жизни – личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993.

- 55 Городцов Н.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // ЕТГМ. Тобольск, 1915. Вып. XXVI.
- 56 Горьковская З.П. Влияние переселенцев на трудовые традиции крестьянства Сибири в эпоху капитализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: сборник научных трудов. Новосибирск, 1986.
- 57 Горьковская З.П. Источники для изучения трудовой деятельности русских крестьян периода капитализма // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма: сборник научных трудов. Новосибирск, 1983.
- 58 Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1914 гг.). Новосибирск, 1976.
- 59 Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1967.
- 60 Горюшкин Л.М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне: об уровне и особенностях развития капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX–начале XX в. Новосибирск, 1962.
- 61 Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (XVI–XIX вв.) Новосибирск, 1964.
- 62 Грауздин Ф.Х. Чересполосность крестьянских наделов в Шадринском уезде и меры к ее устранению // Сборник Пермского земства. 1902. №5-6.
- 63 Громыко М.М. Культура русского крестьянства XVII–XX веков как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. №3.
- 64 Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
- 65 Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- 66 Громыко М.М. Труд в представлении сибирских крестьян XVIII–первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1975.
- 67 Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII–первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.
- 68 Громыко М.М. Трудовые традиции XVII–XIX веков и проблема современного сельского хозяйства // Социально-демографические аспекты

- развития производительных сил деревни: тезисы докладов и сообщений. М., 1984.
- 69 Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2007.
- 70 Губский М. Ссылка // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. XXXI.
- 71 Гурвич И.А. Экономическое положение русской деревни. М., 1941.
- 72 Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы. СПб., 1911.
- 73 Деви П. Картофельный бунт в Пермской губернии в 1842 г. Рассказ крестьянина Гурина // Русская старина. 1874. Май.
- 74 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1958. Т.2.
- 75 Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861-1880 гг. М., 1978.
- 76 Дружинин Н.П. Крестьяне и общее гражданское право // Журнал Юридического общества. 1896. №6.
- 77 Дружинин Н.П. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912.
- 78 Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононорматика и начальное право // Государство и право. 2000. №1; 2001. №9.
- 79 Духовский М.В. Имущественные проступки по решениям волостных судов. М., 1891.
- 80 Евреинов Г.А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб., 1903.
- 81 Евреинов Г.А. Самобытность или отсталость. СПб., 1905.
- 82 Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры // Из истории русской культуры. Т.5. XIX век. М., 1996.
- 83 Емельянов Н.Ф. Город Курган (1782-1917). Социально-экономическая история. Курган, 1992.
- 84 Емельянов Н.Ф. Состав населения Кургана при капитализме // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991.
- 85 Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семёнова О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994.
- 86 Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып.1. Обычное право. М., 1884.
- 87 Ефименко П.С. К истории семейных разделов // Киевская старина. 1883. Т. 14. №3. Март.

- 88 Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т.1.
- 89 Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1960.
- 90 Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.
- 91 Закомельский П. Нечто о предбрачных предосторожностях // ТЕВ. 1908. №2.
- 92 Западная Сибирь, Тобольская губерния и Томск / под ред. М.М. Петрова. Томск, 1908.
- 93 Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х гг.: поворотный пункт российской истории // Отечественная история. 2005. №4.
- 94 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861 гг. М., 1984.
- 95 Зверев В.А. Внутрисемейные отношения у русских крестьян Сибири конца XIX–начала XX века // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981.
- 96 Зверев В.А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993.
- 97 Зверев В.А. Красен человек уменьем. Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1995.
- 98 Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991.
- 99 Зверев В.А. Хозяйственная деятельность русской крестьянской семьи в Сибири (конец XIX–начало XX в.) // Трудовые традиции сибирского крестьянства (конец XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1982.
- 100 Зверев В.А. Численность и структура русской крестьянской семьи в Сибири периода империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980.
- 101 Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России от сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997.
- 102 Зверев В.В. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991.
- 103 Звонков А.П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина. М., 1889. Вып. I.

- 104 Зиновьев В.П. Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX–начало XX в.). Омск, 1994.
- 105 Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.Р. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). М., 1983.
- 106 Зуев А.С. Некоторые методологические аспекты изучения землевладения в Сибири // Методологические проблемы изучения Сибири. Новосибирск, 1988.
- 107 Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып.1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999.
- 108 Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992.
- 109 Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. №4.
- 110 Зырянов П.Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып.6.
- 111 Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1864–1914) // Исторические записки. 1982. Т.107.
- 112 Игнатов Р. Обряды при свадьбах у бывших казенных горнозаводских крестьян Троицкого уезда. Этнографический очерк // ОГВ. 1881. № 43.
- 113 Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1925.
- 114 Изергина Е.А. Роль общины в регулировании добывающих промыслов крестьянства Сибири пореформенного периода // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1983.
- 115 Исаев А.А. Значение семейных разделов крестьян (по личным наблюдениям) // Вестник Европы. 1883. Июль. №7.
- 116 Исеть (г. Шадринск). 1914. 5 января.
- 117 Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Опыт российских модернизаций XVII–XX вв. М., 2000.
- 118 История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т.3. Сибирь в эпоху капитализма / гл. ред. А.П. Окладников и др. Л., 1968.

- 119 Источники по истории освоения Сибири в период капитализма: сборник научных трудов / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1989.
- 120 К празднику трезвости в Тобольской епархии // ТЕВ. 1913. №11. Приложение.
- 121 Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996.
- 122 Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1993.
- 123 Кабытов П.С. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.
- 124 Кавелин К.Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования // Современник. 1860. № 2.
- 125 Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней Руси // Современник. 1847. Т.1.
- 126 Кавелин К.Д. Государственное крепостное право в России // Голоса из России: сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1974. Кн.3.
- 127 Козлов С.А. Аграрная модернизация Центральной Нечерноземной России в конце XVIII-начале XX в. (основные этапы) // Отечественная история. 2004. №2.
- 128 Как жена из дому уходила. Сказки Шадринского края / сост. В.Б. Бекетова и В.П. Трофимов. Шадринск, 1995.
- 129 Касьянова Кс. О русском национальном характере. М., 1994.
- 130 Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселенцы // Сибирь, ее современное состояние и нужды: сборник статей / под ред. И.С. Мельникова. СПб., 1908.
- 131 Кауфман А.А. Земельная община Курганского округа Тобольской губернии // Сибирский вестник на 1895 г. Иркутск, 1895. Вып.2.
- 132 Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб., 1897.
- 133 Кауфман А.А. Очерк общинных порядков Ишимского округа Тобольской губернии // Русская мысль. М., 1890. Кн. XI.
- 134 Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906.
- 135 Качоровский К.Р. Народное право. М., 1906.
- 136 Качоровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1906. Т.1.

- 137 Ковалев Д.В. Из истории модернизационных процессов в крестьянском хозяйстве России конца XIX–первой четверти XX в. (на материалах Подмосковья) // Отечественная история. 2002. №2.
- 138 Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII–начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.
- 139 Козлов С.А. Аграрная модернизация Центральной Нечерноземной России в конце XVIII-начале XX в. (основные этапы) // Отечественная история. 2004. №2.
- 140 Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII–начале XIX в. Омск, 1973.
- 141 Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XIX в.). Новосибирск, 1975.
- 142 Константинов Д. Общество трезвости в селе Дубровское Могилевской волости // ТЕВ. 1902. №22.
- 143 Костюрина М.Н. Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях около Тобольска летом 1894 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1896. Вып. III.
- 144 Котович Л.В. Роль сельских обществ в закреплении переселенцев в Сибири эпохи капитализма // Социально-демографическое развитие сибирской деревни досоветского периода. Новосибирск, 1987.
- 145 Кошель П. Ссылка и каторга в России // История. 2003. №2.
- 146 Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: историко-культурный аспект. М., 1998.
- 147 Краткий обзор Курганского округа Уральской области. Курган, 1925.
- 148 Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаических обычаев у русских // Русский семейный и общественный быт / под ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М., 1989.
- 149 Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / под ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1983.
- 150 Кротков С. Начальная школа как проводник трезвости в народе // ТЕВ. 1910. №24.
- 151 Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело». Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005.
- 152 Кыштымов П. Этнографические сведения о жителях Пермской губернии Шадринского уезда Песчанского сельского общества Верхтеченской волости // Шадринская старина. Шадринск, 1998.

- 153 Ленин В.И. Аграрный вопрос России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т.17.
- 154 Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895.
- 155 Леонтьев А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1909.
- 156 Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
- 157 Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. М., 1972.
- 158 Литвинцев И. О съезжих праздниках // ТЕВ. 1882. №17.
- 159 Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотики культуры // Собрание соч.: в 3-х т. Таллинн, 1992. Т. 1.
- 160 Макки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия сухого закона в России // Материалы международного научного colloquium «Россия и Первая мировая война». СПб., 1999.
- 161 Малахинов П.И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962.
- 162 Мамсик Т.С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне (по материалам судебных дел первой половины XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских в Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1985.
- 163 Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987.
- 164 Мамсик Т.С. Общинное самоуправление и взгляд крестьян на мирскую должность // Крестьянская община в Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1997.
- 165 Мануилов А.А. Реформа 19 февраля и общинное землевладение // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т.6.
- 166 Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1975.
- 167 Марголис А.Д. Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978.

- 168 Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995.
- 169 Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1889. Вып. II, III, XVII; СПб., 1892.
- 170 Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии. Пермь, 1880. Вып.2. Шадринский уезд.
- 171 Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т.II. Вып.2.
- 172 Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа Тобольской губернии. М., 1897. Т.I.
- 173 Медушевский А.Н. Реформы в России XIX–XX веков: западные модели и русский опыт. Конференция во Франкфурте-на-Майне // Отечественная история. 1996. №2.
- 174 Мимоходом // Сибирские вопросы. 1911. №35-36.
- 175 Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004.
- 176 Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Освоение Южного Зауралья в XVII–XIX вв.: к 50-летию Курганской области. Курган, 1993.
- 177 Менщиков И.С. Культура Южного Зауралья во второй половине XIX–начале XX века. Курган, 2006.
- 178 Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. М., 1996.
- 179 Милогорова И.Н Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Вестник МУ. Сер. 8. История. 1987. №6.
- 180 Миненко Н.А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск, 1989.
- 181 Миненко Н.А. Крестьянская семья в Западной Сибири в первой половине XIX в. (численность и структура) // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVIII–начала XX в. Новосибирск, 1975.
- 182 Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья XVII–первой половине XIX в. М., 1991.

- 183 Миненко Н.А. О влиянии социального расслоения на материальную культуру русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX века // Культурная жизнь Сибири XVIII–XX веков. Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1981.
- 184 Миненко Н.А. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII–первой половине XIX в. // Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири XVIII–начала XX в. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978.
- 185 Миненко Н.А. О наследовании у сибирских крестьян в XVIII–первой половине XIX в. // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1974.
- 186 Миненко Н.А. Русская крестьянская семья Западной Сибири (XVII–первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979.
- 187 Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970.
- 188 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т.1, 2.
- 189 Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.
- 190 Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.2. Пермская губерния. СПб., 1864.
- 191 Муллов П.А. Несколько слов о материалах для объяснения народного юридического быта // Журнал Гражданского и Уголовного права. 1877. №4.
- 192 Нагих С.И. Нормативная система догосударственного общества и переход к государству // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.
- 193 Народная газета (Курган). 1914. №39. 5 октября.
- 194 Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1985. Т. 3.
- 195 Немчин М. Значение народных школ в борьбе с пьянством // ОЕВ. 1910. №26-27.
- 196 Никитин В.А. Южное Зауралье во второй половине XIX века // История Курганской области. Курган, 1996. Т.2.
- 197 Никитина И.В. Формирование и развитие пенитенциарной системы на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2007.
- 198 Николаев А.А. История русского крестьянства. СПб., 1909.

- 199 Новомбергский Н. По Сибири: сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903.
- 200 Обзор Тобольской губернии за 1897–1899 гг. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. СПб., 1911.
- 201 Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895.
- 202 Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1996.
- 203 Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877.
- 204 Оршанский И.Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.
- 205 Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т. I; 1892. Т. II.
- 206 Островская Л.В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVII–начала XX вв. (классовая борьба, общественное сознание, культура). Новосибирск, 1975.
- 207 Островская Л.В. Прошения в консисторию и Синод как источники для изучения социальной психологии пореформенной Сибири // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982.
- 208 Островская Л.В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1983.
- 209 Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995.
- 210 Парфёнов И. «Сами не знаем, так заведено» // ТЕВ. 1892. №5.
- 211 Парфёнов И. К сопастырям-трезвенникам // Школьный листок. 1912. №19.
- 212 Парфёнов И. Чай от запоя // Школьный листок. 1912. №22.
- 213 Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. СПб., 1879. Т. 1, 2.

- 214 Первая Всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Тобольская губерния. СПб., 1904. Т. XXXVIII.
- 215 Переселение в Сибирь из восьми губерний, входящих в состав Южно-Русской областной земской переселенческой организации за 1906-1912 гг. Учет семейного переселения. Текст и сводные таблицы. Б.М., 1913. Вып. 1.
- 216 Переселение за Урал. СПб., 1906.
- 217 Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 г. СПб., 1912.
- 218 Пермские губернские ведомости (г. Пермь). Часть официальная. 1899. №30. 29 июля.
- 219 Першин П.Н. По хуторам Пермской губернии. Пермь, 1912.
- 220 Першиц А.И. Нормативное сознание // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988.
- 221 Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- 222 Петропавловский П.Е. По Ишиму и Тоболу // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1886. Кн. VIII. Вып. 1.
- 223 Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. №2–3.
- 224 Плющевский Б.Г. Воздействие отхожих промыслов на социально-психологический склад русского крестьянства // Социально-экономическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России / под ред. В.Т. Пашуто. Воронеж, 1983.
- 225 Плющевский Б.Г. Разработка вопроса о крестьянских отхожих промыслах периода разложения крепостничества в советской историографической науке // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917-1967 / под ред. М.Я. Сюзюмова. Свердловск, 1967. Вып.1.
- 226 Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (на материалах восточных регионов России XVIII–XIX вв.) Екатеринбург, 1995.
- 227 Побережников В.И. Социальные изменения в теоретических проекциях // Уральский исторический вестник. 2001. №7.
- 228 Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995.

- 229 Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. 1896. Вып.3-4. Отд.1.
- 230 Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
- 231 Политическая ссылка в Сибири (XIX–начало XX в.): историография и источники / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1987.
- 232 Политические ссыльные в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1983.
- 233 Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т. 54. Отд.2. 1879. СПб., 1881. №60210.
- 234 Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. Т. 41. Отд.1. 1866. СПб., 1868. №42899.
- 235 Полное собрание законов Российской империи. Собр.3. Т.18. Отд. 1, 1898. СПб., 1901. № 15505.
- 236 Полное собрание законов Российской империи. Собр.3. Т.3. 1883. СПб., 1886.
- 237 Поляков Л. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. №3.
- 238 Постников В.Е. Освобождение крестьян // Освобождение крестьян. СПб., 1911.
- 239 Потанин Г.Н. Областные тенденции в Сибири. Томск, 1917.
- 240 Право обычное // Большой юридический словарь / сост. М.Е. Волосов, В.Н. Додонов и др. М., 2006.
- 241 Преступность / Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров // Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т.25.
- 242 Протопопов И. Село Белоярское Челябинского уезда. Исторический очерк // ОЕВ. 1903. №22.
243. Пругавин В.С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888.
- 244 Прусс В.В. Сельское хозяйство Шадринского уезда во второй половине XIX–начале XX в. // Ученые записки, посвященные 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662-1962). Курган, 1962. Вып.4.
- 245 Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII–первой половине XIX в. Курган, 1999.

- 246 Пундани В.В. Связь государственных крестьян с рынком во второй половине XVIII–первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII–XX вв.). Свердловск, 1990.
- 247 Пундани В.В. Сельскохозяйственный опыт русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX в. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири XVII–начала XX веков. Новосибирск, 1985.
- 248 Российская модернизация проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. №7.
- 249 Пушкаренко А.А. Обычное право позднефеодальной эпохи // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России / отв. ред. В.Т. Пашуто. Воронеж, 1983.
- 250 Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX–начала XX в. Томск, 1975.
- 251 Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997.
- 252 Крестьянский правопорядок (Особое совещание. Свод трудов) / сост. А.А. Риттих. СПб., 1904.
- 253 Российская модернизация XIX–XX веков: индустриальные, социальные, экономические перемены: сборник научных статей. Уфа, 1997.
- 254 Русакова Л.М. Сельское хозяйство среднего Зауралья на рубеже XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1976.
- 255 Село Алабуга, Оренбургской губернии Челябинского уезда // ОЕВ. 1875. № 7.
- 256 Савельев В.Г. Буржуазные преобразования и общественно-политическое движение // История Курганской области. Курган, 1996. Т.2.
- 257 Самоквасов Д.В. Семейная община в Курском уезде // Записки РГО по отделению этнографии. 1878. Т.8. Отд.3.
- 258 Сафронов Ф.Г. Вопрос о собственности на землю в сибирской исторической литературе // Крестьянская община в Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1977.
- 259 Сафронов Ф.Г. О землепользовании крестьян дореволюционной Сибири (вопросы терминологии) // Крестьянство Сибири XVII–начала XX в. Новосибирск, 1975.

- 260 Сборник материалов для изучения русской поземельной общины. СПб., 1980. Т.1.
- 261 Сборник узаконений и распоряжений по земельному устройству крестьян и инородцев. СПб., 1911.
- 262 Свищёв П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX–начала XX века // Земля Курганская. Курган, 1997. Вып. 20.
- 263 Свищев П.А. Южное Зауралье в конце XIX–начале XX в. // История Курганской области. Курган, 1996. Т.2.
- 264 Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII–начале XX в. / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. М., 2003.
- 265 Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права. Возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.
- 266 Семенов Ю.И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. №4.
- 267 Семенов Ю.К. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX–начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1.
- 268 Сергеевич В.И. Крестьянское право и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII в. // Журнал Министерства юстиции. 1907. №2.
- 269 Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.
- 270 Сибирская кооперация. 1919. №1.
- 271 Сибирский листок. 1892. №98. 17 декабря.
- 272 Сибирский листок. 1893. №39. 30 мая.
- 273 Сибирский листок. 1909. №54. 10 мая.
- 274 Сибирский листок. 1911. №98. 15 сентября, №110 18 сентября.
- 275 Сибирский листок. 1911. №111.
- 276 Сибирский листок. 1911. №115. 29 сентября.
- 277 Сибирские хулиганы // Сибирские вопросы. 1911. №20-21.
- 278 Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877.

- 279 Снегирев И.М. Обзорение юридического быта в продолжение древних и средних периодов русской народной жизни // Юридические записки, изданные П.Т. Редкиным. М., 1842. Т.2.
- 280 Соболев М.Н. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. 1905. №1.
- 281 Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. №5; 1993. №2, 6; 1994. № 2, 4–5; 1995. № 3, 4, 6; 1994. №4; 1997. №2; 1998. №1.
- 282 Соколов А. Мысли и чувства по поводу разгула в прощёный день// ТЕВ. 1908. №2.
- 283 Соколовский А.П. Очерк истории общины на Севере России. СПб., 1877.
- 284 Соловьева Е.И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1983.
- 285 Список населенных мест Тобольской губернии. СПб., 1871.
- 286 Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1904.
- 287 Статистика землевладения. 1905. СПб., 1906. Вып. XI. Пермская губерния.
- 288 Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: Документы, переписка, мемуары / сост. предисл. и коммент. А.В. Гутерца. М., 2003.
- 289 Сухотина Л.Г. К вопросу о феодальных пережитках в сибирской деревне накануне первой русской революции // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
- 290 Сухотина Л.Г. О правовом положении крестьян Сибири пореформенного периода (вторая половина XIX–начала XX в.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып.2.
- 291 Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. Приложение. № 1.
- 292 Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1975.
- 293 Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII–начало XX в.) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978.
- 294 Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. СПб., 1892. Т. IV.

- 295 Такала И.Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 190.
- 296 Тарабанова Т.А. Волостной суд в пореформенной России (по материалам Ярославской губернии) // Некоторые проблемы современной науки. Ярославль, 1992.
- 297 Тарабанова Т.А. Состав волостных судов // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 1993. №2.
- 298 Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908.
- 299 Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907.
- 300 Титов А.А. Правовое положение пореформенного крестьянства // Крепостное право в России и реформа 19 июля. М., 1911.
- 301 Тихомиров Н. Поучение по поводу несчастной кончины одного из прихожан// ТЕВ. 1913. №8.
- 302 Тихомиров Н. Поучение против разнузданности и разгула деревенской молодежи села Чинеевского// ТЕВ. 1913. №1.
- 303 Токарев С.А. Обычаи и обряды как объект этнографического изучения // Советская этнография. 1980. №3.
- 304 Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
- 305 Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. / под ред. Миненко и др. Екатеринбург, 1996.
- 306 Третьяков А. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении // Шадринская старина. Шадринск, 1998.
- 307 Тройницкий В.А. Неурожай в Тобольской губернии 1891 года // Исторический вестник. 1913. Вып.83. Август.
- 308 Трофимов И.Я. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и города Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895.
- 309 Труды комиссии по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий). СПб., 1873. Т. I–VII.
- 310 Туган-Барановский М.И. О кооперативном идеале. М., 1918.

- 311 Туган-Барановский М.И. Экономическая природа кооперативов и их классификация. М., 1914.
- 312 Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
- 313 Тюкавкин В.Г. Характер аграрных отношений в Сибири в начале XX в. // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861-1917 гг. Вып.3. Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1967.
- 314 Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987.
- 315 Тюремный вестник. 1899. №6.
- 316 Тютрюмов И.М. Крестьянский суд и начала народно-обычного права // Русское богатство. 1883. №9.
- 317 Тютчев А.П. Семейные разделы у крестьян. СПб., 1912.
- 318 Успенский Т.И. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Шадринска старина. Шадринск, 1997.
- 319 Ушаков А.Н. Судьба волостных владений Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. XIV.
- 320 Федоров В.А. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Сельское хозяйство и крестьянство Северо-Запада РСФСР в дореволюционный период: материалы межвузовской научной конференции / под ред. А.А. Кондрашенков. Смоленск, 1972.
- 321 Федорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997.
- 322 Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
- 323 Фойницкий И.Я. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1909.
- 324 Фойницкий И.Я. Программа для собирания народных юридических обычаев. Уголовное право // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1878. Т.8.
- 325 Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889.
- 326 Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган, 1995.
- 327 Худяков В.Н. К вопросу о классовом разложении крестьянства Тобольской губернии во второй половине XIX в. // Из истории Западной Сибири. Омск, 1973.

- 328 Худяков В.Н. К вопросу о собственности на землю в Сибири в XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984.
- 329 Чепурной. Устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии // Известия Киевского университета. 1874. Октябрь.
- 330 Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. М., 1986.
- 331 Чернышев М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959.
- 332 Чудновский С. Колонизационное значение сибирской ссылки // Русская мысль. М., 1886. Кн.Х.
- 333 Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Тюмень, 1997.
- 334 Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. №11–12.
- 335 Швецов С.П. Молочные бунты в Сибири. Доклад на заседании Западносибирского общества сельского хозяйства // Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 4.
- 336 Швецов С.П. Молочные бунты в Сибири и их причины. Письмо из Алтая // Русское богатство. 1902. № 3. Отдел II.
- 337 Шейнфельд М.В. Историография Сибири (конец XIX-начало XX в.). Красноярск, 1972.
- 338 Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924.
- 339 Земельные захваты и межевое дело (Особое совещание. Свод трудов) / сост. С.И. Шидловский. СПб., 1904.
- 340 Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки ЗСОИГРО. Омск, 1880. Кн.2.
- 341 Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.
- 342 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892.
- 343 Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии. М., 1872.
- 344 Якушкин Е.И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. 1891. Кн.9. №2.
- 345 Якушкин Е.И. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1909. Вып.4.

- 346 Frierson C. crime and Punishment in the Russian village: Rural concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // The Slavic Review. 1987. Vol. 46. №1.
- 347 Hristian D. Vodka and corruption in Russia in age of Emancipation // The Slavic Review. 1992. Vol. 45. №3.
- 348 Parson T. Transformation Russian society. Change after 1861. Some main features industrial society // The Slavic Review. 1989. Vol. 47. №2.

Научное издание

Менщиков Игорь Самуилович
Федоров Сергей Георгиевич

**ДЕВИАНТНОЕ И ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX В.**

Монография

Редактор О.Г. Арефьева

Подписано в печать	Формат 60x84 1/16	Бумага тип. № 1
Печать цифровая	Усл. печ. л. 16,25	Уч.-изд. л. 16,25
Заказ №	Тираж	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.